

P988

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ

МЕСОПОТАМИЯ НА РУБЕЖЕ

V—VI вв. н. э.

СИРИЙСКАЯ ХРОНИКА ИЕШУ СТИЛИТА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Академия Наук
СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, т. XXXI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ

МЕСОПОТАМИЯ НА РУБЕЖЕ

V—VI вв. н. э.

СИРИЙСКАЯ ХРОНИКА ИЕШУ СТИЛИТА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, т. XXXI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор: *акад. И. Ю. Крачковский*

Редактор Издательства: *А. М. Барабанов*

Технический редактор *К. А. Гранстрем*. — Корректор *О. Г. Крючковская*

Сдано в набор 9 сентября 1939 г. — Подписано к печати 12 июля 1940 г.

176 стр.

Формат бум. 72×110 см. — 11 печ. л. — 13,35 уч.-авт. л. — 47 840 тип. зн. — Тираж 800

Ленгорлит № 3117. — РИСО № 823. — АНИ № 407. — Заказ № 857

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград. В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие (В. В. Струве)	5
Часть I	7
Введение	—
Хроника Иешу Стилита и ее автор	9
Источники хроники	15
Исторический очерк Месопотамии V и VI вв.	32
Общественно-экономические отношения	—
Город Эдесса и провинция Осроена.	—
Социальное расслоение деревни и города	36
Подати и повинности.	49
Управление города и области	63
Местная торговля хлебом и цены.	66
Борьба между Ираном и Византией на рубеже V и VI вв.	81
Поход Кавада	93
Взятие Амиды персами	98
Продвижение и походы Келера	116
Амид	122
Заключение мира	124
Часть II	130
Хроника Иешу Стилита. Русский перевод с сирийского и примечания Н. Пигулевской.	—
Указатели к русскому переводу хроники.	171
Указатель собственных имен	—
Указатель географических, топографических и этнографических назва- ний.	173
Указатель основных терминов хроники.	175
Указатель греческих слов	—

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование Н. В. Пигулевской о сирийской хронике Иешу Стилита представляет исключительный интерес для советской исторической науки. Изучаемый источник отражает сложное явление разложения рабовладельческого общества и развития феодальных отношений в Междуречье. Автор отдает себе отчет в том, насколько сложен комплекс отношений, слагавшихся в области, тесно примыкавшей к границе между Ираном и Византией. Этническая пестрота, широкие торговые связи, угроза войны, становившаяся реальностью, создавали ряд дополнительных, сложных явлений. Верный методологический подход помог правильной оценке фактов, и в результате исследования получились выводы шире тех локальных и хронологических рамок, в которых они даны. Из своего задания автор сумел сделать работу, трактующую актуальные проблемы общ исторического характера и поставить ее на уровень требований методологического порядка, предъявляемых современной науке. В господствовавших общественно-экономических отношениях, в невыносимо тяжелом положении эксплуатируемого населения автор справедливо вскрывает причину быстрого и легкого завоевания арабами Ближнего Востока.

В издании исследований и переводов под общим названием «Сирийские источники об Иране и Византии» хронике Иешу Стилита принадлежит по праву одно из первых мест. Русский перевод сделанный впервые, дает возможность использовать редкий сирийский источник, представляющий интерес как для круга специалистов, так и для историков-педагогов.

Академик *В. В. Струве*

Часть I

ВВЕДЕНИЕ

Сирийские источники до настоящего времени не получили должного признания ни у историков, ни у археологов. В значительной степени это связано с недоступностью памятников в подлиннике и отсутствием переводов. Однако до расцвета арабской литературы сирийские исторические сочинения имеют первостепенное значение.

Для VI и первой половины VII в. сирийские хроники содержат исключительный по своей значимости материал, который дает возможность вскрыть социально-экономические отношения в азиатских провинциях Византии и Ирана. В сасанидскую эпоху взаимоотношения обоих государств складывались через посредство сирийцев, язык которых был дипломатическим языком Ближнего Востока. Сосредоточенные преимущественно на внешнеполитических событиях эти источники, тем не менее, дают ряд данных, имеющих значение для определения внутренних социально-экономических отношений, сложившихся в эту эпоху.

В ряду исторических памятников, которые являются предметом данного исследования, хронике Иешу Стилита принадлежит одно из первых мест. Она представляет собою превосходный источник для истории отношений Ирана времен Пероза и Кавада с Византией; ее локальный характер дает материал о жизни восточных провинций, находившихся под властью Византии, которые были искусственно отсечены от единоплеменных областей, оставшихся под властью сасанидов. Особенности социальных отношений, правовых и государственных норм, которыми жили византийские провинции, были той почвой, на которую вскоре начали отслаиваться отношения образовавшегося халифата. Анализ сирийской социальной терминологии до настоящего исследования никем не производился. Между тем оказалось возможным сопоставить ее с рядом греческих эквивалентов и указать на сходную терминологию, употреблявшуюся в Иране. Социальные и экономические явления, о которых сообщает хроника, сопоставлены с историческими данными, известными по другим источникам. Безотрадная картина угнетения и эксплуатации масс, вскрытая хроникой, подтверждает замечательные слова Ф. Энгельса в его блестящей характеристике, данной поздне-римской и ранне-византийской империи: «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных».

Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат». . .¹

Характеристика в точности соответствует тому, что сообщает сирийская хроника, давшая такую яркую картину этих вымогательств, грабежей, нищеты и голода. Официальные историки едва касаются этих сторон жизни. У целой плеяды греческих летописцев жизнь Константинополя поглотила все их повествовательные способности. От красочной столицы рябило в глазах, за мишурой придворных одежд, шумом кровавых и крикливых интриг забывалось все остальное. Облитые желчью страницы «Тайной истории» принадлежат к числу редких документов. Ею вскрыты такие язвы, что вся видимая мощь пышного царствования Юстиниана блекнет, обращается в ничто перед обнищанием и опустошениями, о которых она сообщает. Провинциальные хроники и летописи дают в этом отношении еще более богатый материал. Их интересы носят местный характер, они сообщают хозяйственные и бытовые детали, которые позволяют нащупать новые звенья в развитии форм экономической жизни. Сирийские памятники дают такого рода материал; они показывают жизнь земледельцев, которые в положении рабов, колонов, разного рода зависимых крестьян несут на себе всю тяжесть обработки и орошения полей, садов и виноградников, стонут от тяжести податей, от разбоя солдат и грабежа чиновников. Эксплуатация провинций, на которую указывает Ф. Энгельс, подтверждается этими источниками особенно ярко.

«Порядок (Римско-византийского государства, — Н. П.) был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей».² Это положение подтверждается бедственными рассказами сирийских хроник и тонкой сатирой ряда строк «Персидской войны» Прокопия.

Хроника Иешу Стилита относится к тому периоду, когда раннее феодальное общество только складывалось и не успело изжить всего наследия рабовладельческих отношений. Оценка, данная Энгельсом растлевающему влиянию рабства в пору его сосуществования колонату, относится к этому переходному периоду. Для азиатских провинций Византии, для Ирана в полной мере справедливо замечание, что «умирающее рабство оставило свое ядовитое жало»;³ его отравляющая экономически и юридически поставила производительный труд свободных в положение близкое, мало чем отличное от положения рабов. Важнейшие, актуальнейшие вопросы современной исторической науки исследуются здесь на конкретном, новом историческом материале. Хроника Иешу Стилита, Сирийский Законник и другие источники дали материал для изучения классового расслоения, эксплуатации

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 125.

² Ф. Энгельс, там же, стр. 125.

³ Ф. Энгельс, там же, стр. 127.

деревенского и городского населения, торговли. Эти очерки дают необходимое объяснение тем социально-экономическим явлениям, о которых сообщает хроника и которые до настоящего исследования не были изучены на сирийских источниках.

Длительный процесс разложения рабовладельческого общества и развития феодальных отношений протекает в Междуречье, как явление сложное. Если основной массой непосредственных производителей на земле следует считать, в конце V и в VI вв., колонов, разного рода зависимых крестьян, париков, то одновременное существование и рабовладельческого уклада в эту эпоху не оставляет никакого сомнения. Ряд данных подтверждает и наличие деревень, населенных «свободными» крестьянами. Сложности, длительности процесса перехода от одной формы общественно-экономических отношений к другим способствовало особое положение провинций, расположенных на караванных путях, по которым в течение тысячелетий шел обмен между востоком и западом. Богатые города были торговыми и производственными центрами с развитой ремесленной промышленностью. Пограничные области, какими были Осроена, Месопотамия, Софанена, Армения, находясь в непосредственной близости к Ирану, жили под постоянной угрозой военных нападений, обострявших формы зависимости, экономические контрасты и классовую борьбу.

Борьба Ирана с Византией на рубеже двух столетий, о которой сообщает хроника, является темой главы, посвященной политической истории Месопотамии. Наступление Ирана при Каваде было вызвано глубокими внутренними причинами, а задачей были грабеж и собственное обогащение за счет опустошения и разорения покоряемых провинций.

Исследование «повести временных лет», составленной Иешу Стилитом, проведено по ее двум основным темам — истории похода «тирана людского» персидского царя Кавада и рассказам об испытаниях, постигших Месопотамию.

Одна тема дает материал для политической истории Междуречья, вторая — для характеристики его общественно-экономического строя.

Русский перевод с сирийского текста «Хроники Иешу Стилита», для облегчения пользования источником, снабжен несколькими указателями: географических, топографических и этнографических названий, собственных имен, важнейших терминов и греческих слов, транскрибированных в сирийском тексте.

ХРОНИКА ИЕШУ СТИЛИТА И ЕЕ АВТОР

Хроника Иешу Стилита, написанная на сирийском языке, является одним из тех памятников, которые приходится особенно ценить историку, так как автор сообщает о событиях, к которым он сам был причастен, пережил их и, во всяком случае, был их современником.

До нашего времени хроника дошла в единственном списке, как составная часть так называемой хроники Дионисия Телльмахрского, относимой

к IX в. Она вкраплена в последнюю целиком со вступлением и заключением, как единое целое.¹

Рукопись Дионисия Телльмахрского, в состав которой входит хроника Иешу Стилита, принадлежит к числу находящихся в библиотеке сирийского монастыря в Нитрийской пустыне. Сведения об этой рукописи двоякие. В каталоге восточных рукописей Ватикана Ассеманий утверждает, что она принадлежит к числу привезенных из Тагрита в 932 г. игуменом монастыря Моисеем Низибийским, собиравшим эту библиотеку.² По другим данным того же Ассемания этот экземпляр переписан в самой Скитской пустыне в IX или X в.,³ что наиболее вероятно. Для средневековых писателей-сирийцев хроника эта уже была потеряна: ни Михаил Сириец (умер в 1199 г.), ни Бар Эбрей (умер в 1286 г.) ее не знают и используют только псевдо Захария Митиленского. Историк Агапий, писавший на арабском языке, также черпает сведения об этом периоде у Захария.⁴

Впервые к летописи Иешу Стилита вернулся, как и вообще ко многим сокровищам сирийской литературы, Ассеманий, ученый маронит, составивший в начале XVIII в. богатейшую *Bibliotheca orientalis*. Двадцать шестая глава первого тома содержит выдержки из хроники Иешу Стилита на латинском языке.⁵

Это первое упоминание, перевод отрывков и комментариев послужили данными для использования Стилита как источника первостепенной важности для истории войн Ирака с Византией в конце V и начале VI в. Неполнота данных Ассемания, отсутствие сирийского текста и значительное количество лакун побудили Павлина Мартэна⁶ издать полностью сирийский подлинник и французский перевод, снабдив его немногочисленными справками. Текст был издан недостаточно тщательно, и знаток сирийской литературы и палеографии Райт⁷ взялся за издание вторично. Он исправил ряд ошибок и недостатков своего предшественника в издании текста и приложил английский перевод. О своем несколько тяжелом переводе Райт сам говорит,⁸ что он, стремясь передать манеру подлинника, переводил библейским стилем, который лучше всего подходит для такого памятника. Немногочисленные подстрочные примечания, объясняющие географические названия, ценны. Но и в этом издании хроника в целом осталась неистолкованной. Русский перевод с сирийского сделан мной.

¹ N a u. Etude sur les parties inédites de la chronique ecclésiastique attribuée à Denys de Tellmahré. *Revue d'Orient Chrétien*, 1897, t. II, p. 41.

² *Catalogum Codicum Orientalium Bibl. Apost. Vaticanae*, t. III, № CLXII, p. 329.

³ Joseph Simonius Assemanus. *Bibliotheca orientalis Clementino Vaticana*. Romae, 1719, t. II, pp. 97, 98.

⁴ Agapius de Membidg. *Texte arabe et traduction française* de Vasiliev. Paris, 1912, p. 424.

⁵ *Bibliotheca orientalis*, t. I, cap. 26, pp. 260—283.

⁶ *Chronique de Joshué le Stilite écrite vers l'an 515. Texte et traduction* par l'abbé Paulin Martin, Leipzig, 1876. *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlands*, B. VI, № 1.

⁷ *The chronicle of Joshua the Stilite, composed in syriac A. D. 507. With a translation into english and notes* by W. Wright, Cambridge, 1882.

⁸ *Ibidem*, p. VI.

Хроника имеет две основные темы, которые в понимании автора слились в одну — «бедствия», постигшие Месопотамию — Эдессу и Амид. Первая основная тема о персидской войне, с историческим экскурсом относительно происхождения ее и истории персидско-византийских взаимоотношений в предшествующий период. Не менее существенна вторая тема хроники — «несчастия», обрушившиеся на византийскую Месопотамию, рассказ о которых знакомит с жизнью провинции Осроены и города Эдессы. Но вторая тема более затруднительна для анализа, так как она вплетена в тему о войне и временами становится основной, подавляя первую.

Для сведений относительно византийско-персидских отношений в предшествующий период автор мог использовать «старые книги», о которых он говорит, как об одном из своих источников. Для иных сведений он указал устные сообщения. Он узнал многое от тех, которые были членами посольства при обоих дворах, скорее всего в роли толмачей, которую сирийцы обычно выполняли как при «ромеях», так и при сасанидских владыках. Эти сведения интересны и вскрывают истинное положение вещей, уже стершееся в византийских источниках. В вопросах внутренней жизни Месопотамии автор более всего сообщает о том, чему он сам был свидетелем, и в иных случаях он ссылается на общественное мнение, на то, что данные факты известны всем, прибегает и к авторитету лица, к которому обращена его хроника. Рассказав особенно тягостные и удручающие факты, летописец подтверждает их истинность тем, что они могут быть засвидетельствованы всем населением Эдессы.

Хроника написана в эпистолярной форме. Это послание — ответ на предложение одного лица, которого автор называет «священником и архимандритом Саргисом», обратившегося к нему с просьбой описать события, происшедшие в течение последних лет. Автор говорит, что неохотно берется за перо, так как не чувствует себя в состоянии удовлетворить необходимые требования, как и не обладает дарованием для того, чтобы разрешить задачу, с которой не справились и те, кто «больше него».

На кого направлен этот намек? Не на двух ли его современников, стяжавших славу своими литературными произведениями — Иакова Серугского и Ксенаяю Маббогского, о которых он упоминает в своей хронике. Увещательные послания первого, во время голода и чумы, обращенные к населению Серугской области, периоде¹ которой он был, упоминаются и сирийским Захарием Митиленским.

Кроме мотивов личного смирения, летописец указывает на неумение «смешать» поучение с печальными историями, о которых он сообщает. Эта последняя его черта вызывает большую благодарность со стороны историка, так как избавляет от необходимости вылущивать драгоценные сведения из массы благочестивых наставлений, сопоставлений и поучений. Несмотря на все предупреждения, автор неплохо справился со своей задачей. Он последовал примеру византийской хронографии и расставил годы,

¹ Периоде^т — один из старших клириков области, непосредственно подчиненный епископу.

и отдельные даты, «чтобы не путать повествования». Ему показалось несущественным писать о ценах, о дороговизне во время голода, но специальная просьба его корреспондента Сергия побудила его уступить и сообщить об этом не принятом для «высокой» литературы предмете.

Сообщая о византийских и персидских делах, он употребляет слова того и другого языка. Многое говорит за то, что он знал греческий язык; составленная мною таблица транскрибированных им слов также говорит об этом. Персидского языка он если и не знал, то во всяком случае был знаком с его терминологией, а также с обычаями, взглядами и современными социальными течениями в Иране, например, с движением маздакитов. Только Иешу Стилит сохранил название «ереси», проповеданной Маздаком, *zarduštān* — *zaraduštakan*.

Кто он сам этот автор, набросавший сильную и яркую картину современной ему жизни? Никто из современников о нем ничего не сообщил. Хроника называется по имени Иешу (Išo, Iešu, Iošua, Josué) Стилита по заметке, находящейся посредине текста, сделанной переписчиком. Елисей, монах монастыря Зукнид, переписавший «эту книгу», упоминает священника того же монастыря Иешу Стилита, написавшего «повести временных лет» о бедствиях бывших в Месопотамии и «вреде, нанесенном тираном людским» — царем персидским.¹ Критика мало выиграет, если вместе с Но² эти строки посчитает за приписку ко всей истории псевдо Дионисия Телльмахрского, сделав ее автором Иешу Стилита, а последние строки о месопотамских бедствиях припишет неизвестному лицу. Пусть автором будет не Иешу Стилит, а псевдо Иешу Стилит,³ тем не менее черты, которыми он может быть охарактеризован из самого произведения, указывают на то, что он был клирик, монах. Самое обращение к нему архимандрита Сергия, его почтительность и послушание в ответах, отчетливо выраженная клирическая тенденция говорят об этом. Он всегда подчеркивает всякие начинания церковного порядка, будь то усиленные моления, новый евхаристический сосуд или учрежденный праздник. По взглядам он монофизит, хотя пигде не упомянул о своем символе веры, но в хронике он упоминает только монофизитов. Гельцер называл Иешу криптомонофизитом. Хотя он не скрывает своих симпатий к последним, но принадлежит к группе умеренных монофизитов, занимает в этой группировке миролюбивую позицию. Он действительно с исключительной теплотой, в похвальных выражениях упоминает о патриархе Антиохийском Флавiane, который был умеренным монофизитом и был снят в 512 г. Анастасием, заменившим его неистовым Севером. Этим обстоятельством можно правильно объяснять неудовольствие Анастасием, которое высказал автор в конце хроники.⁴ Более или

¹ The chronicle of Joshua the Stylite, ed. Wright, p. IX; ed. Martin, p. 18.

² N a u, ibidem.

³ По мнению Шабо и Баумштарка неизвестным клириком около 508 г. была написана хроника, которая ошибочно носит имя Иешу Стилита. — C h a b o t. Littérature syriaque. 1934, pp. 67—68. — B a u m s t a r k. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 146.

⁴ G e l z e r. Josua Stilites und die damaligen kirchlichen Parteien des Ostens. Byzantinische Zeitschrift, B. I, 1892, p. 47.

менее благожелательное отношение к нему на протяжении всей книги в заключительных строках изменено словами, что читателю не следует «смущаться похвалами», которые щедро рассыпаны в книге, так как только в конце царствования Анастасий показал себя в другом аспекте.

Сведений об образовании автора нет, но его словарь и стиль говорят о том, что он имел школьное образование. В 489 г. была закрыта Зеноном знаменитая «школа персов» в Эдессе, вследствие господствовавшего в ней несторианства. Возглавлявшие ее несториане переправились в «персидскую землю» и продолжили свою деятельность в Низибии, где школа процветала в течение нескольких веков.¹

Монофизиты и немногочисленные мелкиты, оставшиеся в Эдессе после разгрома «школы персов», должны были продолжить традиции этого центра образования. Об этом говорит то, что Эдесса являлась в течение веков центром, из которого выходили образованные сирийские люди разных направлений.

Известное количество рукописей было переписано в Эдессе, что также подтверждает существование в ней школ, подготовлявших кадры переписчиков. Возможно, что Иешу Стилит принадлежал к числу учителей школы — обстоятельство, которое сделало бы понятным обращение его корреспондента Саргиса к нему с просьбой описать пережитое. Он упоминает также о «братьях из нашей школы».²

Несмотря на целый ряд несуразных клерикальных рассуждений и замечаний, благодаря безусловной и прекрасной осведомленности автора, в хронике разбросано множество ценнейших сведений для исторической географии, топографии, археологии, искусства.

Для времени составления хроники могут быть выдвинуты две даты: 507 и 518 гг. Основания для этого следующие. Хроника написана под непосредственным впечатлением только что ушедших «бедствий», последняя ее дата 28 ноября 506 г. В тексте упомянут Юстин, сменивший на престоле Анастасия, ему прилагается только звание дукса, без всяких указаний на будущее его положение, что было бы вполне естественным. Однако слова о нежелательной политике Анастасия в конце царствования (о чем речь была выше) ведут к 518 г. — году его смерти. Эту часть последнего параграфа

¹ Barhadbesabba Arbaya. Cause de la fondation des écoles. *Patrologia Orientalis*, t. IV, p. 319.

² Иешу Стилит, § 34 — syr. Wright, p. 28. — В русском переводе хроники Иешу Стилита сохранено разделение на параграфы, данное издателем сирийского текста Райтом. Номера параграфов в подстрочных примечаниях соответствуют и сирийскому, и русскому тексту. Помимо того, при ссылках на сирийский текст указываются страницы изданий Райта (*The chronicle of Joshua the Stylite composed in syriac A. D. 507, With a translation into english and notes by W. Wright, Cambridge, 1882*). При ссылках на Иешу Стилита соблюдаются следующие сокращенные обозначения: 1) Иешу Стилит, § . . . (ссылка относится к русскому переводу); 2) Иешу Стилит § . . . — syr. Wright, p. . . . (ссылка относится и к русскому переводу и к сирийскому тексту издания Райта); 3) Иешу Стилит § . . . — syr. Wright, p. . . . — transl., p. . . . (ссылка относится к русскому переводу, к сирийскому тексту издания Райта и к английскому переводу Райта).

хроники Райт находит позднейшей глоссой и хронику относит к 507 г. Гельцер также считает хронику написанной в 507 г., но приписку признает сделанной самим автором после смерти Анастасия, когда он только и решился опубликовать свой труд.

На этой точке зрения стоял и Нельдеке,¹ но впоследствии изменил ее, считая, что хроника была составлена несколько позднее.² Поскольку автор говорит о благосостоянии эдесской области, о спокойствии и благополучии, в котором она находится после пережитых бедствий, необходимо предположить, что прошло известное количество времени, за которое город и область могли оправиться.

Во всяком случае относить написание и опубликование хроники позже 518 г. нет никаких оснований.

Пожалеть можно только об одном, что автор хроники не осуществил свое горячее желание написать о «временах благоденствия» Месопотамии, как он это обещал своему корреспонденту. Или быть может это писание потеряно для нас, как многое из сокровищ сирийской литературы.

Клирик и, вероятно, учитель школы Иешу Стилит не является однако представителем высшего слоя духовенства. Епископы, периодевты, настоятели монастырей принадлежали к высшим чинам клира, были крупными землевладельцами и бесконтрольно распоряжались церковной или монастырской казной, поэтому и интересы этой верхушки были те же, что и «богатых», и «знатных». В хронике ничто не говорит о том, что автор ее разделяет эти интересы, наоборот, на протяжении всей книги он уделяет внимание «бедным», «простым», «несчастливым». Высокие цены на продукты питания затронули и его, он говорит, что от дороговизны страдали «мы». Взятничеством и несправедливым распределением постоя солдат он возмущается, как пострадавший. Сообщая о тяжбах, притеснениях, он становится на сторону обиженных, «малых» людей.

Иешу Стилит принадлежит к рядовым клирикам. Жизнь ремесленников и крестьян ему ближе, чем жизнь знати. Поэтому для него было возможно понимать интересы этих слоев населения. Но протест, возмущение, гнев пугают его. Он бранит «смельчаками», «дерзкими», делающими то, что «не подобает», тех представителей «простого народа», которые решились свой протест написать на «хартиях» и вывесить их в публичных местах города. Выступление против «власть имущих» кажется ему немыслимым. В своих словах он старается сгладить конфликт между магистром Келером и эдесситами, но делает это неумело, неуверенно. Он не решается высказываться, боясь чтобы те, которые «любят упрекать», не стали распространять слухов будто он говорит «против начальствующих». Он не лишен общечеловеческой, гуманной точки зрения на события. Хотя он и сторонник Византии, но действия ромейских войск в Иране вызывают его осуждение. Избиение всего мужского населения, поджог деревень, уничтожение вино-

¹ Nöldcke. Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, B. 30, 1876, p. 352.

² Ibidem, B. 36, 1882, p. 689.

градников кажутся ему безобразными. О фактах людоедства он говорит с нескрываемым ужасом.

Сам автор считает свои сообщения достоверными. Опасаясь, чтобы некоторые из фактов, сообщаемых им, как ужасающий голод после налета саранчи, жестокая чума, не вызвали сомнений у тех, которые будут жить «после нас», он подчеркивает истинность своих слов. «То что я сообщаю в этой книге таково, что все люди, которые находятся в нашей области, засвидетельствуют, что это правда». В исторической достоверности материала хроники сомнений не возникает и после самого тщательного анализа.

Бесспорно Иешу Стилит лучший источник для истории войны при Анастасии, сохранивший живую свежесть отдельных эпизодов, не утеревших при этом общей связи и последовательности событий. Как таковой он и был привлечен некоторыми исследователями,¹ но многое требует и в этих данных дополнительной работы.

В части, касающейся внутренних событий в Месопотамии, это — источник, ценность и значимость которого очевидна из последующих глав исследования.

Следует отметить специальный интерес, который имеют отдельные сирийские источники для изучения прошлого народов Советского Союза и тех народов, которые когда-то населяли его территорию и оставили след в памятниках материальной культуры, языке, письменности.

Хроника Иешу Стилита захватила целый комплекс событий, историческое развитие которых касалось народов, населявших Закавказье и живших между Каспийским и Аральским морями. Поэтому сирийская историография должна войти в круг источников советского историка. Она содержит много данных о социальных и экономических отношениях народов Ближнего Востока, влиявших в качестве ближайших соседей на народы, занимавшие территорию СССР. Сирийцы сохранили ценные исторические сообщения о народах Советского Союза, о древних славянах, о тюркских племенах, о политической истории Закавказья. Материал этот имеет первостепенное значение и является новым, неисследованным и актуальным.

ИСТОЧНИКИ ХРОНИКИ

Как уже было отмечено выше, часть своих данных автор хроники относит за счет использованных им устных и письменных источников. Вопрос о них касается проблемы более общего характера — связи сирийской исторической литературы с византийской и пехлевийской. В виду этого и представляется существенным выяснить, какие именно источники могли быть использованы автором хроники.

В результате детального исследования оказалось возможным установить зависимость хроники в части известий, относящихся ко времени императора Зенона, от утерянного в настоящее время греческого источника. Изве-

¹ M e r t e n. De bello persico ab Anastasio gesto. Dissertatio historica. Jena, 1905. — R o s e. Anastasius I. Halle, 1882.

ствия, относящиеся к истории персов, армян и гефталитов, в основном почерпнуты им из другого, неизвестного источника, наиболее вероятно, что из устной традиции. Об использовании им рассказов современников и устного предания, как и о том, что часть сведений почерпнута им из письменного источника, — он сообщает сам.

Первая часть хроники Иешу Стилита не имеет хронологических разделов. Они даются только с § 25, с 806 г. селевкидской эры (= 494/95 г. н. э.). До этого года последовательное повествование имеет только даты отдельных событий.

Из приводимого ниже анализа § 25 очевидно, что письменные источники были использованы автором для предшествующей части хроники.

«Год 806 Александра. Относительно войны и как она возгорелась, я достаточно сообщил, как ты того желал, отец наш, хотя я вкратце написал эти истории, избегая многословия. Часть из них я нашел в старых книгах, часть узнал из общения с людьми, служившими в посольствах к обоим царям, прочее от тех, которым случилось быть среди этих событий. Теперь же о том, что случилось у нас, я хочу сообщить тебе, так как с этого года начались ужасные наказания и знаменья, которые были в наши дни».¹

Из сказанного автором очевидно, что предшествующую 806 (= 494/95) г. часть своего труда он изложил с помощью письменных источников, которые он называет *ספרים קדומים* — древние писания или старые книги. Другим видом источников, использованных им, была устная традиция, при этом специально исходившая от лиц служивших в посольстве *ספרים י, כ, עזרא, נחמיה*. Ценной эту традицию делает то, что лица, с которыми он общался, участвовали в посольствах и в Иран, и в Византию. Помимо того, он имел материал и от лиц, случайно бывших свидетелями событий.

Относительно всего своего сообщения автор говорит, что он «вкратце» изложил «эти истории», что он «избегал многословия», следовательно, он располагал более обширным материалом, чем сообщенный им. «Вкратце» он мог, конечно, излагать и устные рассказы, но в равной мере это может касаться и сокращения письменных источников.

Первые двадцать четыре параграфа хроники заняты двумя темами — политической историей Ирана при Перозе и политической историей Византии при Зеноне. Положение в обеих державах обуславливало для хрониста события, развернувшиеся далее и служившие по его мнению причиной войны.

Откуда в сирийской хронике сведения о времени Зенона, в частности, о мятеже Йллуса и Леонтия, свидетелем и современником которого автор не был? Других сирийских материалов, предшествующих этой хронике, об этом событии не имеется. Много оснований предполагать, что Иешу Стилит знал греческий язык. Прежде всего, велико количество греческих

¹ W. W r i g h t. The chronicle of Joshua the Stilite. Cambridge, 1882, § 25, p. 20 (в дальнейшем цитируется: Иешу Стилит).

слов, которые встречаются в тексте хроники, как на это указывает составленный мною «Указатель греческих слов» (см. стр. 175). Возможно сделать два предположения: или что Иешу Стиллит сам использовал какой-то греческий источник, или что он располагал сирийским источником, тесно связанным с греческой традицией. Такой сирийский источник до настоящего времени неизвестен. Но тщательный анализ дает возможность указать на некоторые связи, на общие черты, на нити, которые сплетают сирийскую историографию с греческой.

Состояние византийских источников о мятеже исаврийцев при Зеноне таково, что возможно установить зависимость источников друг от друга.

Среди фрагментов Иоанна Антиохийского и в хронике Иоанна Малалы сохранились сообщения о мятеже Иллуса и Леонтия с большим количеством подробностей. Критики считают, что рассказ Иоанна Антиохийского, повторенный в сокращенном виде Малалой и позаимствованный летописцем Феофаном у того же Иоанна Антиохийского, непосредственно или опосредствованно восходит к историку Кандиду.¹

В Библиотеке Фотия о Кандиде говорится: «Известны три книги истории Кандида. Начинается она с воцарения Льва. . .» «Вторая книга сообщает о том, как магистр Патрикий, будучи в связи с Вериной, погиб, разгневав Василиска. . .» «Третья книга сообщает о том, что, восстав против Зенона, Иллус поставил царем Леонтия с Вериной. . .» Кончалась эта третья книга временем смерти Зенона.² Проф. С. П. Шестаков в упомянутой статье высказал предположение, что фрагменты Иоанна Антиохийского опираются на данные Кандида и что в его изложении проскальзывают черты симпатии к исаврийцам, что смерть Иллуса и его сторонников описана трагически, а эти данные перешли к нему от Кандида. История Кандида в трех частях не сохранилась именно благодаря его исаврийским тенденциям, которые шли вразрез с господствующими взглядами и тенденциями византийской историографии. Краткое изложение событий, связанных с мятежом Иллуса, данное Фотием по истории Кандида, совпадает с пространством рассказом Иоанна Антиохийского, так что нет оснований сомневаться, что Иоанн позаимствовал свои сведения у Кандида.³ Последний был секретарем (ὑπογραφεύς) лиц, принадлежавших к исаврийской верхушке, так он перечисляет по именам лиц господствующего слоя общества, которые были причастны к исаврийскому мятежу при Анастасии.⁴ Ему были

¹ Ш е с т а к о в. Кандид Исаврийский. Летопись историко-филолог. общ. Новороссийск. унив., Одесса, 1894, т. 4, стр. 124.

² Fragmenta historicorum graecorum, vol. IV. Ed. Carolus Mullerus, Parisiis, 1851, p. 135: Ἀνεγνωσθησαν Κανδίδου ιστορίας λόγοι τρεῖς. Ἀρχεται μὲν τῆς ιστορίας ἀπὸ τῆς Λέοντος ἀναρχήσεως . . . ; p. 136: Ὁ δὲ δεύτερος ὅπως Πατρίκιος ὁ μάγιστρος ὁ Βηρίνῃ συμφειρόμενος, ἐπαναγκήσαντος αὐτῷ βασιλίσκου, ἀπέβιω; p. 137: Ὁ δὲ τρίτος ἄλλα τε παρέχει καὶ ὡς εἰς τὸ ἐμφανὲς Ἰλλους ἐπαναστὰς Ζήνωνι βασιλέα Λεόντιον σὺν Βηρίνῃ ἀνείπεν. Ὅπως τε δυσπραγήσαντες ἐπολιορκήτησαν, καὶ ἀλόντες ἀπετμήθησαν, καὶ τὰλλα ἕως τῆς Ζήνωνος τελευτῆς.

³ Fragmenta historicorum graecorum, vol. IV, pp. 135—137. — Ср.: Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno. Ed. De Boor, Berolini, 1905, pp. 132—140.

⁴ Ш е с т а к о в, там же, стр. 126. — Н е г м е с, VI, p. 339.

хорошо известны события, разыгравшиеся в крепости Херрис или Папиреивой (по имени атамана разбойников Папирия), куда спаслись Иллус и Леонтий. Кандид благодаря своим связям был в курсе скаandalной хроники двора. Он сообщает о связях Верины, матери Ариадны, бывшей сначала женой Зенона, а затем Анастасия. Верина была близка с магистром Патрикием, участвовала в заговоре против Зенона, а после его восстановления была заключена в крепость. Иллус, чтобы укрепить свое положение, поставил царем Леонтия и имел поддержку Верины.¹ Тот же Кандид мог сохранить и живой рассказ об Ариадне, просившей Зенона вернуть ее мать. Зенон отослал ее к патрикию Иллусу, который был тогда всеильным. На грубый ответ Иллуса, чтобы она обратилась к своему мужу, Ариадна заявляет Зенону, что или она останется во дворце или Иллус. Зенон отвечает ей: «Если ты можешь что нибудь сделать, делай, я желаю тебя» (подразумевается оставить во дворце).² После этого покушение на Иллуса организует Ариадна, при посредстве кубикюлярия, евнуха Урбика.

Упомянутые подробности носят интимный характер, и они могли быть сообщены лишь лицом, близким ко двору и искушенным в его сплетнях. Опуская часть подробностей, повторяет этот рассказ и Иоанн Антиохийский.³ В первоначальном виде его текст, более чем вероятно, имел иной состав, в этом можно убедиться при сравнении его с Иоанном Малалой. Текст Иоанна Антиохийского, приведенный во фрагментах Константина Порфириогенита, едва ли отвечает тексту, по которому Иоанн Малала делал свои сокращенные записи. Живая речь Ариадны и Зенона могла уже выпасть из текста Иоанна Антиохийского, по все основания полагать, что она была почерпнута у Кандида. Так как Кандид был известен еще Фотию, то возможно, что непосредственно он был использован и Иоанном Антиохийским. Не исключена, однако, и другая возможность, что Кандид был использован ими уже опосредствованно, например через Евстафия.

Евагрий в своих сообщениях о времени Зенона и Анастасия ссылается на авторитет некого Евстафия, написавшего историю этого времени.

Впервые он упоминает его, перечисляя свои источники и называет его «Евстафий из Епифании сирийской».⁴ Иерокл, писавший до 535 г. (до консульства Велитария), включает Епифанию в число городов византийской провинции Сирии второй.⁵ Евстафий написал историю, состоявшую из двух частей, из которых первая заканчивалась разрушением Трои, вторая доходила до двенадцатого года императора Анастасия (τῷ δὲ ἐτέρῳ ἔως δωδε-

¹ Excerpta de insidiis, p. 137. — Fragmenta historicorum graecorum, vol. IV, p. 137.

² Joannes Malalas. Chronographia ex recensione L. Dindorfii. Bonnae, 1831, p. 387 (в дальнейшем цитируется: Joannes Malalas). — Theophanus. Chronographia recensuit. C. de Boor, vol. I, Lipsiae, 1883, p. 127 (в дальнейшем цитируется: Theophanus).

³ Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, pp. 132—133.

⁴ Evagrius. The ecclesiastical history, l. I, 19. Ed. Bidez. and Parmantier, London, 1898, p. 28 (в дальнейшем цитируется: Evagrius).

⁵ Hieroclis synecdemus et notitia graecae episcopatum. Ed. G. Parthey, Berolini, 1866, p. 41, № 712.

κάτου ἔτους τῆς Ἀναστασίου βασιλείας).¹ В другом месте Евагрий говорит об этом с большими подробностями и дает хронологическую сводку, которой пользовался Евстафий. Евстафий пишет (*ιστορεῖ*), что от начала царствования императора Диоклетиана до смерти Зенона и объявления (царем) Анастасия прошло 207 лет, от принципата Августа 532 года и семь месяцев, от царствования Александра Македонского 832 года и семь месяцев, от царствования Ромула и Рема 1052 года и 7 месяцев, от падения Троп 1686 лет и 7 месяцев.² Начало царствования Анастасия — 491 г., дата, которую поддерживает в хронологической таблице Евстафия дата воцарения Диоклетиана, эра которого считается с 29 августа 284 г. ($284 + 207 = 491$ г.). Счисление по эре Александра Македонского дает совсем другой год ($832 - 311 = 521$ г.). Здесь можно однако предположить следующую ошибку, которую, возможно, следует отнести за счет ошибки переписчика. Ошибка здесь составляет ровно тридцать лет, которые, как отдельное число, вошли в текст; если пропустить число *καὶ τριάκοντα* в тексте *ἔτη δύο καὶ τριάκοντα καὶ ὀκτακόσια*, получается год 802 и по эре Александра он соответствует 491 г. н. э. Рукописей с таким пропуском не имеется, но в некоторых из них имеется вставка дополнительных двадцати лет в эре от Ромула и Рема. Это указывает лишь на то, что текст приведенного Евагрием счисления Евстафия не безукоризнен. Не настаивая на высказанном предположении, считаю его, однако, весьма вероятным и в таком виде правильным, так как год 832 по македонской эре никак не соответствует году воцарения Анастасия. О Евстафии Евагрий повторно выражается с похвалой, он говорит, что тот писал изящно (*κομψῶς*), усердно, точно.³ Иоанн Малала называет его мудрым историком и говорит, что Евстафий не закончил истории персo-византийской войны времени Анастасия, так как он сам умер (*περὶ οὗ πολέμου Εὐστάθιος ὁ σοφώτατος χρονογράφος συνεγράψατο. ὅστις καὶ εὐθέως ἐτελεύτησε, μήτε εἰς τέλειον τὴν ἔκθεσιν αὐτοῦ συντάξας*).⁴

Таким образом Евстафий из Епифании сирийской остановился на 12-м году царствования Анастасия. Малала считает, что смерть помешала ему продолжить его работу.

Евстафий известен как автор истории первых 12 лет царствования Анастасия, но Евагрий ссылается на него и в сообщениях о времени Зенона, начиная с момента, когда тот достиг милости у императора Льва, давшего ему в жены свою дочь Ариадну.⁵ Восстание Теодориха, «скифа родом», и восстание Маркиана, сына Анфимия, царствовавшего в Риме, также сообщаются Евагрием на основании истории Евстафия, как и предшествующее краткое сообщение об Иллусе и Верине.⁶ Дальнейшие главы о Верине, об Иллусе в книге Евагрия следует отнести за счет того же Евстафия,

¹ Evagrius, V, 24, p. 219; I, 19, p. 28.

² Evagrius, III, 29, p. 125 = Fragmenta historicorum graecorum, vol. IV, p. 141.

³ Evagrius, III, 37, p. 136; I, 19, p. 28.

⁴ Joannes Malalas, 16, p. 399.

⁵ Evagrius, II, 15, p. 66.

⁶ Evagrius, III, 24, 25, 26, pp. 122—123.

за исключением 28-й главы той же III книги, которую Евагрий относит за счет Иоанна ритора (Иоанн Антиохийский или Иоанн Малала). За счет Евстафия с полной уверенностью, так как он упоминается всякий раз в тексте, можно, следовательно, отнести следующие главы III книги Евагрия: 24, 25, 26, 27, 29.

О походе Кавада на Армению, Феодосиополь, а затем Амид Евагрий также упоминает, ссылаясь на Евстафия: "Εἰ τῷ δὲ ρίλον λεπτῶς τὰ περὶ τούτων εἰδέναι καὶ τῇ ἀκριβεῖα πάντων ἐπεξελεῖν, Εὐσταθίῳ, εὖ μάλα σοφῶς μετὰ πολλοῦ τοῦ πόνου καὶ τῆς ἐς ἄγαν κομψείας ἱστορήσεται τέ καὶ συγγέγραπται. ὃς μέχρι τῆς γραφῆς ταύτης ἱστορήσας τοῖς ἀπελθοῦσι συναριθμεῖται, δωδέκατον ἔτος τῆς Ἀναστασίου καταλελοιπῶς βασιλείας.¹

Таким образом Евстафий описал войну и поход Кавада в период до 12-го года царствования Анастасия, т. е. до 503 г. н. э. (491 + 12 = 503 г.). Следовательно, и предварительное и окончательное заключение мира между Византией и Ираном и тем более основание Дары не могло быть сообщено Евстафием, как ошибочно думают некоторые исследователи, так как это идет вразрез с точным и ясным указанием Евагрия. О Даре есть сведения у Феофана, Малалы, Евагрия, общим их источником следует, однако, считать не Евстафия, а Прокопия, писавшего об этом в «Постройках».

Евстафий описал осаду Амида и взятие ее Кавадом в начале 503 г. (8 января), — эти сведения заимствованы у него Евагрием.² Для подтверждения этого взгляда можно сослаться на указание Евагрия, уже приведенное выше, и сообщение Малалы о смерти Евстафия, также уже приведенное выше. Таким образом намечаются рамки исторического труда Евстафия и очевидно, что в его состав входили и сообщения о царствовании Зенона и о персо-византийской войне при Анастасии до 503 г. н. э. Труд Евстафия составлялся им на греческом языке, так как его цитируют греческие историографы, нигде не указывая, что он пишет на каком-либо другом языке. Он жил или происходил — скорее жил — в Епифании в провинции Сирии второй. Следовательно, он — автор, живущий на востоке, связанный с его традициями и потому сообщающий существенные данные. Евстафий для указанного периода времени был источником Евагрия. Сведения, содержащиеся у Иоанна Антиохийского, восходят к тому же Евстафию, так как и тесно связанный с первым Иоанн Малала ссылается на авторитет Евстафия.

История Евстафия не сохранилась, но не из нее ли почерпнула свои сведения о времени Зенона и сирийская хроника начала VI в.?

Можно указать на два греческих источника, которые по времени предшествовали составлению хроники Иешу Стилита. Если считать, что хроника составлялась между 507—518 гг. или принять за дату составления даже 507 г., то написанная Кандидом история предшествовала ей по вре-

¹ Evagrius, III, 37, p. 136.

² W. Ensslin. Zur Gründungsgeschichte von Dara-Anastasiopolis. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Athen, 1926, B. V, p. 345. — Benjamin. Eustathios von Epiphaneia in Syrien. Pauly-Wissowa. Realencyclopaedie, Bd. VI, 1909, с. 1450—1451.

мени. Его сочинение в трех частях заканчивалось смертью Зенона и есть все основания думать, что писал историю Кандид при жизни Анастасия. История Евстафия обрывалась на 12-м г. царствования Анастасия, т. е. на 503 г. Возможно, что он знал и пережил взятие Амида, а затем умер. Таким образом Иешу Стилит несомненно писал уже после Евстафия и мог быть знаком с его трудом. О первых главах своего труда Иешу Стилит говорит, как об изложении, сделанном им в сокращенном виде; он очевидно располагал более обширным материалом, чем сообщенный им.

Все лица, упоминаемые хроникой Иешу Стилита, как Иллус, Леонтий, Матрониан, Пампрепий, Иоанн известны и по греческим источникам и в основном его изложение близко тому, что сообщается ими.

Тем не менее в сирийском имеются особенности, которые нельзя отнести только за счет сокращений, так как многое представляет различие и по существу. Сравнивая греческие источники с сирийской хроникой, следует отметить, что в общих чертах она наиболее близка материалам хронографа Феофана и Иоанна Малалы, быть может именно благодаря их краткости.

Попытка вписать рядом с сирийским текстом греческий — для параллели — не дала той наглядности, которая была бы желательна, так как текстуального совпадения между ними нет и поэтому пришлось прибегнуть к сравнительному изложению.

Иешу Стилит (§ 12) начинает с того, что «дворцовые люди» питали ненависть к Зенону, как к исаврийцу. В греческих источниках об этом прямо не говорится. Фраза о Василиске, его «воцарении» и усилении затем Зенона (§ 12) представляет краткую формулировку Иешу Стилита о факте, известном по греческим источникам Малале и Феофану с большими подробностями.¹ Боязнь Зенона перед ненавистью окружающих заставила его построить крепость и всячески снабдить ее. Помогал ему в этом «стратилат Антиохии по имени Иллус, который был также исавром» (§ 12). Тут же в крепости было собрано огромное количество золота, — поручение, выполненное тем же Иллусом (§ 13). В греческих источниках можно указать на косвенное свидетельство Феофана под 5985 г. Мятеж, поднятый в Исаврии Лонгином, велся им с расчетом на оружие и на деньги, оставленные и заготовленные там еще при Зепоне.² Другое свидетельство о деньгах или о золоте в связи с крепостью находится у того же Феофана. При восстании Василиска Зенон с Ариадной бегут, забрав достаточное количество денег «в Исаврию, в крепость суровую, называемую Урба».³

После того, как Иллус приготовил крепость как должно, он отправляется в Константинополь, чтобы сообщить об этом Зенону. Последний задумывает его убить «зная, что он фальшив и жаждет власти» (§ 13). В этом пункте Иешу Стилит резко расходится с греческой традицией, которая видит в Иллусе всеявленного временщика, человека, оказавшего помощь

¹ Joannes Malalas, pp. 379—382. — Theophanus, pp. 120—121, 122.

² Theophanus, p. 137.

³ Theophanus, p. 127.

в восстановлении Зенона на престоле, распорядившегося во дворце помимо императора. Особенно ярко это рисуют просьбы Ариадны о возвращении ее матери Верины, с которыми она по указанию Зенона обращается к «патрихию Иллусу».¹

У Иешу Стилита отсутствует и вся скандальная дворцовая хроника, которая была хорошо известна Кандиду и сохранилась как у Евстафия Епифанийского,² так и у Иоанна Антиохийского.³ На то, что неудовольствие Зенона против Иллуса было вызвано не только сложной дворцовой интригой, но и материальными делами, в связи с императорской казной, указывает сообщение того же Иоанна Антиохийского.⁴

По сирийской традиции приказ убить Иллуса исходит от Зенона. Воин, которому это поручено, тщетно искал случая сделать это тайно, наконец он делает попытку убить его во дворце. Однако следовавший за Иллусом воин ударяет его пожом в руку, меч падает и при падении поражает ухо Иллуса (§ 13). Греческая традиция считает причастной к этому покушению на Иллуса Ариадну, поручившую это дело Урбику, евнуху. Она сделала это после того, как Иллус на ее просьбы вернуть ее мать Верину высокомерно ответил, чтобы она обратилась к собственному мужу — императору. Ариадна с гневом предлагает Зенону выбирать между ее пребыванием во дворце и Иллусом. Зенон отвечает ей: «я тебя желаю, если ты что можешь против него, делай».⁵ Имя схолария, которому Урбик поручает убийство Иллуса, у Феофана — Спаникий (*Σπανίκιος*), у Малалы он назван Споракнем (*Σποράκιος*). Что касается Иоанна Антиохийского, то его данные не содержат указания на непосредственное распоряжение Ариадны, а связываются с самим Зеноном, причем покушений отмечается несколько.⁶ Оружие, которым намеревались убить Иллуса, — меч, как в сирийском (§ 13), так и в греческом текстах.⁷ Не удалось поразить Иллуса благодаря вмешательству одного из лиц его свиты. В сирийской хронике это — воин, который ударяет пожом в руку убийцы, у Феофана — спафарий Иллуса принимает удар на свое плечо, но меч поражает ухо Иллуса.⁸

Иешу Стилит сообщает, что Зенон спешно велит казнить покушавшегося (§ 13), как это сообщает и Феофан.⁹ Но в дальнейшем Иешу Стилит

¹ Joannes Malalas, p. 387.

² Evagrius, l. III, 24, 27, pp. 122, 123.

³ Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, 94, p. 132.

⁴ Ibidem, 95, p. 133.

⁵ Theophanus, p. 127. — Joannes Malalas, p. 387.

⁶ Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, 95, pp. 132—133.

⁷ Ibidem, p. 133. — Joannes Malalas, p. 387. — Theophanus, p. 127.

⁸ Иешу Стилит, § 13. — Theophanus, p. 327. — Joannes Malalas, p. 387. — Jean évêque de Nikiou. Chronique trad. par Zotehbera, pp. 484—485. — В дальнейшем Иоанн Никиусский продолжает переписывать Малалу, в сравнительно близкой к греческому тексту редакции. Он делает только несколько ошибок в именах, но по смыслу повторяет все сказанное у Малалы (Jean de Nikiou, pp. 483—487).

⁹ Theophanus, p. 128. — Joannes Malalas, p. 388.

(§ 13) говорит, что Иллус самовольно покидает Константинополь и, несмотря на неоднократные приглашения Зенона, посланные ему в Антиохию, не возвращался (§§ 13, 14). Это в корне расходится с утверждением греческих историков, которые, как, например, Феофан утверждают, что Иллус был назначен Зеноном стратегом всего востока (ἐποίησεν αὐτὸν στρατηγὸν τῆς ἑῶας ἀπάσης), причем он тут же берет с собою и патрикия Леонтия.¹ По Иешу Стилиту Леонтий послан с войском Зеноном, чтобы привести Иллуса, но подкупленный последним остается с ним (§ 14). Леонтия делает царем сам Иллус, причем мотивировка Иешу Стилита настойчиво антисаврийская, он утверждает, что «ромей» ненавидели Иллуса. При этом он видит в Леонтии как бы подставное лицо, так как управляет всеми делами Иллус (§ 15). Между тем, в греческой историографии вопрос обстоит гораздо сложнее, вопрос о престоле решается Вериной, которая утверждает Леонтия.² Стремление Иешу Стилита до известной степени выгородить Леонтия может быть объяснено тем, что патрикий Леонтий был сирийцем (Σύρον τῷ γένει). Однако, возможно, что этот взгляд был уже в его источнике, на что указывает Иоанн Никиусский.

Местом пребывания заговорщиков и Иешу Стилит и Феофан считают Антиохию.

Новое известие Иешу Стилита, будто «поговаривали», что Иллус полагал впоследствии убить Леонтия, несомненно представляет собою тоже (§ 15) попытку защитить последнего, возможно как своего единоплеменника, и всю ответственность не только возложить на исавра Иллуса, но и сделать из Леонтия его жертву.³ Весь свой гнев Иешу направляет на Пампрепия, которого он называет «лживым магом». В том, что Пампрепий считался чародеем и был подозреваем в склонности к волшебству, имеются сведения и в греческих источниках. Феофан считает его сенатором (Παμπρέπιος ὁ συγχλητικός) и магистром,⁴ но Иоанн Антиохийский говорит, что Пампрепий происходил из города Папоса в Египте и был грамматиком, осведомленным в греческих науках.⁵ Считая, что Пампрепий сыграл отрицательную роль по отношению к Иллусу и Леонтию, Иешу Стилит говорит, что он «все их дела повернул и планы нарушил своей ложью» (§ 15). Ему, несомненно, известно, что заговорщики считали Пампрепия ответственным за неудачу обращения брата Иллуса, Трокунда, к «варварам».⁶

В своем сообщении Иешу сразу же говорит, что послы были отправлены в Иран «с многим золотом, имея в виду заключить дружеский договор, или если они попросят, послать им в помощь войско» (§ 15). Речь, очевидно

¹ Theophanus, pp. 128—129. — Joannes Malalas, p. 388. — Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, 98, p. 136. — Evagrius, III, 27, p. 124.

² Theophanus, p. 128.

³ У Иоанна Никиусского можно отметить также стремление смягчить положение Леонтия, который «сам себя погубил», и переложить всю вину на Иллуса. Jean de Nikiou, p. 487.

⁴ Theophanus, pp. 128, 130. — Joannes Malalas, p. 389.

⁵ Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, 95, p. 133.

⁶ Theophanus, p. 130.

идет об одном и том же факте. Трокунд же попался Иоанну Скифу, который отрубил ему голову.¹

Иешу Стилиит считает, что полководец Иоанн Скиф был послан под Антиохию с большим войском (§ 15). Антиохийцы, боясь осады, заставили сторонников заговорщиков выйти из города. Попытка уйти за Евфрат им не удастся. Тем более, что Эдесса посланного ими Матрониана «с пятьюстами всадников» не приняла (§ 16). Матрониан упоминается в другой связи Иоанном Антиохийским.² Он же сообщает, что Иллус «перепоясал», т. е. облачил властью Маркиана (имя, следовательно, переименовано) и послал его к Одоакру, к персидским и армянским архонтам.³ Заговорщики вынуждены были вступить в бой с Иоанном и были в нем разбиты. Иоанн преследовал их, но они спаслись в неприступную крепость, названия которой Иешу Стилиит не приводит (§ 17).

Об этом бегстве в крепость Папирий говорит и Феофан.⁴ У Иоанна Антиохийского крепость носит название Херрис.⁵ Иллус отпустил часть войска, а Иоанн Скиф с ними жестоко разделался, — говорит Иешу Стилиит (§ 17). Осада крепости длилась долго, захвачены были Иллус и Леонтий, благодаря предательству, спящими (§ 17). Феофан говорит, что их предала жена Трокунда, мстя за его смерть.⁶ Предательство ночное подтверждает и Иоанн Антиохийский.⁷ По приказу Зенона оба были убиты, а у их сообщников были отрезаны руки (§ 17).

Уже выше было отмечено, что Иоанн Антиохийский через Кандида располагает большим количеством подробностей относительно казни заговорщиков и, как справедливо заметил проф. Шестаков, описывает ее с сочувствием к исаврийцам.⁸

Все вышеуказанное дает возможность сделать сопоставления и притти к следующим выводам. В основном все факты, сообщаемые Иешу Стилиитом, за исключением некоторых подробностей (например, отсечения рук у бывших с Иллусом) подтверждаются греческими источниками. Но у Иешу Стилиита материал сокращен и поэтому ближе подходит к материалу Феофана и Малалы, хотя текстually ни с тем, ни с другим не сходится. Если рассматривать сообщение об исаврийском мятеже в целом, то следует признать в сирийской хронике резкую антиисаврийскую тенденцию. Она сказывается в многократном подчеркивании ненависти ромеев к исаврийцам, в характеристике отношения и к Зепону, и к Иллусу. Он отмечает стремление Зенона давать высокие назначения исаврийцам. Такое

¹ Theophanus, p. 130.

² Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, 95, p. 134.

³ Ibidem, 98, p. 136.

⁴ Theophanus, p. 130.

⁵ Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, 98, p. 137.

⁶ Theophanus, p. 132.

⁷ Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, 98, p. 139.

⁸ Ibidem. — Joannes Malalas, p. 389. — Theophanus, p. 132. — Candidus Isaurus. Fragmenta historicorum graecorum. Ed. Mullerus, Parisiis, 1851, vol. 4, p. 137.

выдвижение его единомышленников раздражало ромеев. Иллуса тоже ненавидели, он не смел себя провозгласить царем именно из-за этого и мог править только за спиной Леонтия. С другой стороны, есть стремление оттенить невинность Леонтия, который был по национальности сирийцем. Возможно, что последняя тенденция связана непосредственно с нашим вторым — сирийцем и не была в наличии в использованном им источнике, хотя она намечается и у Иоанна Никиусского, переписавшего Малалу. Что касается антисаврийской тенденции, то несомненна ее связь с источником, который уже переработал материал Кандида и излагал под влиянием других источников, настроенных к исаврийцам враждебно.

Другой отличительной чертой сирийского рассказа является отсутствие романтической подкладки, данных скандальной хроники, от которой не устранились ни Иоанн Антиохийский, ни Малала и Феофан, частью совпадающие дословно, ни Евстафий Епифанийский, судя по мелким выдержкам у Евагрия. Возможно, что Иешу Стиллит выпустил эти подробности сознательно, как клирик строгих правил, писавший к архимандриту и считавший эти подробности неприемлемыми для своего рассказа. Он ставит ударение на причинах другого порядка, говорит про «золото», о котором было известно Иллусу, про его «жажду власти», чтобы указать причину покушения на него, по приказу Зенопа (не Арнадны, как у греков). Отличают сирийца и подробности относительно попытки пробраться в Эдессу, за Евфрат, что было для заговорщиков естественным выходом, подробных сведений об этом у других историков нет. Необходимо, однако, иметь в виду совпадение в сообщении о попытках завязать связи с Ираном, с «варварами». К этому Иоанн Антиохийский добавляет Армению и «тиранна Рима» Одоакра, к которым направляется тот же Маркиан (не Матроннан, как у сирийца).¹ Подробности об Эдессе можно отнести за счет местных сведений сирийца, которые он получил из устных источников, из локальной традиции.

Пропроизведенный выше анализ приводит к выводу, что непосредственным источником Иешу Стилита для истории восстания Иллуса был не Кандид Исаврийский, так как у сирийца — ярковыраженная антисаврийская тенденция. Приведенные выше данные дают основания предполагать, что Евстафий Епифанийский, писавший до 12-го г. царствования императора Анастасия, использовал сообщения Кандида; вероятно, он подверг их обработке в духе современного ему византийского настроения, враждебного исаврийцам. Сирийцу — автору хроники — едва ли эта тенденция была особенно свойственна, тем более, что на протяжении всей хроники у него встречаются враждебные ноты в отношении «ромеев». Но излагая греческий источник (Евстафия) автор сирийской хроники усвоил и его антисаврийскую тенденцию. Необходимо отметить, что прагматический характер сирийской хроники Иешу Стилита был влиянием того же греческого источника. Похвала, с которой Евагрий отзывался о труде Евстафия, была наградой за прагматическое изложение событий, усвоенное и Иешу Сти-

¹ Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, 98, p. 136.

литом. Это направление греческой историографии сменилось другим, когда от историка стали требовать только последовательного изложения событий, без стремления указывать на причинную зависимость между ними. Следующий по времени сирийский историк, составитель хроники, известной под именем Захария Митиленского, писавший в 60-х годах VI в. уже следует этой новой манере изложения согласно с изменившимся характером греческого летописания.

Если Евстафий Епифанийский действительно был источником Прокопия Кесарийского и сирийской хроники Иешу Стилита, то совершенно понятно, что общее между ними восходит к этому источнику. Близость хронографа Феофана к хронике Иешу Стилита объясняется тем, что Феофан сокращал Прокопия.

Теперь представляется необходимым выяснить — откуда позаимствовал Иешу Стилит сведения о политической истории Ирана при Перозе и его войне с гефталитами. Кроме Иешу Стилита, события времени Пероза и его походы известны по сирийской хронике Захария Митиленского и по Табари, использовавшем иранские источники.¹ В общих чертах сообщения этих трех восточных источников сходны. Хроника Захария Митиленского была составлена после Иешу Стилита. Факты, сообщаемые о времени Пероза Прокопием Кесарийским, имеют много общего с тем, что сообщают сирийские хроники.² Можно указать и пути, по которым могли проникать сведения из-за персидской границы в византийские пределы. В хронике Захария Митиленского упомянуты двое византийских подданных, из которых один, по имени Евсевий, играл роль военного атташе при Перозе, второй Евстафий, «лукавый, апамейский купец», был главным советником у гефталитов. Подробный рассказ о войне Пероза с гуннами Прокопия Кесарийского вкратце имеется у Иоанна Антиохийского. Последний сообщает, что Пероз погиб в войне с гуннами, что его сын и наследник Кавад был заключен в темницу по прощам неких людей из власть имущих и бежал к «кадисенам, называемым гуннами» (πρὸς τοὺς Καδισηνοὺς λεγόμενους Οὐννοὺς).³ Καδισήνοι — очевидно, гунны-гефталиты, о которых сообщает Иешу Стилит различные подробности (§ 9). Имя Пероза повторяет и Иоанн Малала, но не сообщает ничего более.⁴ Подробный рассказ о Перозе у Феофана под 5968 г. следует отнести за счет сокращенного изложения Прокопия Кесарийского, которого он без всякого сомнения использовал.⁵ Евагрию книги Прокопия, впрочем, также были известны.⁶ Прокопий о своих источниках не сообщает, но очень вероятно, что сообщения о Перозе содержались в истории того же Евстафия. Сведения эти последний нашел у Приска Панийского, как справедливо на это было указано еще проф. Шестако-

¹ Tabari — Noeldeke. Geschichte der Perser und Araber. Leiden, 1879, pp. 117—132 (в дальнейшем цитируется: Tabari — Noeldeke).

² Procopius. De bello persico, l. I, cap. 3—4.

³ Excerpta de insidiis. Ex Joanne Antiocheno, 98, p. 139.

⁴ Joannes Malalas, p. 389.

⁵ Theophanus, pp. 122—124.

⁶ Evagrius, l. 4, c. 12, p. 162.

вым.¹ В таком случае — у него почерпнул свои данные Прокопий, а у Прокопия Феофан. Краткие заметки о Перозе у Иоанна Антиохийского — Иоанна Малалы могут восходить к тому же Евстафию.

На основании сведений у Прокопия — Феофана, с одной стороны, и Иоанна Антиохийского — Иоанна Малалы, с другой стороны, можно предполагать, что в истории Евстафия содержался материал о персоефталитских войнах Пероза.

Для истории персo-византийской войны при Анастасии и Каваде, Прокопий Кесарийский использовал того же Евстафия. После 503 г., на котором история последнего обрывалась, его изложение становится суммарным, кратким, так как подробным источником он больше не располагал. Автор сирийской хроники пользовался историей Евстафия, где он нашел не только сообщение об исаврийском мятеже, но и имя Пероза и те сообщения о нем, которые роднят его собственное изложение, почерпнутое у Евстафия с сообщениями Прокопия Кесарийского. Но если Иешу Стилит и использовал Евстафия, то в ряде случаев он дополнял и изменял его историю, так как он располагал дополнительными сведениями, большей частью устной локальной традицией. Таковы, например, его сведения о попытках исаврийских мятежников связаться с Эдессой и с персами. Сам житель Эдессы, он мог знать это из рассказов своих земляков. Точно также он поступил и с сообщениями Евстафия о персах; он их дополнил и изменил, по сравнению с тем, что сохранилось у Прокопия, и сообщил новые данные, известные ему от послов бывших в Иране или иным путем, о походах и гибели Пероза, о маздакитах, о бегстве Кавада.

Иешу Стилит взял, следовательно, у Евстафия основную нить изложения, позаимствовал последовательность и тип прагматической историографии, но он не слепо переписывал свой источник. Так, его взгляды на жизнь, на историю заставили его обойти молчанием романтическую подкладку в восстании исаврийцев. Он считал возможным изменять и дополнять свой источник фактами, которые считал достоверными и которые стали ему известны другим путем. Если Прокопий почерпнул у Евстафия легенду о жемчужине Пероза, то Иешу Стилит этой сказкой пренебрег. Как и в других деталях, преимущества на стороне сирийской хроники, автор которой считал своей задачей использовать, продолжить и завершить труд Евстафия в той части, которая касалась его родины в узком смысле слова — византийских областей, где население говорило на сирийском языке. Он это и сделал, и имел намерение продолжить свой труд, чтобы сообщить о «времени благоденствия», наступившем для Месопотамии после окончания войны.

Устные источники, рассказы современников, сообщения послов и толмачей, неписанная традиция о прошлом были тем материалом, которым широко пользовался автор хроники. Выше было отмечено, что сирийская хроника Захария Митиленского называет по именам лиц, находившихся

¹ Priscus Panitus, 12. Excerpta de legationibus ed. De Boor. Berolini, 1903, Pars I, pp. 153—154.

в тесных сношениях с персами и с гефталитами. Сведения, исходившие от лиц, служивших при посольствах, были достоверны. Пероз, по сообщению Иешу Стилита, дал обещание гефталитам больше не воевать.¹ Это подтверждает и Табари, говоря, что Перозом было дано письменное обязательство, к которому он приложил свою печать.² В таком случае тем более вероятно, что это событие имело свидетелей и было предметом обсуждения при персидском дворе. Если и существовала письменная традиция в Иране времени сасанидов, использованная Табари, то утверждать, что она была известна автору сирийской хроники нет оснований.

Если принять во внимание хронологию хроники Иешу Стилита и учесть сообщения Евагрия о хронологических расчетах Евстафия, то есть основания предполагать, что основой для сирийца послужили данные того же источника. Судя по данным Евагрия, последнюю синхронистическую таблицу Евстафий дал для года смерти Зенона и воцарения Анастасия. Таблица составлена с учетом и македоно-сирийского счисления, принятого и распространенного у сирийцев до XX в. Счет от «Александра Македонского», селевкидская эра, принята и в хронике Иешу Стилита. У Евагрия имеется ошибка в селевкидской дате смерти Зенона, но как я указала выше, это является случайной ошибкой переписчика. После таблицы, отмечающей воцарение Анастасия, Евстафий ставил последующие годы, лишь как годы его царствования. Он датировал события годами Анастасия, считая за 1-й год время от декабря 491 г. по 1-е октября 492 г., как это обычно было принято в Византии. Таким образом он довел свое повествование до 12-го года царствования Анастасия. Иешу Стилит остался верен сирийской традиции — вести счет по селевкидской эре, а исходной точкой для него послужила дата воцарения Анастасия, данная Евстафием в числе прочих счислений и по эре Александра. Факт использования им сводного исторического труда, каковой была история Евстафия, подтверждается еще тем, что сирийская хроника приводит даты для событий еще IV в. по селевкидской эре, как смерть Юлиана Отступника в 674 г. (= 363 г. н. э.) (§ 7), опустошение азиатских провинций при Аркадии и Гонории в 707 г. (= 396 г. н. э.) (§ 9). В 496 г. н. э. (= 807 г. по селевкидской эре) хроника называет 17 мая пятницей, что соответствует действительности. В ее первом издании Мартен неверно прочел название месяца *ἰῶς*, вместо *ἰῦς*, как это исправлено в издании Райта.³

Даты хроники, поскольку они могут быть проверены по другим, главным образом, греческим источникам, — достоверны. Это заставляет относиться с должным вниманием к датировке хроники тех или иных событий, на что ниже указано.

С 806 г. селевкидской эры (= 494 г. н. э.) (§ 25) Иешу Стилит начинает погодные записи, он сообщает свои собственные наблюдения, рассказы

¹ Иешу Стилит, § 10.

² Tabari—Noeldeke, p. 125.

³ Иешу Стилит, § 27, pp. 21—22. — Noeldeke. The chronicle of Jochua the Stylite by Wright. Zeitschrift für die deutsche Morgenländische Gesellschaft, B. 36, 1882, p. 687.

современников, отмечает события, свидетелем которых был сам. Это придает его изложению характер живости, подлинности, простоты. Конечно, все, что он рассказывает о жизни Эдессы и событиях, происходивших в областях, населенных сирийцами, никогда не было содержанием истории Евстафия. О налете саранчи, чуме и голоде, от которого вымирали во «всей Месопотамии» — не было письменных записей до автора хроники. Но он без сомнения читал увещательное послание Иакова Серугского, обращенное ко всему населению восточных провинций. Иаков Серугский — плодовитый сирийский писатель, современник Иешу Стилита, о письме которого по поводу чумы последний упоминает, но самое письмо среди многочисленных сочинений Иакова, к сожалению, не сохранилось. Во всяком случае, это один из письменных сирийских источников автора. Он знал и второго сирийца с большой литературной известностью — Ксенайю Маббогского, оставившего замечательные переводы с греческого на сирийский. Автор хроники сообщает о его пребывании в Эдессе в 497/98 г. н. э., но о сочинениях его не упоминает.

Греческая историография навеяла сирийцу сообщения об устрашающих знамениях, но эти страшные предзнаменования войны были им собраны и описаны по собственному усмотрению. До 503 г. описание военных действий Кавада могло им составляться под влиянием Евстафия, но как мне удалось доказать на основании сопоставления данных Прокопия и сирийской хроники, последняя и в этой части имеет самостоятельный план и отличается от того, что рассказал Прокопий, использовавший Евстафия. В особенности существенны подробности относительно попыток захватить Эдессу, Харран, Серуг, сведения о составе персидского войска, об участии коалиционных войск в войне, об отношении населения к византийским и персидским войскам и т. д., которые сирийский автор сообщает как современник и свидетель событий. После взятия Амиды в январе 503 г. н. э., когда изложение Прокопия начинает страдать явной недостаточностью, что является следствием того, что современный для войны источник — Евстафий, — кончается, хроника Иешу Стилита и в последующих сообщениях дает подробные сведения о ходе войны и о заключении мира.

Что с 494/95 г. н. э. автор сирийской хроники вводит в повествование свои собственные наблюдения, очевидно из целого ряда подробностей. В качестве предзнаменования войны он сообщает о нарывах и чирьях, которыми стало болеть население (§ 26) и под тем же годом сообщает нормальные цены на пшеницу и ячмень в Эдессе (§ 26).

Следующий 497/98 г. н. э. (по селевкидской эре 809 г.) отмечен падением строящейся летней бани в Эдессе, событие запомнившееся современникам. В этом же году Эдессу посетил блестящий сирийский писатель Ксенайя Маббогский, известный своими переводами с греческого языка на сирийский. И наконец под тем же годом сообщается об отмене хрисаргира. Дата этого события имеется и в эдесской хронике, причем там указан и месяц ияр — май 498 г.¹ Иешу Стилит был источником эдесской хроники; поэтому

¹ Hallier. Untersuchungen über die Edessenische Chronik. Texte und Untersuchungen, Bd. IX, Heft I, Leipzig, 1893, p. 33.

не лишено оснований предположение, что точная дата находилась уже в хронике Иешу Стилита, которая дошла до нас лишь в одном списке. Следовательно, возможно, что составитель эдесской хроники пользовался ею в несколько ином, более исправном виде. Подтверждение даты Иешу Стилита вторым сирийским источником, особенно таким источником как эдесская хроника, сведения которой кратки и интересы сосредоточены на клирикальных вопросах, — имеет существенное значение. Отмена хрисаргира была событием, поэтому дата сохранилась и в эдесской хронике.

Под 498/99 г. н. э. в хронике Иешу Стилита находится сообщение о прилете саранчи. В сентябре (илул) 499 г. произошло сильное землетрясение, которое остановило на день течение источников Абарны, оно разрушило город Никополис и храм вблизи Аршемшата. О землетрясении сообщает и Феофан под 5995 г. Его хронологическая ошибка, как известно, составляет около восьми лет, иногда он имеет еще и дополнительные ошибки, ведь и воцарение Анастасия Феофан относит к 5984 г.¹ Землетрясение у Феофана помещено под годом, предшествующим походу Кавада, и приурочивается к Невokesарии.² Вероятно, речь идет о том же самом землетрясении, что и у Иешу Стилита. Никополис, о котором он говорит, Райт предполагал отнести к Эммаусу, городу Палестины, получившему это второе название.³ Представляется более правильным отнести сообщение хроники к городу Никополису, находящемуся в несравненно более близком соседстве к Эдессе. В Евфратезии город Никополис называет Иерокл и в настоящее время его географическое положение установлено,⁴ как и положение Аршемшата и горячих источников Абарны.⁵

Самый факт землетрясения, как справедливо указал еще Гутшмид, относится к пятнице 22 августа 502 г. н. э., как его и помещает сам автор хроники. 813 г. селевкидской эры соответствует X—XII месяцам 501 г. н. э. и I—IX месяцам 502 г. н. э.; 22 августа 813 г., следовательно, составляет 502, а не 503, как ошибочно считали Мартен⁶ и Гутшмид.⁷ Эта дата не вызывает сомнения и у Райта.⁸ Под следующим 811 г. селевкидов Иешу Стилит сообщает о затмении солнца, относя его на субботу, 23 октября 499 г. н. э.

Началось затмение утром, с восхода солнца, и длилось до 8-го часа. Судя по выражению, что земля была в сумерках, следует предположить, что затмение было полное. Между тем, это указание не сходится с канонами солнечных затмений. В латинской хронике комита Марцеллина под 5-м г.

¹ Theophanus, vol. I, pp. 136—137.

² Ibidem, p. 144.

³ Иешу Стилит, transl., p. 24.

⁴ E. Honigmann. Nicopolis, Pauly — Wissowa. Realencyclopaedic, XVII, 1, 33. Halbband. Stuttgart, 1936, c. 535—536.

⁵ E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, p. 1.

⁶ Chronique de Josué le Stylite. Texte et traduction par P. Martin, § 48. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlands, B. VI, № 1.

⁷ Alfred Gutschmid. Kleine Schriften. Leipzig, 1890, B. II, p. 560.

⁸ Иешу Стилит, §§ 45—47 — transl., pp. 34—37.

царствования Анастасия отмечено солнечное затмение: «V Anastasii Aug. II soluis (= 497 a Chr.). Solis defectus apparuit».¹

Затмение ошибочно относят к 497 г. н. э. Между тем, это неправильно, так как начало царствования Анастасия падает на декабрь 491 г.,² следовательно — 5-й год будет год 496, и затмение, о котором сообщает Марцеллин, есть полное затмение 22 октября 496 г. н. э., отмеченное в каноне.³ Это тем более вероятно, что на 18 апреля 497 г. падает кольцеобразное затмение,⁴ а не полное. В Вавилоне оно вовсе не было видимо, так как в каноне солнечных затмений Вавилон заключен в скобки.⁵ Но возможно, что оно было видимо в Константинополе, так как оно наблюдалось в Афинах.

Так как комит Марцеллин дает сам только дату 5-го г. царствования Анастасия, то тем более следует считать его сведения относящимися к полному затмению 496 г. Что касается Иешу Стилита, то дата затмения 499 г. не совпадает с канонм. Солнечное затмение под 499 г. хоть и известно, но падает на 22 августа и в Афинах имело место ко времени захода солнца. Для Вавилона сведений относительно затмения этого года не приведено и самое затмение считается частичным и отнесено лишь в подстрочное примечание.⁶ В таком случае можно высказать лишь два предположения, что частичное солнечное затмение было записано Иешу Стилитом под 499 г. н. э., но ошибочно под 23 октября вместо 22 августа. Он мог сделать и другую ошибку: полное затмение 22 октября 496 г. отнести к 499 г. по памяти. Несомненно он был свидетелем затмения, так как описал его чрезвычайно точно, правдиво и при этом сообщил о нем в первом лице.

Что касается вообще дат хроники, то проверка тех из них, для которых приведены и дни недели, дает положительные результаты, так как по сравнительным таблицам Шрамма⁷ они действительно падают на указанные дни

§ 36. ⁸	811 г.	23 Тешрина 1,	суббота	(= X 499 г. н. э.)
§ 47.	813 г.	22 Аба,	четверг	(= VIII 502 г. н. э.)
§ 50.	814 г.	5 Тешрина 1,	суббота	(= X 502 г. н. э.)
§ 60.	814 г.	17 Элула,	среда	(= IX 503 г. н. э.)
§ 61.	814 г.	24 Элула,	среда	(= IX 503 г. н. э.)
§ 68.	815 г.	19 Адара,	пятница	(= III 504 г. н. э.) ⁹

¹ Marcellini comitis, Chronicon, p. 94. Chronica minora ed. Th. Mommsen, t. II. Monumenta Germaniae historica, t. IX.

² B u r y. History of the later Roman Empire. London, 1923, vol. I, p. 429.

³ G i n z e l. Spezieller Kanon der Sonne- und Mondfinsternisse für das Ländergebiet der klassischen Altertumswissenschaft und den Zeitraum von 900, v. Chr. bis 600 n. Chr. Berlin, 1899, p. 94, № 452.

⁴ Ibidem, p. 94, № 453.

⁵ Указание на условное значение скобок см.: G i n z e l. Spezieller Kanon, p. 7.

⁶ G i n z e l. Spezieller Kanon, p. 94, Anmerkung 2. — Указание на условное отнесение некоторых малых затмений в примечания см. на стр. 10.

⁷ S c h r a m m. Vergleichnistabellen für allgemeine Chronologie. Berlin, 1889.

⁸ Номера параграфов хроники Иешу Стилита.

⁹ Настоящая таблица была составлена по указанию акад. П. К. Коковцова, которому автор глубоко благодарен за оказанное содействие.

В результате сравнительного анализа хроники Иешу Стилита и других исторических источников следует признать достоверными сообщаемые им сведения. Внесенные дополнения и история области Месопотамии до 507 г. н. э. рассказаны им на основании устной традиции или того, чему он был сам свидетелем. Исследование привело к выводу, что Иешу Стилитом был использован письменный греческий источник — «История», составленная в 2 частях Евстафием Епифанийским. Это один из тех истоков, в которых греческая и сирийская историография тесно сплетены. Имеются все основания для историка продолжать сравнительные разыскания в этом направлении и дальше.

Но проделанный выше анализ с новой силой подкрепил и другое положение — значение и достоверность оригинального материала в сирийских исторических памятниках, которые представляют поэтому исключительную ценность.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК МЕСОПОТАМИИ V—VI вв. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ГОРОД ЭДЕССА И ПРОВИНЦИЯ ОСРОЕНА

Несмотря на то, что Иешу Стилит отнес свою хронику ко всей Месопотамии, фактически больше всего он сообщает об Эдессе, которая стоит в центре его интересов. В эпоху римского завоевания области за Евфратом были поделены на северную — Месопотамию, с центром Амидом, и южную — Осроену, тяготевшую к Эдессе. В IV в. они так и упоминаются «Mesopotamia et Osroëna provinciae»,¹ так называет их и Прокопий в VI в.² Осроеной именовалось еще и эллинистическое княжество, управлявшееся династией Ману. В римско-византийский период г. Эдесса сохранял свое сирийское название Урха, происхождение которого древнее и связано с арабами. В эпоху халифата за Эдессой утвердилось название Орфа. Плиний Старший указывал, что Тигр образует восточную границу арабских племен, которых он называл *Agabes Ogaei*.³ Эдесса была узлом, в котором скрещивался целый ряд дорог, из них одни, пересекая в разных пунктах Евфрат, шли с запада на восток, другие связывали северные и южные части Месопотамии. Как в Византии, так и в Иране Орхай рассматривали, как ключ к ряду областей Междуречья. На запад от Эдессы находится Бережик (Апамея), а против него, на правом берегу Евфрата, стоит Зейгма; здесь проходила одна из дорог из Сирии в Месопотамию. Южнее на Евфрате находится селение, известное в римский период и позднее, как крепость Еуроπος или Дура, о ней упоминает и Иешу Стилит. Теперь она получила известность, как место исключительно ценных, хорошо сохранив-

¹ Codex Justinianus, XI, 62, 8. Ed. Krüger., p. 448.

² Procopius. De aedificiis, l. II, cap. 7. Ed. Dindorfii, t. III, p. 230.

³ Plinius. Historia naturalis, l. VI, cap. 9, § 1.

шихся памятников II и III вв. н. э.¹ Севернее Эдессы, также на Евфрате, стоит Самосата. При впадении Дайсана (Кара-Кайюм), на котором стоит Эдесса, в р. Гуллаб, находится г. Харран, о котором Иешу Стилит сообщает, что во время персидской войны он подвергался нападению арабов. На юг от Харрана, близ Евфрата, стоит Калиникус — Ракка, которая была построена, вернее обнесена стенами в 449 г. и получила тогда еще одно название Леонтополиса. На восток от Эдессы находится Низибия, которая недолго оставалась под римским владычеством, перешла опять в руки персов, а затем оставалась яблоком раздора между Ираном и Византией. На северо-восток от Низибии, на самой персидской границе, небольшое селение Дара было укреплено Анастасием. Новый стратегический пункт был необходим, и стены Дары возводились ускоренным темпом. Почти на середине пути между Дарой и Эдессой находилась Телла, обнесенная стенами и представлявшая важную опору для Византии.² Амид, на север от Теллы, стоит на Тигре (Деклат), стены его считались неприступными, а торговое значение было очень велико.³

В начале VI в. Эдесса была крупным, с многочисленным населением, хорошо укрепленным городом римско-византийского типа с театром, цирком, банями, водопроводом. Здесь же находились крупные правительственные оружейные мастерские.

Среди Эдессы протекала р. Дайсан. В городе на реке были шлюзы (*катар-рахта*). После нападения Наамана, царька арабов Хиры, в ноябре 502/3 г. на них были сделаны запоры. Вернее эти шлюзы обшили железом, чтобы сделать невозможным доступ в город по реке. Для этого дела не нашлось достаточного количества железа, и в обязательном порядке каждый двор в Эдессе должен был поставить 10 литр железа (*حدا*).⁴

Осенью и весной река превращалась в мутный бурный поток, который выходил из берегов, затопляя низменную часть города. Неоднократные наводнения сопровождались человеческими жертвами. При Юстиниане воды «скакуна» (*ὁ Σκῆρτος*), как называли греки Дайсан, были отведены на север за городскую стену в специально пробитое в скалах ложе.⁵ Иешу Стилит сообщает о двух водопроводах (*ἀγωγοί*), которые были проведены из деревень Телль-Зема и Могад, расположенных на север от Эдессы. Эти акведуки были обновлены эгемоном Евлогием в 505 г.⁶

За пределами города вода разливалась по оросительным каналам, которые питали сады и виноградники.

¹ Excavations at Dura-Europus. New Haven, 1929, 1931, 1932, 1933, 1934, 1936.

² Dussaud René. Topographie historique de Syrie antique et medievale, pl. XIV. 1927. — Poidebard. La trace de Rome dans le désert de Syrie. Atlas, Le limes romain, pl. CXL, AB — ef, Paris, 1934.

³ Berchem-Strzygowsky. Amida. Heidelberg, 1910. — Sachau. Reise nach Syrien und Mesopotamien. Leipzig, 1883, p. 189. — Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, pp. 3—18.

⁴ Иешу Стилит, § 52 — syr. Wright, p. 49.

⁵ Procopius. De aedificiis, l. II, cap. 7, t. III, pp. 228—229.

⁶ Иешу Стилит, § 85 — syr. Wright, p. 81.

По описанию Прокопия городские стены, окружавшие Эдессу, состояли из двух рядов. Один представлял собою высокую стену (τείχος), на которой возвышались башни. Перед стеной с башнями тянулся парапет (ἐπιτείχισμα); между ним и стеной находилось пространство, занятое ходом (περίβολος).¹ Возможно, что это сооружение городской стены имеет в виду и хроника, сообщая, что в 496/7 г. эгемон Александр построил крытый ход (περίπατον) около «ворот гротов».²

Одно из наиболее замечательных зданий Эдессы — ее крепость, или цитадель. Она стоит на горной площадке, метров на сто возвышаясь над городом. Внутри крепости сохранились помещения для войск и арсеналы для оружия. Крепость окружена глубокими рвами, защищена башнями с зубцами и бойницами.³

Главная улица города тянулась от ворот театра до ворот гротов, вдоль набережной Дайсана. На ней находились портики, вокруг которых охотно располагались ремесленники. Здесь они ставили и свои лавочки-мастерские, которыми была застроена вся набережная. Здание, называемое антифором (ὁ καλούμενος Ἀντίφορος), следует предполагать находящимся против форума. О нем упоминает Иешу Стилит,⁴ а Прокопий сообщает, что, разрушенное наводнением, оно было реставрировано Юстинианом.⁵ В городе имелись летние и зимние бани.⁶ Новые общественные бани начали строить в 497 г., при эгемоне Александре, на месте, где их было предполагено устроить задолго до этого времени, около государственного зернохранилища.⁷ О том, что эти бани строились по античному образцу, говорит то обстоятельство, что Иешу Стилит, сообщая о падении новой постройки, называет части здания (например, тепидерий), которые соответствуют отделениям римских терм.⁸ Государственные амбары или кладовые (ἀποθήκων), около которых строились бани, упоминаются неоднократно. В них хранилось зерно и другие продукты, поступавшие в качестве подати натурой.⁹

Местом пребывания эгемона, как в римскую эпоху, был преторий (πραιτώριον). За городской стеной у ворот Бет Шемеш находился ксенодохейон (hospicium), который представлял собою больницу и странноприимный дом.¹⁰

К числу общественных зданий принадлежал и ипподром, который находился в северной части города, построенный еще в эпоху независимости

¹ Procopius. De aedificiis, l. II, cap. 7, t. III, p. 230. — О стенах и крепостных постройках Месопотамии. — Sauvaget. La citadelle de Damas. Syria, 1930, t. IX, 65. — Cumont Fr. Les fortifications de Dura Europos. Syria, 1924, t. XI, 35.

² Иешу Стилит, § 29 — syr. Wright, p. 24.

³ Texier. L'architecture byzantine. London, 1864, pp. 199—209.

⁴ Иешу Стилит, § 27.

⁵ Procopius. De aedificiis, l. II, cap. 7, t. III, p. 229.

⁶ Иешу Стилит, § 43.

⁷ Иешу Стилит, § 29.

⁸ Иешу Стилит, § 30.

⁹ Иешу Стилит, §§ 40, 66, 81.

¹⁰ Иешу Стилит, §§ 42, 43.

Эдессы.¹ В нем происходили ристалища и бои диких зверей, запрещенные только при Анастасии.

Театр находился в восточной части города и был местом веселых зрелищ, с которыми христианская церковь вела жестокую борьбу, но не могла еще их ликвидировать. Особенно блестящими были представления, связанные с «языческим» празднованием в начале мая, удержавшимся в Восточной империи до VI в. Автор хроники говорит о нем с отвращением и возмущением, но дает ему живое описание. Райт и Мартен без достаточных оснований присвоили празднику название сатурналий, которые падали на конец декабря и начало января. Этот же «языческий» праздник праздновался в мае. Он был любим предками «отцами», которых летописец презрительно называет невеждами (*idōtai*). Посвятить на него население не давало. Даже известный красноречием Ксенайа Маббогский, будучи в Эдессе, «только однажды вел с ними об этом беседу».

В 497/8 г. празднование происходило так: «Приблизилось опять время праздника, в который распевались языческие сказания и горожане приложили больше старания, чем прежде. Еще за семь дней они стекались толпой к театру в вечернее время, одетые в льняные одежды, покрытые тюрбанами, с распоясанными бедрами. Перед ними горели светильники, курился фимам и они бодрствовали всю ночь, кружась по городу и прославляя плясуна до утра в песнях, кликах и высокомерии».² Плясун, о котором идет речь, очевидно тот Тримериус, про которого летописец рассказывает под 495/6 г., когда в честь праздника устраивалась иллюминация города. «Зажигалось бесчисленное множество светильников в честь этого праздника — обычай, которого до того не было в городе. И от ворот театра до ворот гротов они расположили их по земле со стороны реки, поставив по ее берегу горящие светильники, повесили их в портках, антифоре, в верхних улицах и во многих местах».³

В нагорной части города стояли «дома богатей», целые дворцы, в которых было множество дорогой утвари, посуды, ковров, одежды. О богатстве эксплуататорской верхушки городов Месопотамии, лежавших на караванных торговых путях, можно судить по тому, что рассказывает хроника псевдо-Захария Митиленского о сокровищах, вывезенных из города Амида Кавадом персидским. Здесь перечислены: статуи, солнечные часы («дома часов» в буквальном переводе), мрамор, бронза, «золото и серебро из домов богатей», «прекрасные одежды».⁴ Чем больше было роскоши и богатства в домах городской верхушки, тем резче был контраст с нищенскими условиями жизни народных низов, которые ютились в жалких хибарках и шатрах.

¹ Procopius. De bello persico, l. II, cap. 12. Ed. Haury, 1905, t. I, p. 206. — Gutschmidt Alfr. Untersuchungen über die Geschichte des Königsreichs Osroene, p. 14.

² Иешу Стиллит, § 30 — syr. Wright, p. 24.

³ Иешу Стиллит, § 27 — syr. Wright, p. 22.

⁴ Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo abscripta, l. VII, cap. 4. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Series tertia, t. VI, f. 2. Ed. E. W. Brooks, t. II, p. 29. Parisiis, 1921. Дальше цитируется как Zacharias Mytilenensis.

Рядом с изысканной роскошью существовала ужасающая бедность. Дорогие, роскошные одежды верхов общества выделялись на фоне лохмотьев, под которыми скрывала свою паготу нищета. Контрасты экономического характера были кричащими. Они бросались в глаза.

Население Орхай составляли различные народы, представители разных этнических групп. Основным населением города и области были сирийцы, за языком которых сохранилось господствующее положение, так как на нем стоваривались между собою народы всех больших центров Ближнего Востока. В своих руках до середины VII в. сирийцы держали нити торговых связей на востоке и на западе, а в ряде промышленных отраслей они не знали соперников. Если греки, римляне, персы, арабы составляли численно относительно большие группы в Осрое и в Орхай, то с торговыми караванами по тысячелетним путям, скрещивающимся в Эдессе, приходили и уходили грузины, лазы, кудишты, тимуриты, копты, эфиопы, индусы. Соответственно разнообразны были одежда, обычаи, нравы, пестры были языки и наречия, на которых говорила эта масса. Различны были и религиозные верования: язычество всех видов и форм, зороастризм, иудейство, христианство всяких направлений и толков существовали в непосредственной близости. Эдесса V—VI вв. — типичный город Ближнего Востока, шумный, пестрый, разноязычный. Внешность города с его крепостными постройками, городскими стенами, общественными зданиями, водопроводом была римско-византийской. Но жизнь, бывшая ключом, была подобна жизни всех восточных городов с их базарами, лавками, театральными представлениями, длинными процессиями, торжественными праздниками, волновавшими, как морской прибой, улицы и площади. Промышленность и торговля, роскошь, богатство, золото, драгоценности — все привлекало к Эдессе и было предметом вожделения ее воинственных соседей, персов. Но не им было суждено захватить жемчужину Междуречья. Больше столетия простояла она с тем, чтобы склониться под мощным натиском арабов.

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ ДЕРЕВНИ И ГОРОДА

Анализ социальной терминологии хроники Иешу Стилита и тех сведений, которые она сообщает о классах и их взаимоотношениях, вскрывает основу экономических и аграрных отношений того времени.

Найти соответствующее толкование сирийским терминам, дать их греческие эквиваленты, вскрыть сущность тех отношений, о которых сообщает хроника, значит поставить ее данные в связь со всем историческим процессом этого периода.

Среди непосредственных производителей на земле наибольшее количество составляли колонны. В то же время существовало и рабство, как существовали и группы «свободных» производителей, объединенных в общины.

Иешу Стилит, противопоставляя сельское население вообще городскому, называет его обычно «деревенскими» (כְּרִיבִּים от слова «деревня» כְּרִיב или כְּרִיבִּים).

Более крупные селения носят название «**ܟܠܝܬܐ**». В обиход сирийского литературного языка вошло и греческое слово **χώρα**, употребляемое в смысле области, провинции. Говоря о производителях в деревне, хроника называет их **ܟܬܝܐ** — akare (**ἀγρίκοι**) и **ܦܠܗܐ** — palaha (**γεωργοί**).¹

Упоминая их одновременно, автор, очевидно, имел в виду какое-то различие между «земледельцами и крестьянами». Термин **ܦܠܗܐ** — palaha, в позднейшем арабском произношении «феллах», происходит от общесемитического корня **حَلَا** — plh. Глагол имеет общий смысл работать вообще, но в частности определяет выполнение земледельческой работы.² Глагол **ܟܬܝܐ** — akr имеет более узкий смысл, применяется только к работе производимой на земле, иногда обозначает «пахать», имея общий корень с халдейским **ikkaru**. Существительное **ܟܬܝܐ** — akara это agator, agricola.³

Анализируя способ выражения других сирийских источников, можно выяснить более точно смысл этих двух как бы равнозначущих терминов. Хотя в этом случае нет законченного, установившегося и точно соответствующего греческому и латинскому словоупотреблению.

Хроника псевдо Захария Митиленского сообщает, что на базар под стенами Амида собирались «крестьяне из деревень» **ܦܠܗܐ ܡܥܢ ܟܘܪܝܫ** — palaha men kuris. Здесь в числе крестьян могли быть и колонны и свободные земледельцы.

Сирийский законник, представляющий собой сборник доюстиниановского права, был переведен с греческого на сирийский в последней четверти V в. Подлинник до настоящего времени не найден, во послесловии в сирийских рукописях сообщает, что перевод сделан с «ромейского», т. е. с греческого языка и содержит «законы и приказы гражданские», установленные византийскими императорами Константином, Феодосием и Львом.⁴

Законник, говоря о земледельческом населении, также делает различие в терминах. Свободный называется просто «муж» (**ܟܬܝܐ** — gabra), тогда как приписной крестьянин назван **ܦܠܗܐ** — palaha в статье, которая запрещает принимать беглых приписных. Термин **ἐναπόγραφος** транскрибирован в старейшем Лондонском списке сирийскими буквами и оставлен без перевода.⁵ Парижская рукопись снимает всякое подозрение в том, что смысл этого слова был непонятен сирийцу, так как он толкует его вполне правильно. Если же кто примет мужа крестьянина (**ܟܬܝܐ ܦܠܗܐ** — gabra palaha), кото-

¹ Иешу Стиллит, § 45 — syr. Wright, p. 40.

² Payne-Smith. Thesaurus Syriacus, t. II, cc. 3147, 3151.

³ Ibidem, t. I, c. 190.

⁴ Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert. Ed. Bruns und Sachau, Leipzig, 1880, Cod. L, p. 36. В дальнейшем цитируется: Syrisches Rechtsbuch, ed. Bruns und Sachau.

⁵ Ibidem, Cod. L, § 50, p. 15. — Следует отметить, что сирийский текст, транскрибируя греческое **ἐναπόγραφος**, произвольно меняет мужской род и ставит окончание среднего рода **ἐναπόγραφον**. Такого рода вольности для сирийских текстов обычны; см. R y s s e l. Über den textkritischen Werth der syrischen Übersetzungen griechischer Klassiker. Leipzig, 1880.

рый ему не принадлежит, который записан за другим и ἐναπόγραφον, если он примет его зная, что он крестьянин другого, то»...¹

Термин ἐναπόγραφος — adscriptitius разъяснен здесь как приписанный, или записанный за владельцем, крестьянин; сохранено рядом и греческое слово, которое, однако, успело утратить свою правильную транскрипцию более древнего Лондонского списка.

Законник, следовательно, знает «palaha ἐναπόγραφος» — приписного крестьянина, записанного за владельцем, на земле которого он сидит. Это крепостной, не имеющий права покинуть свой участок.² В таком положении, для целей фиска, колон вместе с землей, которую он обрабатывал, учитывался государством и попадал в податной цензовый список, составлявшийся на землевладельца. Участок приписного колона числился, следовательно, за собственником, а сам он становился в положение, близкое рабу, занятому земледельческой работой. Приписной, оставивший своего владельца, считался беглым и принимать его было запрещено законом так же, как беглого раба.³

Юридические памятники делают различие между колонами свободными и приписными.

Для свободных арендаторов (coloni liberi) не существовало обязательства оставаться на арендуемом участке у землевладельца. Он обрабатывал его на определенных условиях и волею был его покинуть по своему желанию. Имущественное положение могло быть различным и влияло на степень зависимости от землевладельца. Зажиточный колон мог иметь не только свое имущество, двор, дом, инвентарь, скот, но даже одновременно с арендованной землей мог иметь собственный участок земли. У государства, однако, была тенденция привязывать земледельца к его участку — длительная аренда вела к закреплению колона. По закону, изданному при Анастасии, длящаяся свыше 30 лет аренда становилась обязательной для обеих сторон. Колон не мог оставить своего участка земли, как и землевладелец не мог лишиться его аренды.⁴ Так, независимый человек прикреплялся к тяглу, терял свободу передвижения, а с этим в корне менялось его юридическое положение. Этот закон прикрепил и свободных арендаторов и

¹ Ibidem, Cod. P., § 28, p. 48.

² В одном случае в законнике упоминается *حلس* — palaha в таком смысле, который может ввести в заблуждение. Именно в § 94 Лондонского списка имеется перечисление лиц, которые составляют завещание на чужбине, среди них упоминаются купец и воин, а предшествует им крестьянин. Это одно уже кажется сомнительным, так как такого рода перечисления обычно составлялись в иерархическом порядке. Из подстрочного примечания явствует, что слово изменено издателем, так как первая буква m, а не p; это место, следовательно, испорчено и не может приниматься в расчет.

³ Ibidem, Cod. L., §§ 49, 50, p. 15; Cod. P., § 28-ab, p. 48; соответствуют Cod. Theodosianus, l. 5, tit. 9, §§ 1, 2, pp. 471, 472 и Cod. Justinianus XI, 48, 12, p. 441. — В сирийском имеется ошибка: в наказание за прием беглого раба или приписного закон предлагает укравателю самому сделаться приписным у владельца беглого. Cod. Theod. u. Just. предлагают взамен отдать другого приписного.

⁴ Codex Justinianus, XI, 62, 14.

μικτοί¹ с тем отличием, что свободные колонны (*coloni liberi*) сохраняли за собой лишь свое личное имущество, которым они обладали до прикрепления.²

В сирийских источниках нет специальной терминологии, которая соответствовала бы этой категории производителей в деревне, как нет отражения или следов этого закона Анастасия, что, впрочем, совершенно не означает, что он не применялся в пределах Сирии и Месопотамии. Среди колонов, с одной стороны, отслаивались экономически более крепкие, которые могли вести хозяйство самостоятельно своим инвентарем. С другой стороны, в положение колонов-арендаторов становилась не имевшая ничего беднота.

Из приписных обычно самые неимущие обрабатывали землю орудием и скотом владельца; не имея ни двора, ни дома, они ютились в помещении, предоставленном собственником. Рента выплачивалась ими натурой, а того, что оставалось, не хватало на пропитание. Создавалась полная зависимость колона от владельца, который проявлял по отношению к нему свое *domini potestatem*. Приниженное положение приписного, совпадавшее с положением раба, в полной мере сказывалось в законах о беглых. Колон, как раб, вынужден был бежать от тяжелых условий жизни, от непосильного бремени налогов и изнурительной работы. Прикрепленный к земле крестьянин не имел прав оставлять своей аренды, а принимать беглых запрещалось законом. Хотя закон Анастасия делает различие между положением рабов и приписных (*serviles vel adscriptitio conditio*), но фактически эти границы стирались. В 530 г. разницы между рабами и приписными Юстиниан не видит. «Как же понимать разницу между рабами и приписными, когда и те, и другие находятся во власти своего господина, который может раба выпатать со своим скарбом, а приписного прогнать со своей господской земли».³

Хроника псевдо-Захария Митиленского знает на епископской земле париков в крепостном состоянии. Она называет их *tautebe* (присельники, или насельники, соответствующее греческому *παροιχοι*). В агиологической литературе и монастырских актах они являются как бы крепостными монастырей. Здесь, в начале VI в., за Евфратом, они сидят на епископской земле.⁴ После войны с Кавадом, желая обратить в крепость небольшой городок Дару, расположенный на границе с Ираном, Анастасий выкупил у Фомы — епископа Амидского, селение (*κρίτα* — *krita*). Всех насельников церковной земли «он освободил и утвердил за каждым его землю и двор».⁵ Парики

¹ Codex Justinianus, XI, 48, 19; XI, 48, 23, pp. 441, 442.

² Constantinescu. Réforme sociale ou réforme fiscale. Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, Bucarest, 1924, p. 94.

³ Codex Justinianus, XI, 48, 21, ed. Krüger, p. 422.

⁴ Юстиниан в новелле, регламентирующей эмфитевзис и трактующей о церковной собственности, упоминает *παροιχικὸν δίκαιον* — *ius colonarium*. — Novellae 120, cap. I, ed. Schoell, Berlin, 1904, p. 578: ἀλλ' οὐδὲ παροιχικῷ δικαίῳ δίδοσθαι τι συγχωροῦμεν. — В законодательных памятниках более позднего времени парики упоминаются постоянно, как *παροιχοι*, *δουλοπαροιχοι*, *κληρικοπαροιχοι*. — Du Cange. Glossarium mediae et infimae graecitatis, t. I, c. 1122.

⁵ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 6, p. 36.

перестали быть зависимыми от епископа, которому принадлежала земля, но они остались сидеть в качестве крестьян государственного домена на предоставленных им участках.

Существование деревень, объединявших «свободных» крестьян, не связанных с каким-либо собственником, удостоверяется тем же Сирийским законником. Вскрытие завещания в селении (*krita*), в виду того, что вещи подлежащие наследованию «малые и бедные», происходило в присутствии местных клириков (*kašiše ve mešamšane*) и «старцев», которые управляют селением». ¹ *saba* обозначает старого человека, старца и претерпевает те же изменения, как и греческое *πρεσβύς*. Деревенские старосты известны по греческой агриологической литературе и носят названия *πρεσβύτεροι*, *πρώτοι τῆς χώρης*, *πρωτοκλήται*. ² Выражение «управляющие» от корня *ἰgnḥ* имеет смысл управления вообще и специально выполнения функций хозяйственного порядка, соответствующее греческому *οἰκονομεῖν*. ³ Управление селений старостами было связано с собиранием податей, учетом и распределением повинностей. ⁴ Селение представляло собою центр свободных крестьян, в законе соответственно завещатель назван не *palaha*, а просто «муж» (*gabra*). Если архива в этой деревне не было, завещание предлагалось хранить у эконома местной церкви и то, если там был обычай сберегать «*δικαιώματα*».

Ни хроника Иешу Стилита, ни псевдо-Захария Митиленского не упоминают о рабах, посаженных на землю. В законнике большое количество статей трактует о рабстве, но они не содержат прямого указания на то — касается ли вопрос домашнего рабства, длительно распространенного на востоке, или рабов земледельцев (*servi rustici*). Нет сомнения, однако, что и в Месопотамии рабы были причастны к земледельческому труду и сидели на земле господина. Пополнение численного состава рабов шло различными путями: дети рабов и рабынь делались рабами так же, как и свободные женщины, делаясь женами рабов, попадали в рабское положение. Во время войн военнопленных массами обращали в рабство. ⁵ Немалую роль играла продажа в рабство за долги, самопродажа, рабство вследствие невозможности выплатить займодавцу долг и т. п. Сирийский законник знает этого рода экономические факторы, приводившие к рабству, он предусма-

¹ Syrisches Rechtstbuch, ed. Bruns und Sachau, Cod. L, § 95, p. 21.

² Рудakov. Очерки византийской культуры по данным греческой агриграфии. М., 1917, стр. 178. — Zachariä v. Lingental. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 3-te Aufl., 1892, p. 218.

³ Payne-Smith. Thesaurus Syriacus, t. II, c. 3269.

⁴ К вопросу о крестьянских общинах вообще и свободных крестьянах преимущественно в VIII и IX вв. см. Constantinescu. Réforme sociale ou réforme fiscale. Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine, Bucarest, 1924. — Constantinescu. La communauté du village Byzantin. — Gelzer. Studien zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung Aegyptens, p. 48. — Васильевский. Материалы для истории Византийского государства. Журн. Мин. нар. просв., ч. 202, апрель, 1879.

⁵ При взятии Амида и других городов и селений Кавадом, персы массами уводили население в плен, обращая их в рабство.

тривает положение, когда продающий себя просто проедает ту цену, за которую он себя продает, или часть цены, которая ему выделяется посредником при продаже. Таким образом, рабство бывало следствием экономически безвыходного положения, человек вовлекался в него, гонимый голодом, нуждой, а «проевший» себя свободный делался рабом.¹

Раб, понятно, был совершенно бесправным. В качестве рабов земледельцев, посаженных на землю, эти *servi rustici* вносятся в цензовые списки, поэтому они и носят название *censiti* или *censibus adscripti*; этим окольным путем они попадали на учет государству. Но приписанные таким путем рабы учитывались лишь как живой инвентарь, по количеству рабов можно было судить о доходности земли, за счет которой делалась надбавка подати, уплачиваемой землевладельцем за землю. Каков был удельный вес этих земледельческих рабов в V в. в азиатских провинциях Византии — сказать трудно.

Основной массой городского населения являлись организованные в корпорации ремесленники, поставленные под строгий контроль правительства, и многочисленная армия чернорабочих, поденщиков, рабов, вольноотпущенников.

Городских ремесленников сирийская хроника называет **ܡܢܐܢܐ** — *umane*. Это сирийское *umana* соответствует греческому *τεχνίτης*, латинскому *orifex, artifex, fabricator*.² Так могут быть названы искусные, испытанные в каком-либо производстве мастера или ремесленники. Но этим содержание термина **ܡܢܐܢܐ** — *umana* не исчерпывается, так как ремесленниками сириец называет также работников, не имеющих особой квалификации или выучки. Источники различия в терминологии не делают. Про строившиеся бани хроника говорит, что там работало «много людей» (**ܡܢܐܢܐ ܕܝܚܝܐ**).³ Законник каменщиков, перестраивающих стену каменного дома, называет *umane* (ремесленниками).⁴ Когда около г. Амида понадобилось сделать подкоп, то на эту работу вызвали ремесленников из других городов, которые помогали подкапывать стену «деревенским», также привлеченным к этой работе.⁵ **ܡܢܐܢܐ** — *umane* в V в. не представляли собой единого сословия ремесленников, наоборот, все говорит за необходимость видеть в них неоднородную группу населения, занимавшуюся не земледельческим трудом, с резкими имущественными отличиями. Ремесленником назывался как неквалифицированный, несущий наиболее тяжелый, полурабский труд, поденщик, так и мастер, имеющий свою мастерскую и лавку, в которой он сбывал свой продукт. О поденщиках мы узнаем, что они «стоят на торжище», ожидая, что их позовут на работу. Условия труда были полурабскими, заработок задерживался, не выдавался, их обсчитывали.⁶ Работодатели всячески злоупотребляли преимуществами своего экономического

¹ Syrisches Rechtsbuch, ed. Bruns und Sachau, Cod. L, § 73, p. 19.

² Payne-Smith. Thesaurus syriacus, t. I, c. 237.

³ Иешу Стилиит, § 30 — syr. Wright, p. 25.

⁴ Syrisches Rechtsbuch, ed. Bruns und Sachau, Cod. I, § 98, p. 25.

⁵ Иешу Стилиит, § 46 — syr. Wright, p. 42.

⁶ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 6, t. II, pp. 36—37.

и привилегиями правового положения. Как оплата труда, так и условия жизни поденщиков были невыносимо тяжкими. Хроника дает сведения об их оплате. Постоянная конкуренция с трудом рабов, жалкие жизненные условия, обман при расчетах характеризуют их существование. Можно указать на данные о заработной плате, относящиеся к VI и VII вв. Один кератион в день зарабатывал каменщик в Египте, поденщик в Александрии.¹ Сирийская хроника Захария Митиленского сообщает данные для V в. о зарплате на строительных работах; эти данные требуют анализа.

Небольшой пограничный городок Дара был избран Анастасием как новый стратегический пункт на границе с Ираном. Его стали спешно обносить стенами, сооружался водопровод для проведения воды с гор в специально устроенную цистерну, где она должна была сохраняться. Было построено зернохранилище, бани и другие общественные здания. Целью было обеспечить город на случай осады. С постройкой Анастасий торопился и наблюдение над ней было поручено епископу Фоме Амидскому, который часто посещал строительство и посылал своих агентов. Прокопий таких подробностей, которые сообщает Захарий, не знал, его «*De aedificiis*» содержат лишь краткие заметки о Даре, как и хронограф Феофана.² Сирийский источник упоминает о специальном эдикте Анастасия и сообщает, что деньги отпускались в достаточном количестве и Фоме было обещано покрыть все расходы, связанные с постройкой.

Для сбора материала, заготовки и подвоза камня требовались рабочие руки. В Дару были собраны ремесленники (ܟܠܬܐ — *umane*), рабы (ܟܬܝܢܐ — *abde*) и крестьяне (ܦܠܬܐ — *palahe*). Были также присланы многие каменщики и каменотесы, приказано было, чтобы никто не был «обижен в зарплате», который он вырабатывал.³

Только благодаря щедрости в деньгах крепость была закончена в сравнительно короткое время. Необходимо отметить, что на постройку свободные рабочие пошли работать только после того, как «стало известно от Востока до моря (Средиземного), что это дело прямое и что выдается заработок, и собрались рабочие и ремесленники. Надсмотрщики над работой получали очень хорошо и наполнялись их карманы».⁴ Привлекало на строительство крепости то обстоятельство, что плата выдавалась без задержки, от которой работающим, очевидно, приходилось постоянно и жестоко страдать. Каменотесы, каменщики были специально присланы из больших городов, остальные были поденщиками, среди которых были городские ремесленники, крестьяне и также рабы, посланные владельцами на заработки. «Карманы наполнялись», «разбогатели многие», говорит летописец, и это было справедливо для несших полицейскую службу надсмотрщиков. Данные об оплате поденной работы надо понимать с известной осторожностью. «И получал за день

¹ Рудakov. Очерки византийской культуры, стр. 172, 173. — Ostrogorsky. Löhne und Preise. Byzantinische Zeitschrift, 1932, B. 32, H. II, pp. 300, 297. — Кератион — мелкая серебряная монета, подробности см. ниже.

² Theophanes. Chronographia. Ed. de Boor, Lipsiae, 1883, p. 150.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 6, t. II, p. 37.

⁴ Ibidem.

рабочий (𐤒𐤊𐤏 — *reala*) четыре кератиона, а если с ним был осел — восемь».¹ Один рабочий получал в день четыре кератиона; с вьючным ослом, на котором производилась перевозка материала, камня, песка и проч., заработок рабочего был двойным, он получал восемь кератионов.

Эта заработная плата вызывает некоторые сомнения, так как обычно дневной заработок рабочего не превышал одного кератиона. Она объясняется прежде всего спешностью строительства, необходимостью привлечь рабочих для этой работы, имевшей стратегическое значение. Но, кроме того, следует принять во внимание, что последняя цена на пшеницу, которую дал Иешу Стилит под 504/5 г., составляет 4 кератиона за модий.² Постройка Дары началась после заключения мира в 506 г. Хлеб в Амид, ближайший к Даре город, возили из Эдессы, так что цены могли там быть только эдесские или даже несколько более высокие. Возможно, что цены на хлеб упали после 505 г., но думается, что заработная плата, о которой сообщил Захарий Митиленский, находится в связи с повышенной ценой на зерно после голода.

Надсмотрщики на постройке, «карманы которых наполнялись», применяли все те способы понуждения и контроля, которые существовали в обращении с рабами. Это лишнее указание на то, в какой тесной связи с рабовладельческими навыками зарождались элементы феодализма на Азиатском Востоке. Неимущие составляли тот живой, легко воспламенявшийся городской слой, который в наибольшей степени испытывал экономический гнет.

На улицах Эдессы и площадях было построено ремесленниками множество лавок и будок.³ Обычно в них не жили, а приходили на дневную работу мастера с подмастерьями и ученикам. В ноябре 513 г. греческого счисления (201 г. н. э.) в Эдессе произошло сильнейшее наводнение, затопившее часть города.⁴ Дайсану вообще в зимние месяцы случалось выходить из берегов, но в этот год бедствие было необычайным. Авгар XIII, эдесский царь, типа мелких эллинистических государей, характерных для Ближнего Востока этой эпохи, приказал, «чтобы все ремесленники города удалили свои лавки от реки и чтобы никто не строил себе лавок около реки. По совету землемеров и знающих установили лавки до предела разлива реки».⁵ Лавка (𐤒𐤊𐤏𐤕 — *hanuta*, множ. 𐤒𐤊𐤏𐤕𐤕 — *hanvata*, соответствует греческому ἐργαστήρια, ταβέρνα) служила как местом, где производилась продажа, так и мастерской, в которой происходило самое изготовление продукта. Излюбленной главной улицей Эдессы была набережная Дайсана; в III в. она была бойкой, такой она осталась и в V в., по ней толпился народ в праздничные дни, освещали ее особенно ярко.⁶ Во избежание человеческих жертв во

¹ Zacharias Mitylenensis, l. 7, cap. 6, pp. 36—37.

² Шесть модиев на динарий, т. е. 24 кератиона : 6 = 4 керат. Модий, кератион, см. ниже стр. 76, 77.

³ Иешу Стилит, § 29 — syr. Wright, p. 23.

⁴ Chronicon Edessenum. Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores Syri, Ser. III, t. 4, text, p. 2, vers., p. 1.

⁵ Ibidem.

⁶ Иешу Стилит, § 27 — syr. Wright, p. 22 — transl., p. 18.

время повторных наводнений, Авгар приказал также, чтобы «все кто сидят в портиках и работают около реки, от Тишри первого [октябрь] до Нисан [апрель] не ночевали в своих лавках».¹ Это распоряжение имело в виду тех ремесленников, которые вели свою работу и торговлю в этих мастерских, а порой здесь же и ночевали. Дом, постоянное жилище, у них был в другом месте, возможно, что где-нибудь в предместье, во всяком случае, не в центре, на главной улице. Порттики использовались как крытое место, где можно было развернуть свое поделье и продавать, или быстро выполнять заказ, тут же полученный. Эти легкие постройки, будки, шалашики, строившиеся для защиты от палящих лучей солнца, так загромождали улицы, что эгемон Александр в 496/7 г. н. э. был вынужден снять их, чтобы привести город в порядок.² Вся грязь, отбросы производства выбрасывались прямо на улицу, так что тот же эгемон нашел необходимым вычистить город, тем более, что чума и другие массовые инфекционные заболевания не переставали угрожать городу.³

Подобно булочникам, о которых имеются подробные сведения, и другие ремесленники составляли организованные группы. Корпорации работали с ведома и с разрешения эгемена города, контролю которого они подчинялись.⁴ Денежные обороты производства учитывались, и у представителей правительства имелись списки ремесленников для нужд фиска.

Хроника Иешу Стилита дает возможность вскрыть социальную структуру византийских провинций Месопотамии и Осроены в конце V и начале VI вв.

Какова была социальная структура Осроены в эпоху ее независимости — сказать трудно, так как какого бы то ни было исследования данного вопроса не существует. Гутшмидт остановился только на хронологии Осроены.⁵ Это небольшое эллинистического типа государство управлялось династией Авгаров и Ману. Эдесская хроника сообщает о знати и дворцовых людях, окружавших Авгара IX (начало III в.).⁶ В 216 г. Каракалла взял Эдессу, центр Осроены, превратив ее в римскую провинцию.

Римские и византийские императоры имели в азиатских провинциях собственные земли, законом 386 г. отмечены «*fundi patrimoniales per Mesopotamiam et Osroenam provinciam*».⁷ *Fundi patrimoniales* — обычное название императорских земель, здесь они указаны за Евфратом. Возможно, что собственные имения эдесских царей после завоевания перешли к римским владыкам. В начале VI в. Анастасий приобретает земли под крепостью Дарой и делает их государственными.

¹ Chronicon Edessenum, text, p. 2, vers., p. 1.

² Иешу Стилит, § 29 — syr. Wright, p. 23.

³ Иешу Стилит, § 29 — syr. Wright, p. 23.

⁴ Иешу Стилит, § 40 — syr. Wright, p. 35.

⁵ G u t s c h m i d A l f. Geschichte des Königsreichs Osroene. Petersbourg.

⁶ Нахарарский строй соседней с Осроеной Армении в эпоху Арсакидов, по мнению проф. Мавандяна, носил феодальные черты. — М а н а н д я н. Заметки о феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении. Тифлис, 1923.

⁷ Codex Justinianus, XI, 62, 8. — О термине *Fundi patrimoniales* см.: У д а л ь ц о в. Социальная история средневековья, I, М., 1927, стр. 19.

Кроме государственных и императорских поместий, больше имения были сосредоточены в руках «именитых» и «богатых» людей.

В сирийских источниках местная знать чаще всего носит название ܪܒܝܬܐ — *raḡabane*, от общесемитического корня ܪܒ — *raḡ* (большой). Значение этого слова — «богатые», знатные, это верхи города, к которым принадлежат высшие представители администрации, высшее духовенство, крупные землевладельцы и богачи. Те владельцы больших имений, которые составляют эксплуатирующий элемент в деревне, являются господствующим классом и в городе и привлекаются там к ряду функций по управлению. Составляя городскую курию, они были ответственны перед государством за подать с области, тяготевшей к городу.

Когда Кавад и его войско утомились осадой Амида, они предложили городу откупиться известным количеством серебра. Но Леонтий бар Паппий — член совета (βουλευτής), эгемон Кир и Павел бар Зайнаб управляющий, казначей (ܪܒܝܬܐ — *raḡabaita*, *major domo*), через тех, которых послали к Каваду, спросили с него плату «за овощи садов, которые съело его войско, и за прочее вино и зерно, которое собирали и уносили из деревень».¹ Именитые люди, «первенствующие» просили возмещения за расхищенные продукты и потраву, конечно защищая не интересы других, а свои собственные. В голодные годы они увозили хлеб и спекулировали им, не беспокоясь о прочем населении. В данном случае были затронуты их интересы как крупных землевладельцев и членов городского совета. Когда тот же Кавад потребовал выкупа у Эдессы, стратилат Ареобинд запросил об оплате знатных города, которые ему в такой большой сумме отказали.² Жили «знатные» (*nobiles*) обычно в городах, где у них были построены роскошные дома, известные по археологическим материалам. Кавад после взятия Амида поселился во дворце богача Павла бар Зайнаб, у которого он нашел и отобрал множество золота.

Летописец ту часть городской знати, которая несла административные функции, называет ܪܝܫܐ — *rišane* (главы, старшины, в точном переводе). Это слово могло бы заменять в сирийском и термин «куриал». Один из представителей знати в Амиде, причастный административным обязанностям, носит звание βουλευτής, транскрибированное по-сирийски. Нет необходимости считать его за столичного сенатора, — это был крупный местный орхонт,³ «первенствующий», занимавший одно из первых мест в списке членов городского совета.

Во время войны Ирана с Византией Эдессу наводнило большое войско, посланное в Месопотамию на границу. Расквартирование войск находилось в руках местных старшин (ܪܝܫܐ ܕܢܒܝܐ — *rišane bnai atra*). Летописец словом ܪܝܫܐ — *rišane* мог обозначить начальствующих, старшин вообще; добавив ܪܝܫܐ ܕܢܒܐ — *bnai atra*, он определил их как местных людей, желая

¹ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, t. II, p. 25.

² Иешу Стилит, § 61.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, p. 25. — Chronicle of Zacharia of Mitylene, ed. Hamilton and Brooks — chief councillor. — D u C a n g e. Glossarium, t. II, p. 670. — βουλευτής, decurio, curialis.

ческого ξένισι).¹ Такая забота о «чужих» говорит о большом экономическом их значении для города. Если гости-купцы будут болеть чумой, пострадает текущая торговля, торговля последующих лет, и урон для города будет очень велик.

Крупные землевладельцы, представители местной администрации, составляли тот высший городской слой, на который опиралась центральная власть. В среде эксплуатирующего класса большим влиянием пользовалось и высшее духовенство, имевшее крупную земельную собственность.

Так, хроника псевдо-Захария Митиленского² сообщает о селении, принадлежавшем епископу. Уцелевшие развалины говорят о целых крепостях-монастырях, окруженных садами, плодовыми деревьями, оливковыми рощами. Хроника Иешу Стилита называет ряд церквей и монастырей под самой Эдессой, среди виноградников и плодовых насаждений.

С IV в. отказы по завещанию в пользу церквей и монастырей и предприимчивость высшего духовенства в увеличении своих богатств и недвижимой собственности приняли широкие размеры. Этому способствовало и бедственное положение крестьянства, искавшего патрона для защиты от тягостных требований фиска и находившего его в лице монастыря или епископа.

Епископ города в ряде случаев представлял класс землевладельцев, к которому сам принадлежал, и вопросы городского управления решались при его активном участии. Ходатайство об облегчении подати землевладельцам, выборы поставщика хлеба связывались с ним.³ Амидский епископ Фома по особенному соглашению с императором заведывал со своим клиром ܡܝܫܡܢܐ — mešamšana (дьяконы) всеми постройками соседней крепости Дары.⁴ Ему принадлежали целые селения с крепостным населением (ܬܘܬܒܐ — tautebe).

В городе епископ играл роль «защитника» (defensor civitatis), он должен был бы защищать интересы неимущих «бедных».⁵ Под 504/5 г. Иешу Стилит сообщает: «В этом году вновь отправился епископ мар Петр к императору просить его снять подать. Император ответил резко и упрекал его за то, что он оставил заботу о бедных (ܡܫܝܚܐ, meskine) в такое, как это, время и отправился к нему».⁶

Отмену подати Месопотамии недовольный Анастасий послал через другое лицо, минуя епископа. Вмешательство дефензоров в финансовые дела не были желательны для центральной власти, тем более что епископы в роли просителей известны не по одной хронике Иешу Стилита. Савва Иеру-

¹ Иешу Стилит, § 44 — syr. Wright, p. 39.

² Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 6, p. 36.

³ Codex Justinianus, X, 27, 3, p. 408.

⁴ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 6, p. 36.

⁵ Рудаков. Очерки византийской культуры, стр. 80 и след. — Cambridge Medieval History, t. I, 1911, p. 565.

⁶ Иешу Стилит, § 78 — syr. Wright, pp. 73—74.

салимский¹ ездил в Константинополь с аналогичными просьбами, что и Петр Эдесский. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что официально епископ как будто должен был оказывать «помощь бедным», но фактически его роль сводилась к защите интересов класса владельцев, интересы которого были его собственными интересами.

Для землевладельцев среднего достатка хроника Йешу Стилита сохранила специальный термин «деревенские господа» (ܡܪܝܬܐ, ܝܬܐ).² Этот социальный слой противопоставляется «простым из народа». «Деревенские господа», владея землей, должны были обеспечить государству поступление податей и были тем насосом, которым непосредственно выкачивали ренту из производителя. Как класс средних земельных собственников они имели свою долю участия в городской жизни. Они жили в Эдессе, где у них была собственность. В городе находились хозяйственные постройки, кладовые, амбары землевладельцев, как это предусматривал и закон Анастасия о продаже хлеба. При расквартировании войск им было оказано преимущество, вызвавшее ропот и протест «простых из народа», на которых эта повинность обрушилась всей тяжестью. В отдельных случаях государство делало уступки «деревенским господам», отменяя, например, временно выплату податей. Эти льготы, однако, никак не отражались на «простых людях», потому что прибавочный продукт, который землевладельцы выжимали из непосредственного производителя, они получали независимо от того, выплачивалась или не выплачивалась ими подать государству. Но положение средних собственников не следует представлять как благополучное. Когда представителю центральной власти требовалось собрать подать, он прибегал к суровым мерам и буквально «вымучивал» ее. Все это роднит средних землевладельцев с декурионами, выполнявшими подобные функции в IV в. «Деревенских господ» византийское законодательство знает под именем *δεσπότες τῶν γεωργῶν*,³ упоминаемых при Юстиниане и в последующее время. Райт в кратком подстрочном примечании сопоставляет *ܡܪܝܬܐ, ܝܬܐ* — *mari kurie* с дехкапами Ирана сасанидов.⁴ Дехкане, как тогда пазывался средний землевладельческий слой, имели большое значение в экономической жизни персидского государства, так как, имея земельную собственность, они являлись опорой власти на местах, в частности обеспечивали поступление податей.⁵ Хормизд,⁶ сын Хозроя Апушпервана, в своем распоряжении,

¹ Помяловский. Житие Саввы Освященного. Изд. общ. люб. др. письменности, СПб., 1890, стр. 416. — Епископ — *defensor plebis*. — Seeck. *Geschichte des Untergangs der Antiken Welt*. 2-te Aufl., B. II, p. 175.

² Йешу Стилит, § 39 — *syr. Wright*, p. 35.

³ *Novellae*, 80, cap. 2, p. 391: *ἐὶ δὲ τινες εἶεν γεωργοὶ τελοῦντες ὑπὸ δεσποτείαις*; в новелле 123, cap. 17, p. 608, упоминаются *δεσπότες* в сочетании *ἐναπόγραφοι*; более точно выражало бы сирийский термин греческое *δεσπότες τῶν χωρῶν*. — *Procopius Caesarensis. Anecdota*, 23, 5: *οἱ τῶν χωρίων κύριοι*.

⁴ *Wright. Chronicle of Joshua the Stylite. Translation*, p. 29.

⁵ *Tabari. Geschichte der Perser und Araber*. Ed. Nöldeke, p. 351, 440. В дальнейшем цитируется: *Tabari*, ed. Nöldeke. — *Christensen. L'empire des Sassanides*. 1907, pp. 44—45.

⁶ С февраля 579 г. н. э. по лето 590 г.

запрещающем войскам обижать мирное население, упоминает именно дехкан.¹ Это сопоставление может быть дополнено ценным указанием академика И. Ю. Крачковского на последующее арабское употребление термина «деревенские господа» — *ruassa risana* в том же значении в эпоху халифата.

ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ

П о д а т и и п о в и н н о с т и д е р е в е н с к о г о н а с е л е н и я

Финансовое ведомство, или, по выражению Маркса, «ведомство по ограблению своего собственного народа»,² занимало центральное место в системе управления восточно-римской империи. Хроника Нешу Стилита содержит богатый и красочный материал о том сложном и тяжком грузе податей и повинностей, который возлагало правительство восточной империи на рубеже V и VI вв. на своих подданных. Сама по себе сложная податная система империи усложнялась еще более тем, что в отдельных провинциях она имела свои особенности.³

Хроника неоднократно возвращается к государственным податям, которые обременяли как сельское, так и городское население. Она называет их греческим словом *συντέλεια*, которое транскрибировано в сирийском тексте. Относительно системы обложения в восточно-азиатских провинциях Византии важные сведения дает Сирийский законник (переведен с греческого в последней четверти V в.). Одна из статей этого законника сообщает об обложении земельной собственности, которое устанавливалось в зависимости от качества насаждений и плодородности земли, для оценки отчислений с нее в фиск. Статья законника сохранилась почти дословно, совпадая в двух списках: Лондонском (*L*_I, § 121) и Римском (*R*_{II}, 151), изданном и сохранившемся несколько лучше.⁴ Отсутствие русского перевода с сирийского этого важного текста побудило дать таковой ниже, следуя списку *R*_{II} с необходимыми дополнениями из текста *L*_I.

«Земли измерили римские императоры по своим законам мерой трости. 100 тростей составляют πλέθρον. 'Ιούρον переводится тягло (иго, *rediona*).

¹ Tabari, ed. Nöldeke, p. 265.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, 1932, стр. 347.

³ Zachariä. Zur Kenntnis des römischen Steuerwesens, p. 12. Mémoires de l'Académie des Sciences, VII ser., t. VI, № 9, Pétersbourg, 1863. — Seeck. Schatzordnung Diocletians. Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, 1896, B. 4, pp. 294, 300. — Pigniol. L'impôt de capitation sous les Bas-Empires romains. Chmbery, 1916. — Bury. History of the later Roman Empire, t. I. London, 1923, pp. 46, 47. — Stein. Vom römischen zum byzantinischen Staate, B. I, Wien, 1928, p. 110. — Lot F. L'impôt foncier et la capitation personnelle sous les Bas-Empire et à l'époque franque. Paris, 1928. Bibliothèque de l'école des hautes études. Sect. historique, f. 253. — Ostrogorsky. Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter. Byzantion, t. I, 1931, p. 231. — Lotz. Studien über Steuerverpachtung. Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie, 1935, H. 4.

⁴ Syrisches Rechtsbuch, ed. Bruns und Sachau, *L*_I, 121, pp. 333—334. — Syrische Rechtsbücher, ed. Sachau, B. I, 1907; *R*_I, 151, pp. 132—137.

Земли были измерены в дни императора Диоклетиана. Постаповлено, что 5 югеров виноградника, которые составляют 10 плетров, соответствуют одному тяглу. 20 югеров посевной земли, которые составляют 40 плетров, дают анноны одного тягла. 225 оливковых деревьев 1-го сорта¹ дают анноны одного тягла, 450 оливковых деревьев 2-го сорта дают анноны одного тягла. Также и земля, если она плоха и относится ко 2-му сорту, то 40 югеров, которые составляют 80 плетров, дают анноны одного тягла. Если земля отнесена или записана как 3-й сорт, то 60 югеров, которые составляют 120 плетров, дают анноны одного тягла. Нагорные земли записывают так. Во время записи (кадастра) люди, которым была дана власть от государства, призывали горных жителей, крестьян другой области, и по их соображениям записали, сколько модиев пшеницы или ячменя даст земля в горах. Также они записали земли, которые не засевают, пастбища для овец, с которых дают подать (*συντέλεια*) для казнохранилища (*ταμείον*). Есть селения, которые дают за пастбища в *ταμείον* один динарий за весь год, другие два динария, иные три динария, иные больше. Эту подать за пастбища берут ромеи в месяце Нисан [апрель] для прокорма своих лошадей и покупают пищу своему скоту».

Эта статья законника, впервые опубликованного в 1862 г. Ландом, обратила на себя тотчас внимание Момсена.² Он отметил меры пространства этой статьи как специфически восточные, эллинистические меры. Привить Востоку свою систему мер для Рима оказалось невозможным, — там установилась средняя мера, несколько удлиненная птолемеовская «пога» в 355.2 мм.

В основу измерения пространства здесь положена филетеровская система, по которой миля = 1000 шагам, составляющим 500 тростей (тростников, сирийское *капжа*, немецкое *Rohr*); одна трость = 8 локтям; 100 кв. тростей = 1 плетру; плетр = 1260 кв. м.³ Возможность перевести меры и сопоставить их с современными имеет большое значение.

Законник говорит, что «земли были измерены в дни императора Диоклетиана» и, следовательно, был утвержден кадастр. Составленный путем записи кадастр действовал в течение 15 лет, что послужило к счету времени индиктионами.⁴ Латинский термин *jugum*, имеющий смысл податной единицы, транскрибирован в сирийском с греческого *ἰούγον, ζυγόν* и объяснен как иго или тягло (*pediona*). Смысл постановления заключается в том, что по своим качествам земля разделяется на 1-й, 2-й и 3-й сорта или разряды, соответственно чему определяется количество земли, отвечающей одному

¹ В тексте R_{II}, *Syrische Rechtsbücher*, ed. Sachau, 1907, p. 136, с которого сделан перевод, это место испорчено; восстанавливаем по Лондонскому списку *Syrisches Rechtsbuch*, ed. Bruns u. Sachau, p. 33.

² М о м с е н. *Syrisches Provincialmass und römischer Reichs Kataster-Hermes*, В. III, pp. 429—438. — О мерах длины см. также: У с п е н с к и й Ф. Византийские землемеры. Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884. Одесса, 1888, стр. 296.

³ P a u l y - W i s s o w a. *Realencyclopaedie*, IX, 2, ss. 2507, 2508.

⁴ Ф. И. У с п е н с к и й. История Византии, т. I, стр. 591.

Меры, приведенные в Сирийском законнике, могут быть сопоставлены с современными:

Посевная земля 3-го сорта в 60 югеров = 120 плетрам = 151 200 кв. м.¹

Горные земли по своему образу условий требовали особого учета. Государственные чиновники, занимавшиеся установлением кадастра, чтобы не было пристрастия, вызывали крестьян из других нагорных областей (पालहे तुराये — palahē turaie), которые по своим соображениям устанавливали, с какого пространства земли на горе мог быть собран модий пшеницы или ячменя. Расчет не мог быть сделан людьми, незнакомыми с местными условиями. Общему учету подлежали также земли не засеянные, служившие пастбищем скоту. Они облагались определенной денежной суммой, которая вносилась в казну (ταμίειον) раз в год. Это был общий выгон, с которого деревня платила в год 1 динарий, 2, 3 и более. Подать, оплачивающая пастбища, названа συντέλεια (в точном переводе — общая повинность или общая подать, обозначавшая в V, VI вв. денежные взносы). Кадастр, составленный путем такой записи, действовал в течение 15 лет, что послужило к счету индиктионами.²

¹ Pauly - Wissowa, *ibidem*.

² Ф. И. Успенский. История Византии, т. I, стр. 591.

Для определения подати, взимавшейся с податного тягла, законник транскрибирует латинское слово анноны, которое имеет значение натуральной повинности или натуральной выдачи армии,¹ отчислений продукции в натуре. Хроника прямо об аннонах не упоминает, но ряд деталей, сообщаемых ею, не оставляет сомнения в том, что часть податных взносов продолжала поступать натурой. Наиболее вероятно, что отчисления делались в смешанном виде, и деньгами, и продуктами, как на это указывает текст одной из новелл Юстиниана,² где денежные и натуральные взносы упоминаются рядом.

В городах имелись специальные государственные амбары, в которых хранилось зерно. Хроника Иешу Стилита и псевдо-Захария Митиленского сообщает о них в Эдессе, Амиде; во вновь отстроенной крепости Даре в числе зданий и сооружений имелось зернохранилище.³

Во время войны из амбаров (ἀποθήκων) выдавалось зерно для выпечки хлеба солдатам (βουκελλάτων), из них же была взята пшеница для дополнительного изготовления хлеба во время голода. Зерновые культуры, вино, мясо отчислялись в натуральном виде, как продукты постоянно требовавшиеся для нужд армии. В пограничных городах войска были сосредоточены и в мирное время, так как Иран всегда держал Византию в состоянии напряжения, тем более во время войны, а содержание армии требовало продуктов.

Еще к концу IV в. относится повторное распоряжение о взимании натуральной повинности, причем запрещается заменять ее деньгами.⁴

К тому же времени относится предписание проконсулу Азии вести тщательную запись поступлений в натуре, указывая их наименование и с чьей записью они поступают (in qua specie et ex quibus titulis). Ко второй половине IV в. относится закон, предписывающий владельцам отчислять натуральную повинность трижды в год (a posseboribus per tres vices petatur annona). Перечислены там плоды, свиной жир, вино.⁵ Таким образом подать не только в африканских, но и в азиатских провинциях Византии как в IV, так и в V, VI вв. в основном представляет собою отчисления натурой — анноны. Для денежных взносов как в хронике, так и в законнике обиходным является термин συντέλεια.

В римскую эпоху поземельные подати выплачивались трижды в год: 1 сентября, 1 января и 1 мая. Таким образом она выплачивалась и в V в., на что указывает закон Анастасия от 496 г. «Трижды вносятся все поступления фиска (τὰ δημόσια). . . в календы января, календы мая и в конце года».⁶ Сирийский законник должен был иметь в виду это общее положение, когда,

¹ Hirschfeld. Annonae. Philologus, B. 29, H. I, 1870.

² Novellae, 128, cap. 3, p. 637.

³ Иешу Стилита, §§ 40, 81 — syr. Wright, pp. 35, 77.

⁴ Codex Theodosianus, XI, 2, 4, 5, ed. Haenel, cc. 1058, 1059.

⁵ Codex Theodosianus, XII, 6, 15, 18, cc. 1284, 1285.

⁶ Τριμερῶς δὲ πάντα τὰ δημόσια εισφέρεισθω, ταῦτε ἄλλα καὶ τὰ λεγόμενα Ἀρμενικὰ, τοῦτέστιν καλάνδας Ἰανουαρίας καὶ καλάνδας Μαΐαις καὶ πρὸς τῷ τέλει τῆς ἐπινεμήσεως; Codex Justinianus, X, 16, 13, p. 441.

говоря о взимаемой с пастбищ денежной подати, сообщает: «а ее ромен берут в месяце Нисан» — апреле.

Колоны приписные выплачивали за пользование земель ренту земле-владельцу — частному лицу, монастырю или церкви. Имеются все основа-ния полагать, что рента вносилась натурой, что земля обрабатывалась в порядке испольщины, особенно в условиях искусственного орошения, которое необходимо в Месопотамии. Что такова была принятая форма ренты в IV в., видно из законодательных актов этого времени.¹ Для VI в. закон Юстиниана указывает на колонов, вносящих владельцам ренту натуральной продукцией (in speciebus).² Это подтверждается и тем, что в руках земле-владельцев скоплялись большие количества хлеба, которыми они вели торговлю. Спекуляция зерном, сосредоточенным у богатых, приняла небы-валыe размеры во время голода, охватившего в конце V в. всю Месопо-танию.

Необходимо, однако, иметь в виду, что тот же Сирийский законник упо-минает о подушной подати. Византийское законодательство освобождало от податей врачей и учителей. Это изъятие повторено законником в несколь-ких списках: «Врачи и всяких наук учителя, паходящиеся в городах и в области (ܟܝܠܐܬܐ), освобождены от всякой подати: именно они не платят ни подушную подать (ܟܝܠܐܬܐ — kesef ġisa), ни хрисаргир». .³ ܟܝܠܐܬܐ — kesef ġisa может означать только capitatio — подушную подать и упоминается рядом с хрисаргиром — податью, установленной Констан-тином и отмененной Анастасием в 498 г. Указывая на то, что изъятие касается и тех врачей и учителей, которые жили в деревне, законник имеет в виду то обстоятельство, что подушная подать касалась, главным образом, вне-городского населения. Возможно, что законник сохранил этот термин визан-тийского законодательства, хотя он не имел уже актуального значения в азиатских провинциях.

Хропика Иешу Стилита отмечает ответственность землевладельца за уплату податей. В 499/500 г., стремясь выжать подать из разоренной недо-родом и саранчой области, эгемон действовал через «деревенских господ», которых он забрал и «мучил их большими мучениями и вымогал у них».⁴ Он поступал так сурово и жестоко, что смог послать «золото» в столицу прежде, чем там успели выпросить уступку в подати (ܥܡܬܐܝܠܐ). Скупой Анастасий поспешил оставить деньги у себя.

Так, отмена подати императором, которой «радовались деревенские господа», не меняла положения непосредственных производителей. Имея возможность не выплачивать подать полностью, сами они ничего не спускали тем, с кого они ее собирали. Это следует из сообщений Иешу Стилита под 505/6 г., когда «простые из парода» (ܟܠܐܬܐ ܕܐܡܬܐ), тяготясь постоем

¹ Codex Justinianus, XI, 48, 4, p. 440, закон 336 г.

² Sin autem reditus non in auro, sed in speciebus inferentur vel in totum, vel ex parte. — Codex Justinianus, XI, 48, 20, 2, p. 441.

³ Syrisches Rechtsbuch, ed. Bruns und Sachau, L₁, 116, p. 32. — Syrische Rechts-bücher, ed. Sachau, B. I, R₁, 67, 1907, p. 36.

⁴ Иешу Стилит, § 39 — syr. Wright, p. 35.

византийского войска, преимущественно состоявшего из готов, роптали, кричали и говорили: «Несправедливо, что у нас расположились готы, а не у деревенских господ, потому что им помогли этой отменой [подати]».¹ Такие заявления «простого народа» указывают на то, что облегчения подати касались владельцев и не отражались на тех, которые возделывали землю.

Ответственность за внесение податей крестьянскими общинами, селениями, не принадлежавшими какому-либо владельцу, лежала на них самих. Сдача продукта и выплата денег обычно производилась через старост — «старцев», которые управляли деревней. Выплата государственных податей за колонов в разные периоды производилась различно. При Юстиниане делались попытки установить непосредственные отношения колона с государством, по которым обязательства податного характера регулировали чиновники фиска с самими крестьянами, минуя землевладельца.² Но предусмотрены были и другие отношения, при которых та земля, которая была в пользовании у крестьянина, подлежала контролю землевладельца и по взиманию подати.

Характеристика реформы Анастасия, касавшейся фиска, не входит в задачи настоящего исследования, но следует указать, что она имела целью парализовать вмешательство дефензоров. Городские области и курiales были в некоторой степени отстранены от этого дела, и сбор государственных податей был поручен специально поставленным чиновникам (*vindices*), которые были непосредственно подчинены префекту претория. Главным источником для истории реформы является книга Иоанна Лидийца «*De magistratibus*».³ Автор реформы Марин, сириец родом, начал свою карьеру скромным чиновником фиска и кончил тем, что держал в руках финансы всего государства. Его вспоминает Захарий Митиленский как своего соплеменника.⁴ Имея целью централизовать деятельность финансовых органов, которые таким путем непосредственно подчинялись префекту, реформа не послужила к облегчению податного населения. Иоанн Лидиец считает ее вредной для сельского населения и прямо говорит: «я обращаю свои слова против Марина». Он находит, что она обогатила только Анастасия, так как этот император был, по его мнению, «богаче всех прочих, а с ним Марин и его присные».⁵

Отрицательное мнение о реформе высказывает и Евагрий,⁶ он считает ее вредной. Вследствие того, что *vindices* добивались должности по принципу «кто больше», т. е. покупали себе место, они особенно усиленно выжимали подати из населения. Евагрий в этом случае, как и в характеристике хрисаргира, считался с интересами податных классов.

¹ Иешу Стилиит, § 93 — *syr. Wright*, p. 85.

² *Codex Justinianus*, XI, 48, 20, 3, p. 441.

³ *Joannes Lydus. De magistratibus*, l. III, cap. 49, ed. Wünsch, Leipzig, 1903, p. 138. — *Bury. History of the later Roman Empire*, t. I, London, 1923, p. 442.

⁴ *Zacharias Mytilenensis*, l. 7, cap. 9.

⁵ *Joannes Lydus. De magistratibus*, l. III, cap. 49.

⁶ *Evagrius. Historia ecclesiastica*, l. III, cap. 42. Ed. Bidez et Parmentier, London, 1898, p. 144.

Папегирик Анастасию говорит о его заботах о крестьянах и законах для облегчения их положения. Эта официальная похвала ни в какой мере не соответствовала действительному положению вещей.¹

Хроника Иешу Стилита, упоминая о податях, оставила свидетельство о надбавке, придаче «ἐπιβολή», одном из способов самого жестокого налогового гнета, имевшего широкое распространение в византийскую эпоху. Сущность этой меры заключалась в том, что землевладелец, неся ответственность за налоги и государственные повинности, лежавшие на земле, получал в порядке принуждения отрезки государственной или выморочной земли, за которую он обязывался вносить подать. Подчас это были земли, на которых еще оставались крестьяне, приписные колопы; в таком случае и они с землей переходили к соседнему имущественно более крупному владельцу, который обеспечивал государству поступление податей. Таков общий смысл ἐπιβολή.² Документ II в., написанный на папирусе в Египте, содержит жалобу на применение такого рода добавки.³ В дальнейшем проведение «надбавки» перешло в римскую, а затем в византийскую эпоху. В VI в. для времени Юстиниана автор «Тайной истории» характеризовал эту принудительную меру как тяжелую для землевладельца. По его словам, Юстиниан перестеснялся к землям, не совершенно опустошенным, присоединить земли, которые были покинуты и помещиками и крестьянами (χωρίαι καὶ γεωργοί), бежавшими от тягостей.

Такие оставленные земли (agri deserti) искусственно накидывались по принципу соседства другому владельцу. Ему давалось право на владение этой землей, а поэтому он был вынужден отвечать за подати, лежащие на ней.⁴ Эдикт префекта претория Зотика, относящийся к 511—512 гг., т. е. ко времени Анастасия, считается первым четким упоминанием о надбавке на византийской почве.⁵ Это не введение нового закона, а некоторые изъятия, сделанные из уже действующего законодательства. Надбавка была распространена не только в Египте — хроника Иешу Стилита свидетельствует об этом. Под 511 г. селевкидской эры, соответствующим 499/500 г. н. э., хроника сообщает, что епископ эдесский Петр отправился в Константинополь просить о том, чтобы подать Эдессе была облегчена. Тем временем эгемон принял суровые меры, о которых мы сообщали выше, и принудил деревенских господ выплатить подать, а деньги послал в столицу. «Когда увидал император, что пришло ему золото, он не пожелал его отдать, но чтобы не отсылать отца нашего (т. е. епископа-ходатая, — Н. П.) ни с чем, он снял надбавки (ἐπιβολαί) с деревенских и их стоимость, которую они

¹ Prisciani. De laudo Anastasii imperat. 193—195. Poetae Latinae minores, ed. Baehrens, Lipsiae, 1883, t. 5, p. 271.

² Monnier. Étude du droit Byzantin. L'épibole. Revue historique, 1892.— Ostrogorsky. Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter. Byzantion, 1931, t. I. — Rouillard. L'épibole au temps d'Alexis I Comnène. Byzantion, 1935.

³ Roslowzef. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. 1910, p. 196.

⁴ Панченко Б. О тайной истории Прокопия. СПб., 1898, стр. 142 и след.— Новелла 521—523 гг. при Демосфене епархе. — Novellae, 166, p. 753.

⁵ Novellae, 168, p. 755.

платили, а городских освободил от заготовки воды ромеям (разумеются византийские войска, — Н. П.)».¹

Из этого текста следует, что отмена надбавки была значительным облегчением для землевладельцев, так как они получали возможность не выплачивать стоимости (τιμή) податей с этих добавочно накиннутых им земель. Такое указание хроники не оставляет сомнения в том, что принудительная накидка пустующей земли распространялась на азиатские провинции так же, как это было давно известно для африканских. Касалась надбавка землевладельцев и свободных крестьянских общин, но не колонов, прикрепленных к земле.² Отмена взносов по надбавке облегчала, однако, положение «деревенских господ», землевладельцев, но не производителей в деревне.

Такое летописное свидетельство для провинций за Евфратом имеет ценность и дает возможность судить об известном единообразии в системе управления византийского государства.³

П о д а т и и п о в и н н о с т и г о р о д с к о г о н а с е л е н и я

На городское население государство налагало ряд обязанностей. Одни из них носили характер повинности, как, например, поставка воды городскому гарнизону, выпечка хлеба для армии, перевозка зерна и других грузов. Особенно тяжелой была денежная подать, так называемый хрисаргир (χρυσάργιον), выплачиваемый серебром и золотом, откуда ему и было присвоено самое название. Впервые этой податью обложил городское население Константин в 314 г. с тем, чтобы она выплачивалась каждый пятый — юбилейный год. Она поступала для удовлетворения денежных нужд государства, из которых первой была оплата войска. Хрисаргир фактически взимался при вступлении каждого нового императора, а затем его повторяли, не ожидая ни пятого, ни даже четвертого года. Такие неожиданные и неравномерные требования особенно тяжело ложились на плательщиков.⁴ Обложено этой податью было городское население, причем крупные владельцы к ней не привлекались, так как они платили взносы с земли. Но с тем большей жестокостью взимался хрисаргир со всех остальных и особенно касался беднейших классов.⁴ Им облагались буквально всякое ремесло, всякое поделье. Облагались собственно торговый капитал, мастерские, лавки. Но с этой точки зрения облагались и вьючные животные, лошади, мулы,

¹ Иешу Стилит, § 39 — syr. Wright, p. 35.

² Monnier. Étude du droit Byzantin. Revue Historique, 1892.

³ Zachariä v. Lingental. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 3-te Aufl., 1892, p. 228, Anmerkung № 740. — Необходимо отметить, что оба издателя текста хроники Иешу Стилита — Мартен и Райт — дали неверный перевод этого слова, приняв сирийскую транскрипцию греческого слова ἐπιβολή за цифру 2 (bet) и транскрипцию слова φόλλις, вследствие чего перевод этого места был неправильным. Впервые обратил на это внимание и исправил ошибку Захау в письме к Цахариэ, на которое этот последний ссылается.

⁴ Seeck. Geschichte des Untergangs der Antiken Welt, B. II, p. 281. — Paulys-Wissowa. Collatio lustralis, IV, pp. 370—376.

так как они могли быть использованы для работы по перевозкам. Даже с осла и с собаки надо было выплачивать полккератиона (*demisiliqua*).¹ Дело доходило до того, что его вносили блудницы, предметом продажи которых было их собственное тело, и нищие. Зосима подробно рассказывает о том, чем был хрисаргир для городского населения, тем более что взыскивался он с большой жестокостью, так что родителям приходилось продавать детей, делать дочерей проститутками, лишь бы выплатить деньги.² Для учета составлялись специальные списки (*negotiatorum matricula*), в которые вносились все выплачивающие этот налог. В кодексе Феодосия³ хрисаргир упоминается неоднократно, но изъятий из него делается очень мало; во всяком случае, с конца IV в. (Валентиниан) те крестьяне и колонны, которые торговали в городе своими собственными продуктами, были от него избавлены. Не платили его врачи и учителя. «Врачи и всяких наук учителя, находящиеся в городах и в области (κῆρος), освобождены от всякой подати: именно — они не платят ни подушную подать (κλιμα), ни хрисаргир и не могут быть принуждаемы становиться опекунами сирот и попечителями, так как врачи врачуют тела, а ученые души».⁴ Сирийскому законописцу известна, следовательно, эта подать. Закон с незначительными вариантами повторяется во многих списках законодателя; в более поздних из них переписчиками опущен термин хрисаргир, потому что с его отменой смысл слова был утерян.

Ненавистный хрисаргир был уничтожен Анастасием. Из византийских летописцев об этом кратко упоминает Иоанн Малала, а Евагрий, уделивший этому сообщению много места, сообщает, что при этом были сожжены списки, которые имелись у чиновников фиска для взимания налога.⁵

Только с помощью сирийских источников может быть установлена точная дата указа. Эдесская хроника говорит: «В год 809 (498) в месяце Икяр [май] отменен был хрисаргир по всей земле».⁶ Галиер полагает, что источником Эдесской хроники был Иешу Стилит.⁷

О том, насколько обременительна была подать, лучше всего говорит сообщение этой хроники: «В тот же год (809—497/8 г. н. э., — Н. П.) вышло повеление Анастасия отменить [подать] золотом, которую давали ремесленники раз в четыре года, и они были освобождены от подати. И не только

¹ Joannes Malalas. Chronographia. Ed. Dindorfius, 1831, p. 394.

² Zosimi Historia nova, l. II, cap. 38. Ed. Mendelssohn, Lipsiae, 1887, p. 96.

³ Codex Theodosianus, l. XIII, tit. I, §§ 6, 8, 12, 13.— Codices Gregorianus, Hermogenianus, Theodosianus. Ed. Haenel, Bonnae, 1837, cc. 1313, 1315, 1316—1317.

⁴ Syrisches Rechtsbuch, ed. Bruns und Sachau, L_I, § 116, p. 32.— Syrische Rechtsbücher, B. I, R_I, § 67, 1907, p. 36.

⁵ Joannes Malalas. Chronographia, l. 16, p. 398: ἐκούφισε τὴν λειτουργίαν τοῦ λεγομένου χρυσάργυρον.— Evagrius. Historia ecclesiastica, l. III, cap. 39. Ed. Bidez et Parmentier, London, 1898: τοὺς τὴν εἰσπρακτὴν δηλοῦντας χάρτας περὶ παραδέδοκε.

⁶ Chronicon Edessenum, p. 8.

⁷ Hallier. Untersuchungen über die Quellen der Edessenischen Chronik. Leipzig, 1892, pp. 28, 33.

в Эдессу пришел этот приказ, но и во все города, подвластные ромеям. Давали же эдесситы раз в четыре года 140 литр золота».¹

Если считать литру равной 273 г, то выплачиваемые Эдессой раз в четыре года 140 литр, которые составляют 38.3 кг золота, — сумма, конечно, немалая.

Иешу Стилиит сообщает о том, как приветствовали ремесленники уничтожение палого и как торжественно его отпраздновали: «И радовался весь город. В белое оделись все от мала до велика. Неся горящие восковые свечи, дымящиеся курительницы, они вышли с псалмами и песнопениями»; побыв у храма мар Саргиса и мар Шемона за городом, они «вернулись в город и на всю неделю устроили праздник радости и веселья и постановили, что будут праздновать этот праздник из года в год. Возлежали и веселились все ремесленники (ишапе), омывались и пировали во дворе храма и во всех портиках города».²

Повествование хроникера переливается красками живой действительности, хотя это не язык Фукидида, которым Евагрий желал, чтобы было описано все касающееся хрисаргира и его уничтожения.

Помимо выплаты податей и налогов на городском и сельском населении лежал ряд повинностей, требовавших непосредственного применения труда. К числу таких относились, например, обязанности по обслуживанию городского гарнизона. Так, население Эдессы было обязано подвозить воду «ромеям». Обычно под ромеями следует понимать византийцев вообще, часто это наименование дается войску, солдатам. В 499/500 г. Петр Эдесский просил Анастасия снять подать с области, но так как деньги были, тем временем уже получены в столице, то Анастасий ограничился тем, что с деревенских снял надбавку (ἐπιβολαί), о чем речь была выше, и «освободил городских от заготовки воды ромеям».³

Дело идет об обременительной доставке воды для войска, которая требовала как рабочих рук, так и применения вьючных животных.

Во время персидского похода изготовление хлеба в Эдессе стало повинностью всего населения. Для войны с Ираном Византия выставила на своей восточной границе большие войска. Дисциплина в этом преимущественно состоявшем из варваров войске отсутствовала, они грабили и обирали мирное население. «Готы», как называют сирийцы эти полки, были грозой в городе и деревне. Прокопий повторяет мнение населения о византийских солдатах, говоря: «издавна у них закон — бояться персов и грабить крестьян».⁴ Армии надо было кормить, и выечку хлеба пришлось сделать повинностью. Население выпекало солдатский хлеб (βουκέλλατον) из выдаваемой им государством пшеницы за свой счет.

В мае 503 г. Апион епарх прибыл в Эдессу, чтобы заботиться о пропитании войска, которое было с ним. Так как не было достаточно хлеба, выпе-

¹ Иешу Стилиит, § 31 — syr. Wright, p. 26. — Stein. Die Aufhebung der auriustralis collatio und das ἀερίχρον. Hermes, t. 52, 1917, pp. 578—583.

² Иешу Стилиит, § 31 — syr. Wright, p. 26.

³ Иешу Стилиит, § 39 — syr. Wright, p. 35.

⁴ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 9, p. 41.

жаемого хлебопеками, он приказал выдать пшеницу на каждый двор, находящийся в Эдессе, и жители выпекали солдатский хлеб за свой счет.¹ В первый раз жители Эдессы выпекли хлеб из 650 000 модиев пшеницы. В месяце Ияр (май) 504 г. Каллиопа Алеппский стал епархом, он «поселился в Эдессе» и дал пшеницу горожанам, чтобы они выпекали солдатский хлеб. В этот раз они выпекли из 850 000 модиев пшеницы. Аппион же был отправлен в Александрию, где он изготовлял солдатский хлеб и посылал его.² В другом месте Иешу (стилит говорит, что по приказу Каллиопы было изготовлено хлеба в Эдессе из 630 000 модиев, «кроме того, что выпекали деревенские по всей области и булочники пришлые (~~ܐܟܨܢܐܝܐ~~ — aksenaie) и местные».³

Выпечка солдатского хлеба явилась, таким образом, своеобразной подворной повинностью как для городского, так и сельского населения. Это было принудительной обязанностью, связанной с затратой времени и тяжелым трудом, так как зерно перемалывалось тут же на ручных мельницах, а печение требовало больших забот; в таких огромных количествах оно, конечно, было чрезвычайно обременительным. Использование труда населения было вызвано отсутствием соответствующего государственного аппарата при армии.

Но наиболее тягостной из всякого рода повинностей был постой солдат. Когда в октябре 502 г. Кавад персидский осадил со своим войском г. Амид и этим возобновил войну с Византией, Анастасий выслал для охраны персидской границы в Месопотамию войска. Постой солдат всей тяжестью лег на городское ремесленное население, а в деревнях — на крестьян и колонов. Городская верхушка, распоряжавшаяся расквартированием, сняла с себя эту тяготу, переложив ее полностью на народные низы.

Византийское войско представляло собою деклассированную группу наемников. К тому, что сообщает сирийская хроника, в полной мере относится характеристика, данная Ф. Энгельсом: «Материальной опорой правительства было войско, гораздо более похожее уже на армию ландскнехтов, чем староримское крестьянское войско». .⁴ Такой армией ландскнехтов были и византийские войска, посланные в Месопотамию для войны с персами. Они состояли в подавляющем количестве из варваров; сирийцы их называют «готами».⁵ Они были недисциплинированы, грубы и с помощью оружия добивались всего, чего хотели. Прокопий Кесарийский в уста «одного из деревенских», который приносил в Амид на продажу дичь, хлеб, плоды, вкладывает следующие слова: «Я нес тебе, господин, всякое добро из деревни, повстречались мне ромейские солдаты, которые, бродя по этим селениям небольшими шайками, грабят несчастных крестьян. Избили

¹ Иешу Стиллит, § 54 — syr. Wright, p. 52.

² Иешу Стиллит, § 70 — syr. Wright, p. 67.

³ Иешу Стиллит, § 77 — syr. Wright, p. 73.

⁴ Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, 1935, стр. 606.

⁵ Иешу Стиллит, § 93.

меня разбойники без сожаления и все отняли, что у меня было. Ибо издавна у них закон — бояться персов и грабить крестьян».¹

Так сообщает о поведении византийских солдат в Месопотамии грек Прокопий. Сириец говорит не только о случайном мародерстве, грабежах, но и о длительном постое солдат. Ответственную за расквартирование войск местную знать хроника называет *ḡiṣāpa*, ḡiṣāpa, ἄρχων, praefectus, princeps. Это верхушка, которую составляли крупные землевладельцы и торговцы. Когда дело дошло до апелляции по вопросу о постое, то с ней обратились к префекту (ὑπάρχος). Распределявшие солдат, «которые были поставлены упорядочить и распределить их, тянули руки к взяткам, и так как они получали их от всех, то никто не был от них избавлен, но даже к тем, к которым направляли [солдат] сначала, они через несколько дней посылали еще других».² У клириков, которые были освобождены особой государственной грамотой (σάχρα) от несения постоя, также были расквартированы солдаты. Так как этим делом ведала верхушка, то она, конечно, нашла возможным пощадить свои собственные дома, дома «знатных и богатых». По словам летописца, «те, что пришли под именем спасителей (т. е. византийцы, — Н. П.), чтобы помочь нам, когда приходили и уходили, грабили нас почти так же, как враги».³ Этот горький упрек по адресу Византии вполне оправдывается последующим описанием поведения «готов». «Многих бедных они сгоняли с кроватей и сами спали на них, а хозяева ложились на земле даже в холодные дни. Одних они прогоняли и заставляли уйти из своих домов, входили и располагались в них сами. Скотину других они насильно уводили как добычу. Они с тела снимали у них одежду и уносили ее. Иных они жестоко били из-за любого дела, с другими они ссорились на улицах и ругались по мелким причинам. Немного съедобное у всякого и запасы, которые имелись у некоторых в деревнях и городах, они открыто грабили. На многих они нападали на распутье. Они селились с ремесленниками в их лавках, потому что им не было достаточно домов и гостиниц города. На глазах у всех на улицах и в домах они насиловали женщин. От старых женщин, вдов, бедных отбирали масло, дрова, соль и другие предметы для своего употребления и отрывали их от своего дела для того, чтобы прислуживать им. И вообще всех они притесняли, больших и малых (подразумевается имущественное различие богатых и бедных, — Н. П.), и не оставалось никого, кого бы не коснулась их злоба. . . Но что я буду об этом много повествовать, когда даже и тем, кто больше меня, это не оказалось возможным».⁴

Текст не требует особого комментария, вполне понятно с каким ожесточением должно было население относиться к войску. В свете сообщений сирийской хроники можно по-новому оценить текст Малалы относительно увеличения денежных поступлений с податной земельной единицы (χρυσότη

¹ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 9, p. 41.

² Иешу Стиллит, § 86 — syr. Wright, p. 81.

³ Иешу Стиллит, § 86 — syr. Wright, p. 80.

⁴ Иешу Стиллит, § 86 — syr. Wright, p. 80.

λεια τῶν ἰουδαίων). Малала мотивирует это тем, что Анастасий не желал, чтобы продукты хватались и съедались войском.¹ Увеличение денежных поступлений устраивало казну, а кормиться войску предоставляли совершенно цинично за счет населения, которое они обирали. Этим путем государство оберегало свои фискальные интересы, а войско получало продукты питания насильственным путем.² В особенно напряженные минуты правительство стремилось вознаградить население за потери. В 502/3 г. стратилат Ареобинд, в то время как Кавад угрожал Эдессе, деревенским (ܟܬܝܢܐ), которые были в городе, сделал подарок в 300 динариев.³ Но такие подарки не могли даже временно успокоить население, неудовольствия которого власть начала опасаться. В 505/6 г. массы были доведены до отчаяния. В этом году полководец Роман, носивший звание дукса (dux), расположился со своими войсками в Эдессе и, желая задобрить население, роздал «милостыню бедным». Анастасий, принимая во внимание катастрофическое положение области, освободил от уплаты денежной подати (συντέλεια) всю Месопотамию, и «радовались все деревенские господа и прославляли императора».⁴ Эта мера касалась одного только класса землевладельцев, которым она принесла облегчение, и радовались ей только «деревенские господа». Следствием этого было бурное негодование «простых из народа». «Простой же народ роптал, кричал и говорил: „Несправедливо, что у нас расположились готы, а не у деревенских господ, которым помогли этой отменой [подати]“». Возмущение масс было настолько сильно, что епарх приказал выполнить их требование. Когда начали это приводить в исполнение, собрались все богатые (ܟܬܝܢܐ, зпатные), «первенствующие» города к Роману дуксу и стали просить его: «„Пусть прикажет твоя высота, что должен получать каждый из готов в месяц, чтобы они, войдя в дома богатых людей, не ограбили их так, как они ограбили простых“». Он исполнил их просьбу и приказал им [воинам], чтобы они получали эсподу масла в месяц, 200 литр дров, кровать и матрац на двоих».⁵

Возмущение было поднято «простыми из народа» (ܟܬܝܢܐ ܠܡ ܟܬܝܢܐ) — говорит летопись, но никак не дифференцирует этого указания. Судя по тому, что подать была снята с деревенских господ, следует предположить, что это был протест сельского населения, на котором осталась тяжесть натуральной повинности, постоя солдат и их грабежи.⁶ Участниками этого протеста были и ремесленники, городские «бедные», «малые», у которых воины располагались прямо в мастерских. Положение было настолько угрожающим, что правительство капитулировало — войско стали переводить на постой к «богатым». Оставаться в этом положении владельцы не захотели. Не имея возможности добиться изменения приказа епарха Кал-

¹ Ioannes Malalas. Chronographia, p. 394.

² Стремление регулировать получения войск сказалось в законодательстве Анастасия. Codex Justinianus, XII, 37, 19, 1, p. 474.

³ Иешу Стилит, § 63 — syr. Wright, p. 63.

⁴ Иешу Стилит, § 92 — syr. Wright, p. 84.

⁵ Иешу Стилит, § 93 — syr. Wright, p. 85.

⁶ Иешу Стилит, § 95 — syr. Wright, p. 86.

лиопы,¹ они обратились к Роману с тем, чтобы он ограничил претензии своих солдат, на что дукс согласился. Для классового характера государства типично, что когда дело коснулось владельцев, «богатых», сократить аппетиты войска нашли возможным; в домах «бедных» им предоставляли бесчинствовать. Но интересно, что в этой попытке правительство проявило жалкое бессилие. Привыкшие к грабегам готы не спустили своему полководцу распоряжения, ограничивавшего их претензии: они ворвались в дом, где он жил, намереваясь его убить. Роман спасся, убежав по крышам в другой дом. С тех пор никто не смел им ничего сказать, они жили где и как хотели.² Положение коренного населения стало еще более тяжелым, так как в апреле (Нисан) 506 г. высший византийский военачальник *magister militum* собрал в Эдессе все войска, подготавливая наступление на Иран. Солдаты квартировали не только в городе, но во всех окрестных селениях и монастырях. В городе они бесчинствовали, пьянствовали, дрались, убивали друг друга, продолжали мучить, оскорблять, издеваться и увечить население.³ Но терпение истощилось, и благонамеренный летописец с большим смущением сообщает о том, что горожане сделали нечто «недолжное». Зло было так велико, положение до того тягостно, что те «дерзкие», которые были среди эдесситов, осмелились на нечто неподобающее, так как «ропот против магистра они записали в хартиях» и тайком вывесили в общественных местах города.⁴

В городе, следовательно, существовала целая группа лиц, которых летописец бранит дерзкими смельчаками, так как они решились все неудовольствия против военачальника высказать в письменном виде. Они вывесили затем эти хартии, пергаментные свитки, на «известных» местах, т. е. на самых бойких, публичных, на которых обычно толпился народ. Это были своего рода прокламации.

Содержание хартий неизвестно, но много данных за то, что они выражали явное неудовольствие и озлобление населения, так как магистр Келер не только «не рассердился и, хотя и мог, не разыскивал того, кто это сделал, и городу не подумал сделать ничего злого», но, более того, «приложил большое старание, чтобы скорее и короче покинуть Эдессу».⁵

Иешу Стилит уверяет, что Келер не сделал ничего по своей «мягкости», но нет сомнения, что он был напуган напряженным, готовым к восстанию настроением города.

Писание и вывешивание грамот можно рассматривать как действия тех же «простых из народа», под давлением которых епарх стал расквартировывать войска и у «богатых». Протест мог исходить от ремесленников, которых поддерживало сельское население, также затронутое постоем. Во всяком случае, следствием всего этого был уход Келером войск из Эдессы. Насколько хорошо он запомнил данный ему урок и как опасался возму-

¹ Иешу Стилит, § 77 — *syg. Wright*, p. 73.

² Иешу Стилит, § 94 — *syg. Wright*, p. 86.

³ Иешу Стилит, § 96 — *syg. Wright*, p. 87.

⁴ Иешу Стилит, § 96 — *syg. Wright*, p. 88.

⁵ Иешу Стилит, § 96 — *syg. Wright*, p. 88.

щения, говорит то, что, проходя с армией в конце 506 г. (ноябрь или декабрь) мимо Эдессы, он не решился войти в нее, боясь «ропота». Уговоры епископа убедили его смягчить свое настроение. Неудовольствие Келера, его обида, очевидно, требовали переговоров, которые и повел епископ, так как можно было опасаться последствий гнева занимавшего такой большой пост военачальника. Тем не менее, в Эдессе он остался только три дня, а войско его прошло дальше, вовсе не заходя в город.

Очевидно, магистром Келером и епархом Каллиопой было сделано соответствующее донесение в Константинополь, так как Анастасий прислал им письмо, которое было «полно заботы и милости ко всей земле Месопотамской». Оно разрешало им снять подать с Месопотамии по своему усмотрению. Магистр и епарх решили снять с амидян всю подать, а с элесситов половину, о чем сообщили им письменно. Это было тоже попыткой несколько успокоить возбужденный город и прилегавшую область.

«Забота и милость» Анастасия в отношении Месопотамии была в первую очередь вызвана стремлением восстановить платежеспособность области, разоренной войной, недородом и болезнями.

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДА И ОБЛАСТИ

Управление города и области было в руках эгемона (греческий термин так и помещен в сирийской транскрипции, в тексте хроники). Иногда его заменяет термин *daiana* (judex, судья) как его сирийский эквивалент. В руках эгемона были сосредоточены самые разнообразные функции: фискальные — собирание податей, посылка их в столицу; административные — непосредственное управление областью и городом; полицейские, судебные, надзор за городским благоустройством. Сбор подати происходил с пристрастием, эгемон собирал ее не непосредственно с земледельческого населения области — приписных, колонов, арендаторов, а через «деревенских господ», о которых речь уже была. Средние и мелкие собственники, старосты крестьянских общин, отвечавшие за подать, привлекались им к ответственности за недодачу денежных поступлений. Сирийская хроника входит в подробности того, как эгемон или его заместитель проводили эти сборы податей. Под 499/500 г. Иешу Стилиит сообщает, что судья — эгемон, в буквальном смысле слова, вымучил у «деревенских господ» подать, так как он их «мучил большими мучениями и вымогал у них».¹ В этом случае речь идет о денежных поступлениях земельной подати, которая называлась *συντέλεια*, так как вслед за тем эгемон отправил в столицу деньги — «золото». Точно также все налоги городские распределялись и собирались через аппарат чиновников, находившихся в непосредственном ведении эгемона.

Он отвечал за своевременное внесение известной суммы денег, которая должна была быть представлена с подведомственной ему области. Уменьшить эту сумму или снять подать совершенно могла только центральная власть. Поэтому всякий раз, когда местные условия не позволяли или

¹ Иешу Стилиит, § 39 — сир. Wright, p. 35.

затрудняли внесение подати в полном размере, в Константинополь направлялось соответствующее ходатайство от собственников, землевладельцев. Обычно с ним ехал «заступник города» — епископ.¹ Подобное вмешательство клира в дела фиска не могло быть приятно правительству и подчас принималось враждебно. Смягчить повинности государство соглашалось лишь в исключительных случаях. Жестокий голод в Месопотамии не показался достаточным основанием для Анастасия, чтобы вернуть вымиравшей области деньги, которые вымучил судья. Такими приемами Анастасий сумел скопить большие денежные суммы (около 320 кентенариев) и по свидетельству современников был «богаче всех прочих императоров».

Судебные функции принадлежали эгемону во всей полноте. Что эта деятельность часто оставалась в пренебрежении — говорит то подчеркнутое удивление, с которым сообщается о деятельности эгемена Александра (495—497 гг.), представляющего редкое исключение среди византийской администрации. Еженедельно каждую пятницу он сидел в большом храме и «творил суд безвозмездно».² Он отказался от обычно присущего византийским чиновникам лицемерия и не отдавал предпочтения богатым и знатым. Потому, говорит летописец, «приободрились» притесненные, они «усилились» и могли противопоставить себя с его помощью притеснителям, а «ограбленные» — грабителям.³

Другой хронист сообщает об управителе Амида после того, как он был возвращен персами Византии: «В это время Филициссимус был духом (dux); муж могучий и мудрый, он не имел жадности и любви к деньгам, но был прямой друг крестьян и бедных».⁴ Такие исключения только подчеркивают характер суда и управления, при которых правда всегда была на стороне богатого и сильного. «Друг крестьян и бедных», очевидно, отказывался от взяток, которыми пользовались все судьи. Эгемон Александр также творит суд «безвозмездно», что делает его решения «справедливыми», так как они принимаются им «не взирая на лица». Волокита в делах была не меньшим злом, чем взяточничество, а Александр решал дела с давностью в пятьдесят лет, на которые истцы давно потеряли надежду. В Эдессе местом суда был один из больших храмов, который мог вместить большое количество народа и был удобен для такого общественного дела. Судил не один эгемон. У него должны были быть помощники, сотрудники из состава его officium'a. В сирийском тексте так и говорится, что представлялись жалобы и «они судили их». Напрасно Райт исправляет текст на единственное число; в живой речи автора переход от единственного числа к множественному происходит легко, и множественное подразумевает помощников, в сотрудничестве с которыми производил разбор дел эгемон. Какое большое значение имела эта сторона его деятельности сказалось в том, что сирийский эквивалент термина эгемон — судья (ܣܕܝܐ).

¹ Иешу Стилиит, § 39 — syr. Wright, p. 35.

² Иешу Стилиит, § 29 — syr. Wright, p. 24.

³ Иешу Стилиит, § 29 — syr. Wright, p. 24.

⁴ Zacharias Mytilenensis, t. II, p. 36.

Сгущенную атмосферу классовой борьбы, недоверия и страха предполагает другое мероприятие того же Александра в 496/7 г. Перед своим преторием он поместил ящик с дыркой и сделал сверху надпись, в которой предлагал всякому, кто желает что-нибудь ему сообщить и боится сделать это открыто, может написать и бросить в ящик «без страха».¹

Византийский чиновник пытался путем этих тайных сообщений и нелицеприятным ведением судебных процессов несколько ослабить неудовольствие народных низов. Введенная им мера припесла желательные результаты, он узнал «о многих делах», так как многие писали и бросали в его ящик различные жалобы и сообщения. Но даже эти слабые попытки правителя установить хотя бы видимость беспристрастия в государственных делах быстро увяли, так как уже в следующем 497/8 г. Александр был смещен.² Полицейское управление городом также находилось в ведении эгемона. Внешне эта связь выражалась в том, что он носил оружие. «Судья» отправлялся в Константинополь «при своем мече», который он носил на поясе (*cingulum*, ζώνη).³

Все работы ремесленников, участие в цехах контролировались эгемоном. Им устанавливалось право продажи хлеба на рынке, подобное же разрешение требовалось и для всех других видов торговли. Ему принадлежала и чисто внешняя регламентация жизни ремесленников. Он приказал убрать шалаши и будки, которые они настроили в неподходящих местах. Он требовал, чтобы с рассвета в воскресенье ремесленники вешали на своих мастерских и лавках крест, освещенный пятью лампадами (*φάροι*, *lucerna*) или фонарями. Невольно напрашивается аналогия с еврейским обычаем зажигать пять свечей в ночь с пятницы на субботу. В Амиде, Эдессе, Телле и других городах Месопотамии были большие еврейские кварталы с синагогами, и значение еврейского населения было очень велико.

Контроль над производством и над торговлей был необходим, так как соответственно взимался налог и учитывалась платежеспособность ремесленника. Фискальные обязанности чиновников эгемона давали особенно много поводов к злоупотреблениям, так как подати с особой жестокостью взимались с тех, кого эти чиновники не боялись.

Забота о благоустройстве города лежала на «судье», она ограничивалась только внешней заботой о чистоте города, но и последняя слабо поддерживалась, о чем свидетельствуют частые эпидемии. Эгемон заботился также о снабжении города, в частности печеным хлебом. Но с этой задачей администрация Византии справлялась плохо как в столице,⁴ так и в провинции. Ограбляемое правительством и крупными земельными собственниками население периодически подвергалось страшным голодовкам, как это подтверждается и повествованием сирийской хроники. В борьбе с этими голодовками правительство проявляло полную беспомощность.

¹ Иешу Стиллит, § 29 — *syr. Wright*, p. 24.

² Иешу Стиллит, § 32 — *syr. Wright*, p. 27.

³ Stöckle. Spätrömische und byzantinische Zünfte. Klio, 1911, Beiheft № 9, p. 77.

⁴ Thörhane. Chronographia, p. 230, 20. — Chronicon paschale, p. 608, 3.

МЕСТНАЯ ТОРГОВЛЯ ХЛЕБОМ И ЦЕНЫ

В столице за бесперебойное и доброкачественное снабжение ее продуктами и хлебом был ответствен епарх. Об этом говорят хронографы VI в., а для X в. они засвидетельствованы данными из *ἐπαρχικόν βιβλίον*.¹

Данные, извлеченные из сирийской хроники, дают представление о том, как протекала торговля хлебом, государственное его хранение, выпечка для населения и армии.

Анпоны, государственная подать, отчислявшаяся в форме натуральной продукции, подвозилась в ближайший город, к которому тяготела данная деревня. Здесь производился учет продукта и выдавалась квитанция в уплате подати. Для хранения государственных продуктов имелись амбары, зернохранилища. Как вокруг государственной казны (*ταμείον*) концентрировался весь учет податей вносимых деньгами, так в складах продуктов были сосредоточены поступления натуральной подати и ее выдачи для государственных нужд. Судя по данным, относящимся к Эдессе, зернохранилище было в ведении эгемона города. Ответственность эгемона в вопросах снабжения города печеным хлебом засвидетельствована сирийской летописью. В его ведении находилась как корпорация булочников, так и городские амбары. Сириец дает греческое слово *Ἀποθήκη* — *apotheton* в транскрипции — это кладовые, склады различных товаров, но преимущественно зерна.² Летописец употребляет его, сообщая о распоряжении Анастасия во всех городах устроить государственные склады и амбары. Псевдо-Захарий Митиленский, сообщая о постройке такого склада, на основании этого распоряжения, называет его *ὀφθαλμοειδὲς* (*horrea spectabilia*, *ampla*, видная прекрасная житница).³ Наша хроника знает еще один термин, комбинирующий греческое слово с сирийским, обозначающее зернохранилище (*ἡ σίτικα* — *sitika de abura*) от греческого *σιτικός*, хлебный, или как предполагает Райт *σιτών*, *σιτώνιον*, хлебный амбар.⁴ Название зерна обычно *ἡ ἀβυρά* — *abura*, так что в этом сопоставлении нет сомнения, что имелось в виду зернохранилище, где специально собирались хлебные семена. Распоряжение Анастасия устроить зернохранилища в городах Месопотамии имело целью увеличить обороноспособность пограничных крепостей. Осада Амида, во время которой жителям пришлось перенести много мучений от голода, была еще свежа в памяти.

Насколько большое значение имело наличие государственных запасов на местах в другом отношении, подтверждает та же хроника, сообщая, что устройство зернохранилищ должно было «уничтожить вражду и утвердить мир».⁵ Если государство имело запасы зерна, то большое количество хлеба оставалось и в руках частных владельцев.

¹ Stöckle. Spätrömische und byzantinische Zünfte, p. 15.

² См. Закон 392 г. Аркадия и Гонория. — Codex Justinianus XI, 25, 2, p. 435.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 6, p. 37. — Payne-Smith. Thesaurus syriacus, t. I, c. 1236.

⁴ Wright. The Chronicle of Joshua the Stylite, translation, p. 20.

⁵ Иешу Стилиит, § 81 — syr. Wright, p. 77.

Земля давалась ими в аренду крестьянам на условиях натуральных отчислений, подчас настолько суровых, что колон отдавал по принуждению не только излишний, но и часть необходимого для собственного пропитания продукта. Благодаря тому, что рента выплачивалась натурой, в руках землевладельца скоплялся хлеб, который он вывозил для продажи на рынок, часто за пределы своей области, и делал его предметом выгодной для себя сделки.

Законодательство стремилось регулировать цены на хлеб, держать их на определенном уровне, но повторение этих законов говорит о том, как мало влияния они имели. Не потому ли устройство зернохранилищ должно было уничтожить вражду, что ремесленники и недостаточные крестьяне вели борьбу с богачами, торговавшими хлебом. «Простые из народа» были тем слоем населения, который враждовал с владельцами. Летописи не дифференцируют этого слоя «слабых», «бедных», «простых», среди которых есть работающие как в городе, так и в деревне, в условиях полурабского труда. В борьбе за существование, в экономическом гнете цена на хлеб играла не последнюю роль. Спекуляция хлебом, вздувание цен засвидетельствовано как летописным, так и законодательным материалом. Псевдо-Захарий Митиленский рассказывает, что епископ г. Амида «предупреждал богатых города, говоря, что в дни голода, набегов арабов и чумы, они не должны увозить зерно, так как есть нужда, но они должны продавать и отдавать нуждающимся, увозя же его они делают запасы для врага (дьявола) по слову писания».¹ Иешу Стилит сообщает, что во время голода были имущие люди, которые ни в чем не нуждались.² В Иране положение аналогичное: хлеб был сосредоточен в руках богачей, которые жадно и ревниво охраняли свое материальное благосостояние.³

Во времена Диоклетиана на собственниках, кроме основной государственной подати с земли, лежала добавочная повинность по доставке и продаже хлеба по установленной цене (*indictio*), как это было доказано еще Зееком.⁴ Термин *συμωνή*, соответствующий в греческом латинскому *indictio*, сохранился до XI в. Он упоминается в сборнике πεῖρα XVIII, § 2; Васильевский перевел его как «взыскания, называемые хлебною продажею».⁵ Для тех же веков на эту обязательную продажу указал Дельгер.⁶ Сообщая об отрицательной характеристике *συμωνή*, данной автором «Тайной Истории», Панченко попутно коснулся и законодательства о ней Анастасия.⁷

¹ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 3, t. II, p. 24.

² Иешу Стилит, § 44 — syr. Wright, p. 40.

³ Spiegel. Eranische Altertumskunde, t. III, 1878, p. 390. — Tabari. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden, Ed. Nöldeke, Leyden, 1879, pp. 141, 455—467. — Christensen. Le règne du roi Kawadh I et le communisme Masdakite. Kobenhavn, 1925.

⁴ Seeck. Schatzordnung Diokletians. Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsge-schichte, 1896, B. 4, pp. 329—334.

⁵ Васильевский. Материалы для истории византийского государства. Журн. Мин. нар. просв., ч. 202, апрель, 1879.

⁶ Dölger. Finanzverwaltung, p. 58.

⁷ Панченко Б. О тайной истории Прокопия. СПб., 1898, стр. 128, 129.

Анноны, поступавшие натурой, прежде всего обслуживали войско и распределялись в столице — этого хлеба едва хватало на самые неотложные нужды.

В пограничных областях для армии хлеба нехватало, особенно в моменты войны, и государство было вынуждено прибегать к дополнительной повинности по продаже хлеба. Необходимость дать на рынок известное количество дешевого хлеба вызывалось также тем, что его вздорожание ставило государство перед угрозой голодных восстаний. Это справедливо не только для столицы, но и для провинций.¹

Законодательство Анастасия должно быть рассмотрено в порядке подтверждения уже существовавшей обязательной продажи хлеба по государственной цене. Из трех законов, касающихся этого вопроса, два изданы на греческом языке,² что указывает на то, что они предназначались для южных и восточных провинций, где он был официальным языком.

В законе проводится различие между торговлей по собственному почину и торговлей по императорскому приказу (*κατὰ θεῖαν κέλευσιν*).

На то, что этот последний вид торговли связывался с выплатой государственной подати и представлял собой обязательство в порядке дополнительного налога (*ἐπιταγὴ συνωνῆς*), указывает та прямая связь, в которую ставил законодатель этот вид торговли с количеством тягл, за которые отвечал владелец. Торговля хлебом должна была им производиться в количествах, соответствующих (*πρὸς τὴν ἀναλογίαν*), пропорциональных тому количеству тягловых единиц (*ζευγῶν*) или тягл с учетом рабочей силы (*ζυγοκεφαλῶν*), которые входили в состав поместья данного владельца.³ Из этого обязательства не исключался никто (*μηδενὸς αὐτῆς ἐξαιρουμένου*).

Таким путем владелец поставлял на продажу определенное количество зерна по сходным, господствующим в данном городе ценам. Продажа преследовала двойную цель — дать дешевый хлеб городу и обеспечить выплату той части подати, которая вносилась в деньгах. Соблюдая интересы фиска, закон указывал, что деньги, вырученные владельцем за хлеб в первую очередь должны покрыть его долг в казну (*δημόσια*).

Государственная подать, выплачиваемая деньгами (*συντέλεια*), должна быть внесена продающим хлеб за себя и за «своих домашних». Под домашними законодатель разумеет всех живущих «под рукой» данного землевладельца, тех, за подать которых он отвечал перед центральной властью. При продаже хлеба (*συνωνή*) должна быть удержана (*παρακατέχεται*) сумма, которая покрыла бы обязательства казне по внесению денежной подати или, как говорит закон, подати «золотом». Это требование касалось тех, которые вели торговлю в обязательном порядке по государственному распоряжению. Очевидно, что *συνωνή* ни в какой мере не могла покрыть аннон, натуральной подати, но вырученные деньги должны были покрыть

¹ Рудаков. Очерки византийской культуры, стр. 117.

² Codex Justinianus, X, 27, 2, 3, pp. 404, 408.

³ Καὶ ὅτε δε κατὰ θεῖαν κέλευσιν γένηται ἐπιταγὴ συνωνῆς ἕκαστος τῶν κτητόρων πρὸς τὴν ἀναλογίαν τῶν ζευγῶν ἢ τοι ζυγοκεφαλῶν ὑποκείμενῳ τῇ συνωνῇ, μηδενὸς αὐτῆς ἐξαιρουμένου. — Codex Justinianus, X, 27, 2, p. 407, c. 2.

долг казне в золоте (συντέλεια). Впрочем, если торгующий ничего не должен казне или должен только часть, то никто не смеет брать у него деньги или схватывать и отбирать его товар. Этот последний пункт лишний раз указывает на способы, к которым прибегали для того, чтобы выжать подать.

Требование уплаты подати из денег, вырученных за продажу, закон мотивирует тем, что несправедливо требовать сначала продукты (εἶδη), а потом еще и деньги (τιμήματα). Вопрос заключался в том, чтобы упрочить поступление подати, собрать ее с плательщика, поэтому необходимо было использовать момент, когда он выручает деньги за продажу и тотчас требовать их с него. Только после того, как государственные долги продающего хлеб были ликвидированы и фиск не имел на него претензий, он получал возможность продавать хлеб в свою пользу. Принуждать к продаже продуктов в таком количестве, чтобы это было в ущерб «домашним», зависящим от владельца людям, закон запрещал; торговать следовало только излишним продуктом.¹ Обязывая владельцев торговать, закон предписывал производить эту продажу по твердой цене, которая господствовала в данном городе.²

Торговля производилась в пределах города, которому потребен был хлеб, под непосредственным наблюдением правителей города (τοῖς ἀρχουσι) и по ценам, господствовавшим (κρατοῦντα), общепринятым в данное время, в данном месте. Преследуя в первую очередь интересы фискальные, закон стремился удержать цены на среднем уровне, который бы соответствовал принятой в данной области или городе цене, он называет ее «справедливой ценой».³ Συνωνή заключала в себе это требование торговать по установленным государственным ценам, но была тенденция и торговлю по своему почину и инициативе держать в рамках. Рыночная цена, по которой шла торговля на площадях (ἐπ' ἀγορᾶς), базарах, могла быть предписана тарифом, который тут же вывешивался. Она не была постоянной, менялась от времени года и ряда других условий. В основном цены зависели от владельцев, торговавших хлебом, среди которых были крупные держатели зерна и продуктов. Они диктовали цены и подчиняли своим требованиям рынок. Особенно вздувались цены в острые моменты недорода и голода. Об этом с цифрами в руках сообщает Иешу Стилит. Агиологический памятник IV в. сохранил свидетельство о том, как трудно было доставать «государственный» более дешевый хлеб. Используя бывший в это время голод в Египте, купцы продавали свой хлеб по непомерной цене.⁴

Таким образом, законодательство Анастасия продолжает принудительную повинность, которая была известна во времена Диоклетиана. Есть основания считать, что συνωνή не была постоянным взысканием, а предписывалась, смотря по надобности, особым императорским распоряжением (κατὰ θεῖαν κέλευσιν) и в этом случае от нее никто уже не мог уклоняться. Закон возлагает ее на собственников (κτητόροι), на землевладельцев, среди которых были крупные и средние держатели зерна, в размере количества

¹ τὰ ἐκπεριτεύοντα εἶδη. — Codex Justinianus, X, 27, I, p. 407.

² τοῖς δίκαισις τιμήμασι τοῖς ἐν ἐκείνῃ τῇ πόλει κρατοῦσιν. — Ibidem.

³ Ibidem, X, 27, 2.

⁴ Р у д а к о в. Очерки византийской культуры, стр. 173.

тягл, входивших в состав их имений. Фактически *συωνή* должна была перекладываться на производителей в форме добавочных взносов,¹ а для IX в. известно, что к ней имели прямое отношение парики (присельники) монастырских и епископских имений.

Вследствие недостаточности такой торговли и недостатка хлеба у государства для удовлетворения потребности городов, владельцы и скупщики имели возможность широко вести торговлю по собственному почину по высоким ценам, недоступным для малоимущего городского населения. Источники постоянно сообщают о спекуляции, о вздувании цен торговцами, которые держали рынок в своих руках.

Один из пунктов того же закона Анастасия, относящийся ко времени между 491—505 гг., запрещает без специального императорского указа вынуждать живущих в городе и имеющих в нем собственность перевозить продукты (*ἐῖδη*) в другой город или область.² Закон имеет в виду землевладельцев, так как только они и торговцы имели в городе собственность, т. е. амбары или кладовые, и сами проживали в городах.

Такая доставка продуктов была очень тяжелой повинностью, судя по тому, как о ней рассказывает Иешу Стилит. Под 504/5 г. он сообщает: «Как мучились эдесситы, которые возили зерно в Амид, никто не знает, кроме тех, кто были поставлены на это дело, так как многие сами умерли в дороге и их скот».³

В данном случае принудительная доставка зерна вызывалась тем, что опустошенный персами Амид был возвращен Византии и было необходимо снабдить его продуктами. Эту обязанность возложили на жителей Эдессы, и выполнять ее было очень тяжело.

На ряду с обязательной торговлей, организованной властями, необходимо отметить то значительное место, которое занимали в азиатских городах и, конечно, во всей Византии, крестьянский базар и мелкая торговля на рынках и площадях. Крестьяне (*فلاحة* — *palahe*) привозили в город и его предместья пшеницу, ячмень, горох, чечевицу, овощи, плоды, вино, масло, яйца, деревенские охотники поставляли дичь и битую птицу. Этот вид мелкой, штучной торговли имел немалое значение в обмене товара между городом и деревней. Во время осады Амида эта торговля поддерживала жизнь осажденных. Персы, в руках которых находился город, давали жителям возможность выходить под конвоем на базар (*السوق*), собиравшийся по ту сторону стены, куда сходились крестьяне из деревень. «Они привозили вино, пшеницу и прочие продукты и продавали их персам и горожанам, сопровождаемым конными, которые в некотором числе принимали и вводили их. И никто по прекрасному обычаю персов не смел взять чего-нибудь от деревенских, которые продавали как хотели, и принимали деньги и вещи из города, и на базар собирались они охотно».⁴

¹ Dölger. Finanzverwaltung, p. 58.

² Codex Justinianus, X, 27, 1, p. 407.

³ Иешу Стилит, § 82 — syr. Wright, p. 77.

⁴ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, pp. 32—33.

Торговлю вели в IV в. и позднее не только свободные крестьяне, но и колонны, так как законы нашли возможным освободить их от уплаты хрисагрира с этой продажи.¹

Самая продажа велась малыми мерами, штучно, на мелкую разменную монету, при Анастасии, главным образом — бронзовую. Она была постоянным притоком продуктов для несостоятельного населения города — ремесленников, рабочих, которые только и могли приобретать в малых количествах.

Законодательство Анастасия указывает на людей, которым было вменено в обязанность закупать и привозить хлеб с тем, чтобы продавать его в городе и области. «Если в каком-нибудь городе, — гласит закон, — имеется нужда в поставщике хлеба,² то по соображению и рассуждению епископа в том городе и первенствующих из собственников должно быть его избрание».³ Требовался человек, в течение многих лет занимавшийся этим делом и имевший в нем опыт. Роль поставщика немалая, так как ~~его~~ выдвижение, избрание (*προβολή*) происходило при участии собственников, которых скупка и торговля хлебом касалась непосредственно. Дело имело характер обязательства, на него надо было получить разрешение, быть в нем утвержденным местным епископом и первенствующими из собственников, причастных к управлению курией. Роль клира, в частности епископа, в местном управлении отмечалась уже выше.

Закон подчеркивал, что поставщики не должны нести ущерба в своей продаже, так как их труд и без того тяжел. Урон (*ζημία*), при хлопотах и затруднениях, связанных с этим делом, был бы «несправедливостью». Тенденция власти защитить интересы торговых людей и владельцев сказалась и здесь в заботе о том, чтобы они не терпели урона в заготовках и не торговали в убыток, так как «доставлять они должны по цене, что на площади, а не по какой-нибудь большей».⁴ Необходимо было сохранить средний уровень цен на продукты, не дать поставщику повышать стоимость хлеба против той, которая была обычна. Законы Анастасия неоднократно возвращаются к этому вопросу, что говорит о том, как часто нарушалось это предписание, как трудно было его проводить. Причина понятна, так как рынок был в руках владельцев и цены диктовались ими.

Таким образом торговля хлебом и продуктами в конце V и начале VI в. велась, с одной стороны, в порядке обязательном, по государственным ценам, как дополнительная повинность (*συνωνή*),⁵ которая возлагалась в связи и соответственно поземельной подати; с другой стороны, земле-владельцы и скупщики зерна торговали хлебом по собственной инициативе. Мелкую торговлю поддерживали крестьяне и колонны на городских базарах

¹ Codex Theodosianus, XIII, I, 68, 12, 13. — Codex Justinianus, XI, 48, 1.

² Σιτώνης. — S o p h o c l e s. Greek lexicon of the Roman and Byzantine Periods. New-York, Leipzig, 1890, p. 991. — Σιτονία — Заготовление общественного хлеба. — Thesaurus graecae linguae. Stephani, t. VII, c. 301.

³ Codex Justinianus, X, 27, 3, p. 408.

⁴ χορηγεῖτωσαν δὲ τὸν σίτον κατὰ τὰ ἐπ' ἀγορᾶς ὄντα καὶ μὲν παραιτέρω. — Codex Justinianus, X, 27, 3, p. 408.

и площадях. Из среды крупных землевладельцев в согласии с епископами выдвигались поставщики хлеба для снабжения города.

В тесной связи с торговлей находится вопрос о ценах. Хроника Иешу Стилита дает ряд данных, анализ которых не лишен интереса.

Полное игнорирование интересов эксплуатируемых классов правительством выступает особенно ярко в бедственные годы голода и чумы в Месопотамии. Голод, вызванный правительственными поборами, налетом саранчи, повторными засухами и неурожаями, охватил в 500—502 гг. все области Передней Азии. Крестьяне бросали населенные места, сбывали скот и скот за полцены и уходили в другие области на север и на запад. В деревнях остались женщины, дети, старики и больные, их гнал голод из деревень, в которых они могли есть только горькие травы. Жители деревень потянулись в города. Но и здесь люди нищенствовали, болели, голодали и умирали. В Эдессе они бродили по улицам, площадям и рынкам, прося хлеба, но хлеба не подавали.

С течением времени, говорит летописец, цены возрастали и муки голода все сильнее охватывали людей. «Все, что не было съедобным, было дешево: одежда, утварь, домашние вещи продавались за пол- или за одну треть цены, но и этого не было достаточно, чтобы пропитать их хозяев, в виду высокой цены на хлеб».¹

Первое, что сообщает летописец, кроме резкого подъема цен, это то, что перестало хватать хлеба, выпекаемого булочниками для рынка. В 499/500 г. кекий Евсевий был оставлен эгемоном, уезжавшим в Константинополь «оберегать свое место и управлять городом». Когда он увидал, «что не в состоянии хлебопеки делать достаточно хлеба для базара из-за множества деревенских людей, которые наполняли город, и потому, что у бедных не было в домах хлеба, он приказал, чтобы всякий, кто попросит, изготовлял бы хлеб и продавал на базаре. Пришли женщины еврейки и он дал им пшеницы из зернохранилища (*ἀποθετόν*) и они делали хлеб для базара».² Из текста ясно, что продажей печеного хлеба на базаре мог заниматься не всякий, этот труд несли на себе хлебопеки, которые по аналогии с предшествующими и последующими веками несомненно были объединены в корпорации.

Чтобы получить право продажи, о нем надо было попросить, и только, когда разрешение было дано, можно было приступить к работе. Корпорация булочников была недостаточна, чтобы обслужить наводненный деревенскими людьми город. Помимо этого «у бедных не было в домах хлеба», т. е. обычно «бедные» — малоимущие могли запастись зерно и печь хлеб дома, в голодное время они хлеба дома не имели и были вынуждены покупать его на рынке.

Многочисленные законы византийского государства говорят об общепринятых, обыкновенных ценах на зерно в городе, они заинтересованы

¹ Иешу Стилит, § 39 — syg. Wright, p. 35.

² Иешу Стилит, § 40 — syg. Wright, pp. 35—36.

в том, чтобы цены не были высоки. В обычное время хлебопеки закупами зерно, перемалывали его и пекли хлеб. В зависимости от цены на зерно изменялась цена выпеченного хлеба с тем, чтобы хлебопеку оставалась одинаковая прибыль.¹ В тяжелое время голода государство пошло на другую меру: женщинам, которые должны были печь хлеб, была выдана пшеница из государственного зернохранилища. Надо думать, что и цех булочников выпекал в этот острый период хлеб из государственных запасов, который, вероятно, был все же дешевле зерна, продававшегося торговцами. Но его не хватало, к тому же он был очень дорог. Летопись считает дороговизну таким же тяжким злом, как и чуму. Она сообщает: «... бедные нуждались, потому что не было у них денег, чтобы купить на них хлеба». Они бродили по городу, по площадям, портикам, дворам, чтобы выпросить себе кусок хлеба, и не было человека, у кого бы в доме был «лишний кусок хлеба».² Грошей, которые выпрашивали себе голодные, хватало только на покупку каких-нибудь овощей, которые тут же съедались сырыми. Одновременно с голодом в городе стала свирепствовать чума, и население начало вымирать.

В 500/501 г. эгемон Демосфен, отправившись к императору, сообщил ему об этом несчастье «и дал ему император немало золота, чтобы раздать бедным».³ Способ раздачи денег народу был знаком еще древнему Риму, обычай перешел и в Константинополь. В данном случае он имеет другой характер, чем обычные раздачи в столице в связи с праздниками, с началом нового царствования и прочими событиями; здесь деньги должны были быть розданы для поддержки голодающих. Эгемон роздал, однако, не деньги, а стал выдавать за счет этих денег хлеб. Когда вернулся эгемон от Анастасия в Эдессу, то многим из бедных он повесил «на шею свинцовые печати и давал каждому из них по литре (λίτρα, litra) хлеба в день».⁴ Отметка людей печатями, которые вешались на шею, была обычным явлением, оно часто встречается в последующих VI и VII вв. Так отмечают владельцы своих рабов. Тут эгемон отметил сигиллами тех из «бедных», которым он стал ежедневно выдавать хлеб. Такие сигиллы с текстом и знаками хранятся в различных музеях, имеются они и в Эрмитаже.⁵ Вес литры составляет около 300 г и представляет собой голодный паек, но и этот паек отпускался только немногим. Хлеб этот выдавался даром и выпекался за счет денег, которые были отпущены эгемону Эдессы Анастасием.

Пришлые из деревень, бездомные и голодные спали прямо в портиках, на площадях и улицах. Многие умирали от голода. На каждом углу плакали и кричали дети, брошенные своими матерями.⁶ За голодом по пятам красилась страшная «смертница» — чума. Так как больных было некуда класть,

¹ Stöckle. Spättrömische und Byzantinische Zünfte, p. 101.

² Иешу Стилиит, § 40 — syr. Wright, p. 36.

³ Иешу Стилиит, § 42 — syr. Wright, p. 37.

⁴ Ibidem.

⁵ Общее о печатях. — Schumberger. Sygillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884: печати позднего времени из Эдессы на стр. 315—316.

⁶ Иешу Стилиит, § 42.

то была устроена больница в прилегавших к большому эдесскому храму зданиях. В базилике у зимних бань была постлана солома и циновки по распоряжению эгемона, и туда приходили многие и ложились для того, чтобы не встать. Пристанища, годные для ночлега, были устроены городской знатью и византийским войском. Всего этого, конечно, было мало. Но и это немногое заставило туда стекаться множество беспомощных из деревень, так как до них доходил слух, что в городах приходят на помощь голодным и больным. Запята была даже баня около храма апостолов, там тоже лежали больные. Множество народа умирало, чума свирепствовала. Обязанность хоронить бедных в X в. лежала на ремесленниках и податном населении города.¹ Это имело место и в V в. в провинциальных городах. Хроника говорит, что во время эпидемии горожане не успевали сами уносить и хоронить мертвых и поэтому, по инициативе монастырского гостинника (ξενόδοχος) Нонна, в этом им помогала монастырская братия. В больницу (ξενοδοχεῖον, hospitium), вернее к ней, сносили мертвых, а отсюда уносили их хоронить.² Сначала заполняли гробницы храмов и ксенодохия, потом открыли старые каменные гробницы около храма мар Конона и хоронили в них.³ С начала ноября до марта 501 г. смертность была особенно велика.

Среди горожан чума распространилась в апреле месяце, и из Эдессы выносили такое количество трупов, что числа их уже никто не мог сказать.⁴ «Смертница» охватила все пространство от Низибии до Антиохии, т. е. от Тигра до Средиземного моря. Перед этой эпидемией государство оказалось совершенно беспомощным, как и во время голода была оказана лишь минимальная помощь, не давшая действительного облегчения. Меры сводились к предоставлению ночлега и похоронам. «Богатые» обычно бежали от чумы, прятались в своих имениях, загородных домах, чтобы избежать опасности, как это рассказывается, например, о богатом мар Гиваргисе.⁵ В Эдессе умирали на улицах, площадях, на дорогах — город был буквально во власти эпидемии. Чума возобновлялась неоднократно, она возвращалась несколько раз в VI и VII вв. Сирия и Месопотамия жили под ее постоянной угрозой.

Во время голода (500—502 гг.), как и во время чумы, помощь населению была оказана минимальная. Насколько она оказывалась вообще без всякого разбора и, следовательно, не имела в виду действительно нуждающихся и «бедных», указывает та же хроника. Урбик — евпух, уполномоченный Анастасием оказать помощь в азиатских провинциях, роздал «динарий за динарием» в Амиде. Оттуда он отправился в Эдессу и здесь «дал каждой женщине, которая желала принять, тримисион,⁶ а каждому ребенку одно

¹ Stöckle. Spätromische und Byzantinische Zünfte, p. 12.

² Иешу Стилит, § 42 — syr. Wright, pp. 37—38.

³ Иешу Стилит, § 43 — syr. Wright, p. 38.

⁴ Иешу Стилит, § 44 — syr. Wright, p. 40.

⁵ Hoffmann. Syrische Auszüge persischer Märtyrer. Mar Giwargis, p. 95.

⁶ Тримисион — третья часть золотого.

зузе.¹ Получили деньги почти все женщины, которые нуждались и которые не нуждались».²

Хроника Иешу Стилита под рядом годов сообщает цены на продукты питания, причем систематически повторяет их для пшеницы и ячменя. Большинство цен, приводимых в хронике, относится ко времени голода в Месопотамии и, по свидетельству самого автора, характеризует дороговизну. Часть данных относится, однако, ко времени, когда в области не было особых условий, вызывавших подъем цен, и в этих случаях они дают представление о нормальных ценах.

Приведенные выше законы Анастасия настойчиво проводили требование, чтобы торговля происходила по установленной цене, господствующей в данное время в области. Постоянных цен не было, да и не могло быть, они менялись в зависимости от времени года, местных условий, случайно благоприятных и неблагоприятных.

В настоящее время вопрос о колебании цен в восточной империи VI в. в соотношении золота и хлеба не только поставлен, но отчасти разрешен. Главным источником послужили папирусы поздне-римского и византийского периода, использованные Сегре и Миквицем³ для того, чтобы по векам разработать индекс цен для Египта. Общие выводы исследования последнего сводятся к падению цен в V, VI и VII вв. по сравнению со II и особенно IV в. В основе этого падения лежит вздорожание золота. С IV в. торговля в Египте перешла на золотую монету, серебро стало редким, и надо полагать, что это явление было общим для всей Византии, в том числе и для ее азиатских провинций. В V в., как уже было отмечено выше, сириец словом «золото» заменяет слово деньги. Для чеканки монет потребность в этом металле возросла, между тем систематическая его добыча пала.⁴ В золоте происходила оплата отдельных варварских племен; так оплачивала Византия и персов за охрану Каспийских ворот.⁵ Некоторую роль играл экспорт золота на восток в обмен на предметы роскоши. Для хозяйственной жизни, по мнению Миквица, вздорожание золота не имело, однако, того значения, которое оно имеет в современной жизни, так как кредитом пользовались в меньшей степени и особенно отсутствовали долгосрочные кредиты. Если крестьянин получал за зерно меньше золота, он мог больше на него купить.⁶

Монетная система времен Анастасия и реформа, которую он ввел, отражают общее положение. Его предшественники чеканили множество разноценной монеты, которая являлась предметом рыночной спекуляции. Реформа 497 г. сохранила ценность золотого (solidus), равную $1/72$ фунта золота, и установила для мелких расчетов бронзовую (медную) монету. В качестве разменной монеты она получила широкое обращение на рынке. Государ-

¹ Зузе — мелкая монета.

² Иешу Стилит. § 84 — syr. Wright, p. 79.

³ Mickwitz. Goldwertindex der römisch-byzantinischen Zeit. Aegyptus, t. XIII, 1933, p. 95 и след.

⁴ Mickwitz, ibidem, p. 103.

⁵ Güterbock. Persien und Byzanz, Berlin, 1906, p. 13.

⁶ Mickwitz, ibidem, p. 104.

ственная подать выплачивалась только в ценном металле — золоте и серебре. Серебряная монета в V в. сравнительно редка,¹ подать переходит почти исключительно на золотую. В сущности каждый металл представлял собой свою особую самостоятельную систему, при которой серебро не покрывает в целом золота, а медь серебра.² Для VI в. с относительной верностью можно считать 6000 бронзовых номиев³ или бронзовых динариев,⁴ равных золотому. Чтобы точно установить ценность монет, на них были сделаны соответствующие пометки. Самая крупная бронзовая монета Анастасия, весом от 10—16 г получила обозначение своей стоимости, равной сорока номиям, в виде цифры 40. Такие же монеты меньшего веса получили знаки 20, 10 и 5 номиев. Название *nummum*, *nummus* сокращено на монетах в виде букв *п. м.*⁵ Самая мелкая монета достоинством в 1 номий весит меньше грамма. Золотые и серебряные монеты выбивались в Константинополе и Равенне. После реформ Анастасия бронзовые монеты выбивались во многих городах. Ближайшие к Месопотамии монетные дворы были в Ефесе, Исаурии, Никомедии, Антиохии.⁶ Кроме золотого солида (номисмы) и бронзовых денег, встречалась и серебряная монета, называемая кератион (*κεράτιον*, латинская *siliqua*), соответствующая $\frac{1}{24}$ части золотого солида. Она составляет половину милиарисия, равного $\frac{1}{12}$ солида. При Зеноне, предшественнике Анастасия, милиарисий весил 4.05 г.⁷ Кератион обычно весит около 2.6 г и меньше. Такие серебряные монеты редки, чаще попадаются монетки ценностью в полкератиона (*demisiliqua*), весом от 1.42 г до 1.28 г.

Хропика Иешу Стилита стоимость зерна рассчитывает на монету, которую она называет динарием. Названия монет, хотя бы и изменялась их стоимость и чеканка, долго и консервативно сохранялись.⁸ Так и сирийцы сохранили старое наименование динария для византийского золотого солида; оно встречается в хропике, как и во многих других памятниках.⁹ Называя золотую номисму динарием, хропика для разменной бронзовой монеты, о которой была речь выше, сохранила транскрипцию греческого названия номия. Сирийская летопись Захария Митилецкого знает кератионы. В сирийском переводе Галена, сделанном Сергием Решайнским, ученым

¹ S o u t z o. Les origines du sesterce et du miliarensis et leur continuité jusqu'aux temps byzantins. Le système monétaire d'Anastase. Bulletin historique de l'Académie roumaine, t. 13, 1927, p. 54.

² S e e c k. Münzenpolitik Diokletians. Zeitschrift für Numismatik, 1890, B. 16, p. 166.

³ B a b e l o n. Traité des monnaies grecques et romaines, 1901, t. I, c. 618.

⁴ S o u t z o, ibidem, p. 58.

⁵ B a b e l o n, ibidem, pp. 616—617. — Отпечатки монет у S a b a t h i e r. Description générale des monnaies byzantines, 1862, t. I, pl. VIII, IX. — S e e c k, p. 135, 164. Zeitschrift für Numismatik, 1890, B. 16.

⁶ B a b e l o n, ibidem, c. 1042.

⁷ B a b e l o n, ibidem, cc. 574—580, c. 54.

⁸ S o u t z o, ibidem, pp. 54, 55.

⁹ P a y n e - S m i t h. Thesaurus syriacus, t. II, c. 3741: nummus Romanus, aureus siliqua.

врачом VI в., упоминается кератион, весом равный $\frac{1}{3}$ оболы. Бар-Балул¹ также считает обол по весу равным 3 кератионам. В одном агиологическом памятнике упоминается «один кератион золота», т. е. латинская силиква — $\frac{1}{24}$ золотого солида.²

Как и следовало ожидать, сирийцы освоили и пользовались монетной системой Византии, употребляя или их греческие названия (*keration*, *nummion*) или сохраняя старые, привычные названия, например динарий и для византийских монет.

Сообщая о стоимости зерна, хроника оценивает не то или иное количество товара, а исходя из монеты определенной стоимости, указывает сколько на нее отпускалось продукта в данное время. Это общий способ расчетов по всей Византии и в течение многих веков. Зерно в Египте измеряют артабами, в азиатских провинциях модиями. В Эдессе модиями измеряют пшеницу и ячмень.

Множество прилагательных, с которыми упоминается модий (большой, малый, морской, царский и проч.), указывает на отсутствие единообразия в размерах и количествах, которые он определял в разное время или одновременно в разных провинциях и областях.³ Точного определения размера модия (*σπόριςμος μόδιος* или *modius kastrensis*) до настоящего времени не имеется. Это послужило причиной тому, что при составлении индекса все цены в применении к модиям не были приняты Миквидцем в расчет.⁴ Точно установить соотношение модия и артабы затруднительно, приблизительно 3, 3,5 модия составляют артабу.⁵ *Modius kastrensis* — мера, равная количеству зерна, необходимого для осеменения третьей части югера. По расчетам Ф. И. Успенского, сделанным по материалам IX, X вв., модий осеменяет 200 кв. саж. земли, он равен 40 литрам и 345 800 ситококкам жита.⁶ Герон Александрийский, писатель II в. н. э., о двойном модии говорит, что он содержит 40 литр.⁷ Плиний Старший обыкновенный римский модий александрийского зерна считает весом, равным 205—206 римским литрам, что составляет для двойного модия (*σπόριςμος*) также около 40 литр.⁸ Такой модий равен приблизительно 8 финикийским «каба» — мере, удержавшейся в Месопотамии до V в.; она встречается у того же Иешу Стилита.

¹ С и р о - а р а б с к а я л е к с и к о г р а ф и я IX в.

² R a y n e - S m i t h, *ibidem*. — Если кератион составляет $\frac{1}{24}$ солида, то он соответствует около 0.53 золотой марки. В английской монетной системе кератион может быть грубо сопоставлен с шестипенсовиком, *sixpence* (около 23 коп.). — В u r y. *History of the later Roman Empire*, t. I, 1923, p. 447.

³ D ö l g e r. *Finanzverwaltung*, p. 123.

⁴ M i k w i t z. *Goldwertindex. Aegyptus*, t. XIII, 1933, p. 99.

⁵ O s t r o g o r s k y. *Löhne und Preise. Byzantinische Zeitschrift*, 1932, B. 32, H. II, pp. 319, 320.

⁶ Ф. И. У с п е н с к и й. Византийские землемеры. Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884 г., Одесса, 1888, стр. 288, 289, 290, 293.

⁷ 'Ο σπόριςμος μόδιος ἔχει λίτρας τεσσαράκοντα. — H u l t s c h. *Metrologie*. 2-te Aufl., 1882, p. 616; pp. 156—161.

⁸ P l i n i u s. *Historia naturalis*, 18, 12, § 66.

Относительное сопоставление данных хроники о ценах на хлеб со сведениями других источников весьма существенно, так как хроника дает их не только для исключительных условий голодных лет, но и для обычного времени.

Для IV в. нормальная цена пшеницы составляла 12 модиев на 1 номисму, по расчетам Зеэка.¹ В VII и VIII вв. нормальная цена — 12, 13 артаб за одну номисму, что составляло бы около 36 или 39 модиев, если считать в артабе около 3 или 3.5 модиев (см. выше). Для V в. и в Египте свидетельства о ценах очень скупы. При составлении индекса Миквиц смог привлечь только данные о цене артабы пшеницы, которая стоила 2.4 кератиона.² Сведения о ценах на другие продукты отсутствуют. Для VI в. оказалось возможным использовать цены на различные продукты, причем артаба пшеницы в среднем стоила 2.3 кератиона. Исходя из этих данных, модий пшеницы в Египте в V в. должен был стоить около 0.8 кератиона.³

Под 494/5 г. н. э. Иешу Стилиит, говоря об относительном благополучии жителей Эдессы в этом году, сообщает следующие цены на зерно. «В это время, — говорит он, — в Эдессе продавались 30 модиев пшеницы за динарий и 50 модиев ячменя за динарий».⁴ Динарий, иначе говоря, золотой, номисма состоит из 24 кератионов, следовательно, стоимость одного модия составляет 0.8 кератиона, как и в Египте.⁵ Это совершенно нормальная для V в. цена, которая позволяет повторить тот же расчет для ячменя, модий которого стоил по данным сирийской хроники, 0.48 кератиона.⁶ Для Египта цены на ячмень в V в. не имеется, как было отмечено выше.

В дальнейшем летописец сообщает о дороговизне. По просьбе своего корреспондента, он описывает голод и рост цен. Под 494/5 г. им даны нормальные цены, в 499/500 г. наступили «бедствия», следствием которых был голод.⁷ Прежде всего появилось множество саранчи, которая еще в стадии бескрылой, погубила растительность нескольких областей Месопотамии: Ароба, Теллы, Решайны и Эдессы. Следствия этого сказались немедленно: тотчас в месяце Нисан (апрель 500 г.) «стала возрастать цена на зерно и на все. 4 модия пшеницы продавались за динарий». Тогда как в нормальное время продавалось 30 модиев за золотой. В месяцах Хазиран и Таммуц (июнь и июль того же 500 г.) жители этих областей были лишены «всего необходимого для жизни» и были вынуждены нищенствовать.⁸ Повторный посев, возможный в условиях южного климата, урожая не дал, просо не уродилось, и начался голод.

Летописец сообщает повышенные цены на ряд продуктов питания. Плоды бобовых растений — горох, чечевицу продавали «кабой» — мерой,

¹ Byzantinische Zeitschrift, B. 32, Heft 2, 1932, p. 320.

² Mickwitz. Goldwertindex, Aegyptus, t. XIII, 1933.

³ Если считать артабу равной 3 модиям, то 2.4 кератиона : 3 = 0.8 кератиона, т. е. цене одного модия.

⁴ Иешу Стилиит, § 26 — syr. Wright, p. 21.

⁵ 24 кератиона : 30 = 0.8 керат.

⁶ 24 кератиона : 50 = 0.48 керат.

⁷ Иешу Стилиит, § 36 — syr. Wright, p. 31.

⁸ Иешу Стилиит, § 38 — syr. Wright, p. 33.

известной в ассиро-вавилонский и финикийский период. Каба — мера, усвоенная евреями, о ней упоминает Филон Александрийский, Епифаний Кипрский считает ее четвертой частью, а иногда пятой частью модия.¹ Двойной модий содержит 8 таких мер. Мера (каба) гороха продавалась за 500 номиев, мера бобов за 400 номиев. Насколько повышены эти цены, можно судить по тому, что артаба чечевицы стоила в нормальное время 3 кератиона.² Дешевле всего было на базаре мясо. Для скота не было травы, она была съедена сарапчой, следовательно, шел убой скота, мяса было много и оно было дешево.

Следующий 500/501 г. не только не принес облегчения, но голод в деревнях и городах даже усилился. Те, кто остались в деревнях, ели горькие травы, другие варили опавший незрелый виноград и ели его. «В месяце Шаббат [февраль 501 г.] еще возросла дороговизна и усилилась чума. Пшеница продавалась 13 каба за динарий, а ячмень 18 каба за динарий; литра мяса за 100 номиев, литра курятины за 300 номиев, яйцо за 40 номиев. Вообще все съедобное было дорого».³ Урожай этого года лишь незначительно ослабил дороговизну, так как в месяцах Хазиран и Таммуц (июнь и июль 501 г.) после жатвы новая пшеница продавалась 5 модиев на динарий. «Надежды наши не оправдались», — пишет летописец, — так как от дороговизны избавиться не удалось. В феврале этого года пшеницу продавали мелкой мерой (каба). После сбора урожая удалось вернуться к модиям, но цена, конечно, по сравнению с нормальной, была очень высока. 5 модиев составляют $\frac{1}{6}$ того, что продавалось в нормальное время на золотой.

В следующем 501/2 г. был богатый урожай винограда. Значение вина на востоке общеизвестно, оно являлось необходимым элементом питания и употреблялось всеми слоями населения. В сельскохозяйственной продукции виноград и вино имеют большой удельный вес. В этот год урожая винограда вино продавалось непосредственно от давяльного пресса «двадцать пять мер за динарий». «Бедных» поддерживали виноградники, благодаря изобилию сухого винограда. Его было больше, чем свежего, годного для пресса, потому что в момент созревания дул сухой ветер, который иссушил очень большое количество гроздей.⁴ 25 мер на динарий — цена несравненно более дешевая, чем в предшествующем году, когда на динарий можно было купить только 6 мер. Цены на хлеб этого года продолжают быть высокими: 4 модия пшеницы и 6 модиев ячменя на динарий. Летописец говорит, что только сухой виноград поддерживал «бедных» и не дал им умереть от голода. Надежды на урожай этого года не оправдались, так как в месяце Ияр (май 502 г.) три дня дул сухой ветер, от которого погибло много хлеба.

¹ Hultsch. Metrologie, p. 451.

² Грубый подсчет дает следующее: 1 артаба = 3 модиям = 24 каба. Цена артабы чечевицы = 3 кератионам, следовательно, 1 каба стоит $\frac{1}{18}$ солида, так как кератсион = $\frac{1}{24}$ солида. 360 номиев, исходя из того, что 6000 составляют солид, соответствуют $\frac{1}{17}$ солида. Соотношение нормальной цены к цене голодного времени будет $\frac{1}{18}$ к $\frac{1}{17}$ солида.

³ Иешу Стилит, § 43 — syr. Wright, p. 39.

⁴ Иешу Стилит, § 45 — syr. Wright, p. 40.

Интересна одна подробность, которую сообщает Стилит, не отдавая себе отчета в действительном значении этого факта. В 501/2 г. Анастасием были отменены майские праздники, которые чрезвычайно пышно справлялись в Эдессе.¹ Языческий праздник вызывает великое негодование Иешу, хотя он и сумел дать его яркое описание. Он считает, что «благочестивые» мотивы, побудившие отменить праздник и пляски, были вознаграждены падением цен, которые через 30 дней упали до 12 модиев пшеницы за динарий и до 22 модиев ячменя на динарий. На этом цены, конечно, не остановились, летописец сообщает о новом подъеме цен. Временное снижение может быть поставлено в связь с причинами, указанными самим же летописцем. Отчасти это может быть влияние низких цен на хорошо уродившийся виноград и вино. В большей степени оно может быть связано с той же отменой праздника, во время которого в город стекалось множество парода, торговля оживлялась, притекали деньги. Так как надежды на праздничную продажу упали, естественно, торговцы хлеба и землевладельцы вынуждены были снизить цены, тем более, что продукт мог быть заранее подвезен и заготовлен в городе и затраты требовали покрытия.

Под 504/5 г. Иешу Стилит сообщает в последний раз о ценах на хлеб. «До этого года, — пишет он, — 4 модия пшеницы продавались за динарий, 6 модиев ячменя за динарий, 2 меры вина за динарий. После новой жатвы продавались 6 модиев пшеницы за динарий и 10 модиев ячменя». На динарий, следовательно, стали давать $\frac{1}{5}$ часть того количества пшеницы, которое давали в 494/5 г., когда цены были нормальными.

Такая непомерная и при этом длительная дороговизна, которая продолжалась в 500, 501 и 502 гг. объясняется повторными недородами. Усугублялся неурожай тем, что в условиях Месопотамии необходимо искусственное орошение. Нарушенная система каналов, в связи с запустением ряда деревень, нарушала орошение соседних селений. Нельзя отрицать ряда стихийных бедствий, постигших Месопотамию — множество саранчи, знойный ветер пустыни, иссушивший созревающие плоды и зерна, способствовало недороду и росту цен. Но степень, до которой поднялись цены, и длительное количество времени, в течение которого они держались, связаны с тем, что главные обладатели зерна, землевладельцы распоряжались рынком и ценами. Агиологический памятник IV в. сообщает, что во время голода в Египте «государственный» хлеб продавался 13 артаб за номисму, но его было очень трудно доставать, а торговцы продавали на номисму 5 артаб. О таких двойственных ценах хроника не сообщает, во всяком случае, цены, которые дает Иешу Стилит, настолько высоки, что должны относиться к продаже зерна торговцами. Возможно, что готовый хлеб выпекали городские булочники, паходившиеся под контролем эгемона, продавали его по более сходной цене, но, по словам летописца, и она была недоступна для «бедных». О государственных ценах на зерно и печеный хлеб летописец особо не сообщил.

¹ Иешу Стилит, § 46 — *syg. Wright*, p. 42.

Анализ хроники Иешу Стилита дает ряд фактов, которые вскрывают систему управления азиатских провинций Византии, сложность аграрных отношений, деятельность ремесленных корпораций в городах, широкие торговые связи, и, наконец, в условиях голода, войны и неослабного фискального режима обострение классовой борьбы.

Весь этот живой, яркий материал свидетельствует о работе тех трех отраслей управления, которые только и существовали в Византии. По меткому слову К. Маркса: «В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов и, наконец, ведомство публичных работ».¹

Касается ли вопрос принудительной надбавки, хрисаргира, выпечки хлеба для армии, военных походов — всякий раз это «работа» одного из трех ведомств. Наиболее деятельным было финансовое ведомство, благодаря которому государство «превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных».² А результатом были гнет, нищета, голод, вымирание и обострение классовой борьбы, о которых так просто и ярко рассказала сирийская хроника.

БОРЬБА МЕЖДУ ИРАНОМ И ВИЗАНТИЕЙ НА РУБЕЖЕ V И VI вв.

Основной темой хроники Иешу Стилита, как уже было указано выше, является война между Ираном и Византией в начале VI в. Все сведения автора, современника этих событий, получены им из первых рук, а во время осады Кавадом Эдессы, он, повидимому, сам находился в городе. Написать историю войны 502—503 гг. без хроники Иешу Стилита нельзя. Но восстановить историческую действительность, дать в последовательном порядке основные моменты этой войны возможно только при сопоставлении его данных с другими сирийскими и греческими источниками. Сравнительное изучение похода Кавада дает возможность оценить и проверить осведомленность автора хроники и точность сообщаемых им сведений. Из дальнейшего видно, что Иешу Стилиту приходится отдавать предпочтение в целом ряде случаев, что его материал по своей непосредственности, простоте превосходит все греческие источники. Не приходится сомневаться в том, что это действительно современная событиям запись, соперничать с подлинностью которой может только сирийский Захария Митиленский, и то в ограниченном числе случаев. Конечно, это не исключает в материале хроники отдельных неточностей, неправильностей в подробностях или деталях, но это мелочи и притом малочисленные. Наличие ряда независимых от хроники источников о войне Ирана с Византией дает возможность контролировать ее сведения. Сопоставление дает положительные результаты, и Иешу Стилита следует рассматривать как источник достоверный,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, М., 1932, стр. 347.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, М., 1937, стр. 125.

правдивый. Этот вывод имеет для историка большое значение, так как в части, касающейся «несчастий и ужасов», выпавших на долю Месопотамии, у хроник параллели нет, если не считать отдельных кратких указаний на голод и чумную эпидемию.

В исторической правдивости сообщений хроник в части, трактующей о внутреннем положении города и области, нет оснований сомневаться. Ценность и значимость ее сведений о войне являются косвенным подтверждением доброкачественности, подлинности хроник в целом.

Западная граница Ирана была предметом постоянных забот государства сасанидов. Византия не столько грозила внезапными нападениями, которыми обычно воздействовал сам Иран, сколько требовала внимания, настороженности, обмена дипломатическими нотами и посольствами. Для персидской державы Константинополь был источником прямых доходов, так как под предлогом того, что персы несут защиту общей для обоих государств северной границы, по Кавказскому хребту, они требовали денежного вознаграждения — «золота».

Кочевые народы постоянно стучались в «железные ворота» Дарьяльского ущелья, пытались проникнуть за цепь гор, отделявших их от плодородных областей и богатых городов. То союзниками, то противниками в этой борьбе персов оказывались гунны, так называемые гефталты, кидариты или киопиты. Их помощь или укрощение в свою очередь требовали средств, которые Иран стремился получить у Византии. Приск Панийский говорит, что персы получали деньги за охрану крепости Юроейпах (*Ἰουροειπάχ* — *Οὐροεισάχ*), находившуюся у Каспийских ворот.¹ Если бы они перестали оберегать ворота, от этого пострадали не только персы, но и ромен, так как они были бы разграблены теми народами, которые стремились прорваться на юг. Греческие хронографы и сирийские источники византийской ориентации стремились представить дело так, будто Византия не нуждалась в помощи персов, а они по необходимости обращались к ней за «золотом». На деле ромейское государство откупалось от своей грозной соседки, не будучи в силах ни держать на азиатской границе армию соответствующей численности, ни тем более оградить себя от кочевников, полчища которых не переставали тревожить ее границы.

Положение пограничных провинций с той и с другой стороны и в мирное время было затруднительным, благодаря трениям между обоими государствами; в периоды войны оно становилось невыносимым. Территории, на которых происходили военные действия в V и VI вв., имели пестрый этнический состав. По обе стороны границы в этих областях большой процент населения составляли сирийцы, со своим арамейским наречием. Сирийцы были кровно заинтересованы в вопросах войны и мира в Междуречье, так как всякое нарушение границ отражалось на них непосред-

¹ Prisci Panitae, Fragmenta, 31, 37, pp. 105, 107. Fragmenta historicum graecorum, ed. Carolus Mullerus, t. IV, Parisiis, 1851, p. 105: Καὶ ὡς χρῆ τοῦ Ἰουροειπάχ (Οὐροεισάχ cod) ρουρίου ἐπὶ τῶν κασπίων κειμένου πυλῶν χρημάτων κορηγοῦντας Ῥωμαίους ποιεῖσθαι ἐπιμέλειαν. . .

ственно. Городскому и сельскому населению война приносила целый ряд тяжелых и обременительных обязательств, составлявших дополнительное уже совершенно непосильное бремя ко всем податям, налогам и повинностям, лежавшим на нем.

Для политической истории Ирана и Византии в конце V, начале VI вв. сирийские источники играют выдающуюся роль, их приоритет в целом ряде случаев несомненен. Для объяснения причины войны 502 г. сирийская хроника Иешу Стилита останавливается на событиях, подготовивших ее. Исаврийский мятеж, волнения в столице, осложнили положение Византии, а война на севере Африки еще более ослабила внимание к персидской границе. О сасанидском государстве сирийская хроника имеет сведения из первых рук. История Пероза и Кавада изложена своеобразно и указывает на глубокое знакомство с обстоятельствами. Тем более наивно звучат домыслы летописца, которыми он стремится объяснить разрыв мирных отношений. Не в личном неудовольствии, гневе, обидах царей лежит ключ к разгоревшейся войне, а в причинах социально-экономических. Социальное движение в Иране в предшествующий походам Кавада на Византию период поставило во всей остроте ряд экономических вопросов, настойчиво требовавших разрешения. Изыскать средства для их удовлетворения внутри государства не представлялось возможным; правящие круги, знать и царь пытались найти выход из войны. Хватаясь за оружие, высшие классы стремились к обогащению, осуществлявшемуся в войне путем ограбления, порабощения, захвата добычи в селениях и городах. В действие приводилось ведомство по ограблению соседних народов, по превосходному определению Маркса.¹ Жречество и знать, ослабленные маздакитским движением, искали возможности оправиться; в их ряды выдвинулись еще группы среднего землевладельческого слоя. Завоевательная политика этих верхов иранского общества объясняется стремлением возместить материальный урон, понесенный ими в социальной борьбе.

В поступательном движении римско-византийской империи на Азиатском Востоке конец III в. является кульминационным пунктом. В 609 г. эры селевкидов,² соответствующем 297/8 г. н. э., «ромен взяли город Низибю».³ В течение 65 лет она оставалась под их властью. С гибелью Юлиана в 674 г. селевкидов (июнь 363 г. н. э.) наступает ослабление активной политики Византии, и Иовиниан (сирийская форма имени Иовиана, умершего в феврале 364 г. н. э.) поторопился войти в соглашение с персами и уступил им Низибю. Сирийская хроника утверждает, что это было лишь временным соглашением, что она была отдана условно на 120 лет. Срок условия якобы заканчивался при императоре Зепоне,⁴ но персы Низибии не возвратили, и по этому поводу начался спор. Если в действительности такого условия заключено не было, то, во всяком случае, справедливо, что Низи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, М., 1932, стр. 347.

² Сирийцы до начала XX в. вели летоисчисление от «Александра Македонского».

³ Иешу Стилит, § 7 — syr. Wright, p. 8.

⁴ Иешу Стилит, § 8 — syr. Wright, p. 9; 364 г. н. э. + 120 = 484 г.

бия оставалась центром, который ромеи стремились вновь захватить. В переговорах между Балашем¹ и Зеноном последнему летописец влагает в уста слова: «Достаточно тебе податей, которые ты взимаешь с Низибии, и они уже много лет принадлежат ромеям».² Зависимость Низибии от персов считается, следовательно, случайной, временной, и подати с нее должна была бы получать Византия. Ответ Зенона был вызван требованием денег со стороны Балаша.

Сирийские историки становятся на защиту ромейского великодержавия и стремятся реабилитировать Византию, униженную «податью», выплачиваемой персам. Следствием этой тенденции является сообщение о якобы существовавшем между обоими государствами договоре, обязывавшем их к взаимной помощи. Времени заключения пакта не указано, да и самые условия так мало отвечают исторической действительности, что едва ли можно их считать фактом. Каждая из сторон обязывалась якобы предоставить другой 300 воинов с оружием и конями или 300 «статиров».³ В этом сопоставлении интересна примерная оценка вооруженного воина с конем в один статир. Предоставление отряда в 300 конных могло иметь лишь минимальное значение для войн, в которых войска насчитывались тысячами и по этому одному уже не представляется вероятным заключение такого условия.

Византия не нуждалась в помощи персов, — утверждает дальше Иешу Стилит, исходя из своего тенденциозного желания не делать из византийских взпосов «подати» (ܩܕܝܬܐ). «Цари же персидские, посылая послов, просили золота, нуждаясь в нем, но они получали его не в виде подати, как полагали многие».⁴ Представление о необходимости для Византии оплачивать своих соседей можно найти и у другого сирийского писателя конца VI в. Тюркский царь спрашивает византийских послов: «Правда ли, что сказали мне персы, что царь ромейский наш раб и как раб (ܩܕܝܬܐ) платит нам дапъ (ܩܕܝܬܐ)». В представлении тюркского царя Византия была данницей Ирана и выплачивала ей обязательные денежные взносы. Чтобы реабилитировать Константинополь, Иоанн Ефесский прибегает к легендарному рассказу о статуе императора Трояна «в персидской земле», мимо которой персы не смели проезжать на коне.⁵ Доводы эти, конечно, были мало убедительны, тем более, что Византия не только оплачивала сторожевую службу персов на кавказской границе, но и покупала мирные отношения с Ираном.

При Перозе⁶ персы вели борьбу с племенем кидаритов, которых византийские историки считали народом гуннского происхождения. Приск Панийский говорит, что Пероз требовал денег у Византии и для того, чтобы

¹ Шаханшах, до 484 г. н. э.

² Иешу Стилит, § 18 — syr. Wright, p. 16.

³ Иешу Стилит, § 8 — syr. Wright, p. 9.

⁴ Иешу Стилит, § 8 — syr. Wright, p. 9.

⁵ Joannes Ephesus. Historia, l. 6, cap. 23. Ed. Cureton, p. 397.

⁶ 459—484 гг. н. э.

вести войну с гуннами, «называемыми кидаритами».¹ Перозу удалось их отогнать, и они обосновались в Гандаре, образовав государство в Пурушапуре (Пешавар).² Кидаритами это племя называлось по имени паря Кидара, оно было также известно под именем кионитов,³ у сирийцев — как кионайе.

«В наши дни Пероз, царь персидский, из-за войны с кионайе, т. е. с гуннами, неоднократно получал золото от ромеев, не требуя его как подати, но вызывая их усердие, будто бы ради них он вел борьбу с ними (с кионитами, — *Н. П.*), „чтобы они не перешли на вашу землю“».⁴ Золото давалось ромеями Ирану за то, что он принимал на себя удар, который без соответствующего отпора неизбежно затронул бы Византию. В исторических примерах недостатка не было. В 707 г. селевкидов, в 325/6 г. н. э., «в дни Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия Великого», гунны разграбили всю Сирию и множество народа увели в плен, благодаря «предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая».⁵ Подобные обстоятельства вынуждали Константинополь поддерживать и оплачивать персов. Насколько существенна была эта борьба Ирана с гуннами для Византии, свидетельствует и сообщение, что Пероз, попавший в плен к врагам, был будто бы выкуплен Зеноном.⁶ Победоносной считает войну с кионитами и сирийский летописец, говоря, что «с помощью золота, полученного от ромеев, Пероз подчинил гуннов, захватил большие пространства их земли и присоединил их к своему государству». Хотя Приск Панийский и утверждает, что ромей отказали персам в субсидии, но на основании сирийских источников не приходится считать это утверждение правильным.

На смену кионитам появился другой народ, гефталиты, выходцы из китайской провинции Ган-су; они наводнили области Тохаристана, покинутые кидаритами. Гефталитов называли также «белыми гуннами» — наименование, которое перешло к ним от кионитов.⁷ Прокопий Кесарийский говорит, что они не были номадами, как другие гунны, цвет их тела белый, они не безобразны и живут «не по-скотски», а образуют государство, управляемое одним царем.⁸ Местом их поселения он называет Гурган на юго-востоке от Каспийского моря. Борьба с гефталитами Пероза закончи-

¹ Prisci Panitae, Fragmenta, 31, p. 105: χρῆναι δὲ αὐτοὺς ἔλεγον καὶ χρήμασιν ἐπικουρεῖν ἐπὶ τῇ πρὸς Οὐννοὺς πολέμῳ τοὺς Κιδάριτας λεγούμενους.

² Christensen. L'Iran sous les sasanides, pp. 287—288. Copenhagen, 1936, Carte. — Marquart. Eranšahr, p. 58; — Bailey. Iranian Studies, Bulletin of the school of Oriental Studies, t. VI, f. 4, 1932, p. 945; — Wessendonk. Kušan, Chioniten und Hephtaliten. Klio, B. 26, 1933, pp. 341—346.

³ Christensen, ibidem, p. 282. — Marquart. Eranšahr, Berlin, 1901, p. 58.

⁴ Иешу Стилиит, § 9 — syr. Wright, p. 9; — Junker. Die hephtalitischen Münzenschriften. Sitzungsberichte der preuss. Akademie der Wissenschaften, B. 27, 1930, pp. 641—662.

⁵ Иешу Стилиит, § 9 — syr. Wright, p. 10.

⁶ Иешу Стилиит, § 10 — syr. Wright, p. 10.

⁷ Christensen, ibidem, p. 288. — Marquart. Eranšahr, p. 58.

⁸ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 3, pp. 10—11. Иешу Стилиит различия между кионитами и гефталитами не делает.

лась тем, что он был взят в плен и был вынужден уступить им пограничный город Талакан в Бактриане. Себя он выкупил «за 30 мулов, нагруженных зузе». 20 мешков были присланы из Ирапа, а за 10 недосланных мешков он оставил заложником своего сына Кавада.¹ Прокопий Кесарийский утверждает, что в этом первом походе против гефталитов при Перозе находился посол императора Зенона, по имени Евсевий. Выражаясь современным языком, это был военный атташе Византии и советник, к посредству которого персидские военачальники прибегли, чтобы предупредить Пероза о грозившей ему от гефталитов опасности.² Захваченный в плен Пероз делается данником царя гефталитов. Сирийская традиция, закрепленная Захарием Митиленским, считает, что гунны поднялись против персов, подстрекаемые ромеями. Гунны прошли через «ворота», охраняемые персами, и прошли по горным местам к их областям. Пероз собрал войска, вышел им навстречу и осведомился о причине их вторжения. Они ответили ему: «Нам недостаточно того, что дает персидское государство в качестве подати (𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥) нам, людям — варварам, которые подобно злосчастным зверям изгнаны богом в северо-западную сторону. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей. Император ромейский через послов, которых он прислал, обещал нам умножить подать, если мы разорвем дружбу с вами, персами. Поэтому мы запаслись и приготовились в путь. Дайте нам столько [сколько дают] ромеи и мы заключим с вами союз, или, если вы нам не дадите, принимайте войну». Хотя войско Пероза было многочисленно, он решил пойти на хитрость, обмануть, гуннов. Он дал им обещание заключить договор и выдать подать. «Собралось 400 мужей из гуннских начальников (𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥), а с ними был Евстафий, купец апамейский, муж лукавый, с которым они советовались. Собрался также Пероз и с ним 400 мужей, они все поднялись на гору, заключили договор, ели друг с другом и поклались, простирая свои руки к небу».³ Согласно этой версии, Пероз нарушил договор через 10 дней и был уничтожен со своим войском гуннами.

Сирийский Захарий сообщает подробности, которые отсутствуют в других источниках, но в последующем изложении преимущество на стороне данных Иешу Стилита. Вырвавшись из плена, Пероз возвращается в свою землю. Так как «вся казна предшествовавших ему царей была истощена прежними войнами», чтобы выкупить Кавада, он обложил подушной податью (𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥) всю свою землю.⁴ Такое внезапное обложение было чрезвычайно тягостным для населения. Вводя податную реформу, Хосрой, между прочим, ссылался на затруднительность таких неожиданных поборов.⁵ Пероз собрал деньги и выплатил гуннам остальные десять мешков

¹ Иешу Стилит, § 10 — syr. Wright, p. 10.

² Procopius. De bello persico, l. I, cap. 3, pp. 11, 12.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 3, t. II, p. 21.

⁴ Иешу Стилит, § 10 — syr. Wright, p. 10.

⁵ Tabari. Geschichte der Persen und Araber zur Zeit der Sassaniden. Ed. Nöldeke, Leyden, 1879, p. 42. — Пигулевская Н. В. К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана. Вестник древней истории, кн. I, М., 1937.

зузе, освободил своего сына и вновь начал войну с гефталитами. Он погиб в ней в 484 г., и даже труп его не был найден. Этот второй поход Пероза встретил возражения со стороны части персидской знати, в том числе спехбеда Вахрама. Гефталиты проникли в Иран и заняли несколько городов Мерв-руда и Герата (запад и юго-запад Бактрианы).¹ Дань выплачивалась им персами до того времени, когда Кавад отказался ее давать.²

Попутно следует указать на двойственную политику Византии, которая, с одной стороны, была рада ослабить государство сасанидов, навязав ему борьбу с гефталитами. С другой стороны, Пероза сопровождает константинопольский посол Евсевий. Он предостерегает персидского царя от грозящей гибели, так как уничтожение всего иранского войска не отвечало интересам Византии. Исторической действительности вполне отвечает сообщение сирийского Захария о купце Евстафии, сопровождавшем гуннов. Апамейский торговец имел, конечно, коммерческие связи и вел с гуннами торговлю; в качестве военного советника он выступил, когда это оказалось необходимым, желая сохранить им преимущество перед персами. Сообщение о Евстафии говорит о том, какими детальными сведениями для историографии могли располагать греки и сирийцы через лиц, непосредственно связанных с соседними народами.

Возарившийся после брата Балаш «не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю нашел опустошенной из-за нападений гуннов». Он характеризуется как «муж смиренный и миролюбивый»,³ что находится в полном соответствии с сообщениями источников Табари. Последние приписывают Балашу мероприятия в пользу сельского населения, направленные против «деревенских господ»: он привлекал к ответственности тех средних землевладельцев, на землях которых непосредственные производители были доведены до разорения и покидали свои участки и дома.⁴ В какой мере на деле проводилась эта политика — сказать трудно, во всяком случае, она вызвала неудовольствие в высших слоях иранского общества. Балаш стремился поддерживать мирные отношения с Константинополем, куда было отправлено посольство. Одним из членов его был сириец Барсаума, выдающийся по уму и по образованию человек. Несторианский епископ, он, однако, был женат, «как все персы», и был несомненно в какой-то степени причастен маздакитскому движению в сирийской среде. В Низибии, после его возвращения, шах предложил ему следить за разграничением Ирана и Византии.⁵ Он сыграл выдающуюся роль в движении представителей несторианства, когда сиро-персидские епископы, с одной стороны, отмежевались от византийских претензий, стремясь к независимости, и утвердили свои интересы в качестве крупных землевладельцев Ирана — с другой стороны. Балаш искал опоры в несторианском населении

¹ Christensen, *ibidem*, p. 289. — Marquart. Eranšahr, pp. 60—63.

² Procopius. De bello persico, l. I, p. 20.

³ Иешу Стилит, § 18 — syr. Wright, p. 15.

⁴ Tabari, ed. Nöldeke, p. 134. — Christensen, *ibidem*, p. 291.

⁵ Christensen, *ibidem*, pp. 292, 286—287. — Labourt. Le christianisme de l'empire Perse, pp. 143—152.

своего государства, в виду того, что положение его было шатким. Он не имел поддержки в войске, так как у него «не было золота, чтобы содержать свои войска, был ничтожен в их глазах».¹ Знать предъявляла свои требования и пыталась оказывать на него давление.² Против него была и мощная сила в государстве — жречество. «Маги также его ненавидели за то, что он пренебрегал их законами и желал построить бани (βαλανεῖα) в городах для омовений». Когда стало очевидным, что армия поддерживать шахапшаха не будет, «они схватили его, выкололи ему глаза и вместо него поставили Кавада, сына Пероза, его брата, имя которого мы упоминали выше, бывшего заложником у гуннов».³ Не имея поддержки со стороны знати и жречества, Балаш мог бы иметь опору в своем войске, но опустошенная казна лишала его возможности содержать войско, как оно того требовало. «От ромеев и ему не было никакой помощи, как и его брату» — говорит летописец, противореча своему утверждению, что на деньги ромеев Перозу удалось отогнать кионитов (гунны — кидариты). Обращение Балаша к Зенону осталось безрезультатным, и последний даже напомнил ему о податях, собираемых с Низибии, с потерей которой Византия все еще не хотела примириться. В 488 г. н. э. ослепленный Балаш был смещен, а на его место поставили Кавада.

Хронология царствования Кавада все еще не может считаться точно установленной. Маздакитское движение, как явление сложное, преломилось в сознаниях современников различно, в результате чего имеется несколько версий относительно взаимоотношений Кавада и знати, о связях его с маздакитским движением, о его заточении. Следует указать и на следы сообщений о нем, сохранившиеся в иудейской литературе Междуречья эпохи сасанидов в локальных сирийских хрониках, как, например, в хронике Карка де бет Селох. Мне уже приходилось упоминать об особенностях сирийской традиции — бегстве Кавада к гефталитам. Иешу Стилит сообщает, что еще до своего смещения Кавад требовал от ромеев золото. Деньги были ему необходимы в первые же годы по вступлении его на престол. Дата его посольства в Византию в тексте не дана, но она восстанавливается безошибочно. Кавад отправил послов и с ними одного большого слона в дар ромейскому императору с тем, чтобы получить у него денежную дотацию. В то время как послы достигли Антиохии, Зенон умер. Вечером на следующий день, 10 декабря 491 г., напподроме в Константинополе его вдова Ариадна объявила о своем браке с силенциарием Анастасием и его воцарении в качестве ее мужа.⁴ Таким образом уже в 491 г. посоль-

¹ Иешу Стилит, § 18, 19 — *syr. Wright*, pp. 15, 16.

² Tabari, ed. Nöldeke, p. 133. — Christensen, *ibidem*, p. 291.

³ Обращает на себя внимание ошибка у Табари, который считает Балаша сыном Пероза (Tabari, ed. Nöldeke, p. 133). Иешу Стилит называет Балаша братом Пероза, но здесь, вторично указав на родство его с Кавадом, сыном Пероза, прибавляет «его брата». Повидимому, и в сирийской, и в ирано-арабской традиции степень родства между Перозом и Балашем не была точно установлена, что может объясниться обычаем царей жениться на своих сестрах и дочерях.

⁴ Bury. *History of the later Roman Empire*, t. I. London, 1923, pp. 429—430.

ство Кавада находилось в пути. «Когда персидский посол оповестил Кавада, своего господина, относительно перемен в ромейском государстве, он послал ему сказать, чтобы тот поспешил отправиться и потребовал обычное золото (ܟܠܬܐ ܕܟܝܢ ܟܠܬܐ ܕܟܝܢ) или сказал царю: «Принимай войну».¹ Анастасий ответил отказом в дотации, причем персам вновь напомнили о Низибии и необходимости вернуть ее ромеям. Другим доводом отказа было указание на то, что Византия и сама ведет непрерывные войны с варварскими народами. Отсюда можно заключить, что и в этот раз персы запрашивали «золото», ссылаясь на защиту общих с империей границ. Отрицательный ответ Византии был несомненно в зависимости и от общего ослабления Ирана, силу и мощь которого расшатывали обостренная социальная борьба, стремление к обособлению Перс-Армении, нападения кочевых народов. Ответ Анастасия гласил: «Как Зенон, царствовавший до меня, не посылал, так и я не пошлю тебе [золота], пока не вернешь мне Низибию. Немалые войны и у меня с варварами, называемыми гепидами, и с теми, которые называются блеммиями, и со многими другими. И я не оставлю ромейские войска, чтобы кормить твои».² Варварские народы, упоминаемые хроникой, гепиды в Европе и блеммины в Северной Африке требовали от Константинополя напряжения всех сил. Вследствие того, что Иран находился в состоянии брожения, он не представлял реальной опасности, а мятеж исаврийцев, взрывы недовольства в столице, войны с варварами требовали средств, которыми в достаточной мере казна не располагала.

Если посольство Кавада было отправлено в 491 г. н. э., то ответ Анастасия относится не ранее чем к 492 г., и в соответствии с сирийской традицией эти факты предшествовали бегству Кавада и смещению его с престола. Ненависть к Каваду жречества и части знати засвидетельствована источниками. На его положение влияли и неблагоприятно сложившиеся отношения с входившими в состав Ирана национальными и племенными единицами. Восстали армяне, «которые были под властью Кавада», они разбили войско с возглавлявшим его марзбаном и изъявили намерение стать под протекторат Византии. Вслед за этим восстало племя «кудишайе», занимавшее области близ Синжара и Дары.³ Они пытались захватить Низибию и «немалое время пападали на нее», имея намерение захватить ее и поставить в ней «царя из своих».⁴ В этом следует видеть попытку укрепить свое положение, так как, захватив такой большой город, как Низибия, и посадив своего царька, кудишиты могли занять относительно самостоятельное положение.⁵ «Тимурайе» не стремились ни к каким государственным формам существования. Они просто увидели, что ничего не получают

¹ Иешу Стилит, § 19 — syr. Wright, p. 16.

² Иешу Стилит, § 20 — syr. Wright, p. 17.

³ Nöldke. The chronicle of Ioshua the Stylite edited by Wright. Zeitschrift für die Deutsche Morgenländische Gesellschaft, B. 33, p. 157.

⁴ Иешу Стилит, § 22 — syr. Wright, p. 17.

⁵ Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935. На карте Mesopotamia et Armenia quarta кудишиты занимают западный склон плоскогорья Синджар в Бет-Арабае.

от Кавада, и восстали. На самой территории Ирана существовали, следовательно, племена, настолько самостоятельные и беспокойные, что от их разбоя приходилось откупаться. Их непослушание или восстание выразилось в том, что они, спускаясь с гор, грабили и обирали окружающих, проезжих и местных купцов, а затем вновь прятались в горах. Проделывали они это с относительной безопасностью, надеясь на высоту гор, в которых они жили.¹ Еще более свободно почувствовали себя полукочевые арабские племена, сосредоточенные вокруг аль-Хиры лахмидов. «Арабы, которые находились под его [Кавада] властью, когда увидели беспорядок в его государстве, стали разбойничать, насколько хватало сил, по всей персидской земле».² Все это было возможно только при явном ослаблении государства сасанидов, внутри которого шла открытая социальная борьба. Временно победило прогрессивное движение маздакитов, но затем они были подавлены реакцией, возглавляемой жречеством и знатью. Восстания и мятежи отдельных народов и племен еще усугубляли общее тяжелое положение. Попытки Ирана получить в Византии деньги на содержание войск тоже не удались, а между тем враждебные маздакизму силы начинали действовать все активнее. Кавад, сочувствовавший в этот период движению, все еще не хотел сдаваться. В Иране узнали об исаврийском мятеже и, считая, что Анастасий попал в достаточно трудное положение, вновь запросили «золото». Но «испугать» Византию и на этот раз не удалось, слишком мало было сил у персов для нападений, и ответ гласил: «Если ты просишь займы, я тебе пошлю, если же по обычаю, то я не пренебрегу ромейскими войсками, занятыми войной с исаврами, для того, чтобы стать помощью персам».³

Вторая попытка Кавада получить деньги относится ко времени войны с исаврийцами, длившейся с 493 по 498 г., по другим источникам даже до 499 г. н. э. Особенно напряженной она была между 494 и 497 гг.⁴ Смещение Кавада или его бегство произошло до июля 496 г., когда на престоле был уже его брат Замашп — креатура знати и жречества.⁵ К концу 495 или к началу 496 г. и следует отнести второе посольство Кавада к ромеям. Греческие источники — Феофан и Прокопий — относят эту просьбу к более позднему времени, когда Кавад вернулся после изгнания. Отказ Анастасия дать деньги оба источника считают единственным и недостаточным поводом для войны, начатой затем Кавадом. Феофан при этом сообщает, что император соглашался дать деньги, но только займы, под расписку.⁶ Сирийские источники после возвращения Кавада ни о какой

¹ Иешу Стилит, § 22 — syr. Wright, p. 18.

² Иешу Стилит, § 22 — syr. Wright, p. 18.

³ Иешу Стилит, § 23 — syr. Wright, p. 18.

⁴ Brooks E. W. Emperor Zenon and the Isaurians. The English Historical Review, t. 8, № 30, april, 1893, pp. 209—238. — Bury. History of the later Roman Empire, t. I, p. 433.

⁵ Tabari, ed. Nöldeke, p. 435.

⁶ Theophanes. Chronographia, t. I, p. 144. — Procopius. De bello persico, l. I, cap. 7, p. 30.

просьбе о деньгах не говорят; она была его последней ставкой до смещения. Остригательным ответом Константинополя он был «унижен потому, что замысел его не удался», и теперь реакционные силы государства еще смелее подняли голову. «Знатные персидские [люди] думали тайно убить Кавада за нечистые обычаи и извращенные законы. Когда он это узнал, то он оставил свое государство и бежал к гуннам, к царю, у которого он рос, когда был заложником».¹ Мною уже указывалось, что часть землевладельческого класса и сам Кавад были склонны поддерживать движение маздакитов, в резкой вражде с которыми находились знать и жречество. Когда последние стали брать верх, они немедленно решили избавиться от нежеланного паря. Ирано-арабская версия говорит о его заточении и затем чудесном избавлении из тюрьмы. Рассказ этот представляет собою часть «романа о Каваде» и не отвечает исторической действительности. Едва ли можно предположить, чтобы ненавидевшая Кавада знать, схватив его, не изувечила и не умертвила его. Наиболее вероятно, что в соответствии с сирийской традицией Кавад бежал и что только бегство и сохранило ему жизнь. Покидая престол, в конечном счете он не оставлял надежды вернуться. В государстве силами, на которые он мог опереться, были средние землевладельцы и часть знати. Иранские источники связывают с его освобождением из тюрьмы имя Сиявуша.² У гуннского царя, к которому устремился Кавад, он искал военной помощи и нашел ее. Он породнился с гефталитами, женившись на царской дочери. Последняя происходила от брака гефталитского царя с сестрой Кавада, захваченной в плен во время войны ее отца Пероза с гуннами. Сестра Кавада и устроила его брак со своей дочерью. «Он приободрился, породнившись с царем, и, плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истребить знать и утвердиться в своем государстве».³

В источниках Табари сохранились следы исторической действительности, отраженной в сирийской традиции. Сообщая о вражде и борьбе Балаша (ошибочно, вместо Замашпа) с Кавадом, Табари говорит, что он был вынужден бежать «к хагану, тюркскому царю», чтобы просить у него помощи и вспомогательных войск. К этому факту Табари возвращается вторично, вновь говоря о бегстве.⁴ Гефталиты и в других источниках называются иногда гуннами, иногда тюрками и абделами.⁵ Нет сомнения, что речь идет о бегстве к гефталитскому двору, с которым Кавад был связан с того времени, когда «рос там», оставаясь в качестве заложника. Настоятельные просьбы Кавада, а в большей степени заинтересованность гуннов в сохранении благоприятных отношений с персами, склонила их к тому, чтобы поддержать и восстановить Кавада на престоле. «И дал ему его тесть немалое войско по его просьбе. Когда он достиг персидской земли, услышал

¹ Иешу Стиллит, § 23 — syr. Wright, pp. 18—19.

² Christensen, *ibidem*, p. 344.

³ Иешу Стиллит, § 24 — syr. Wright, p. 19.

⁴ Tabari, ed. Nöldeke, pp. 133—135.

⁵ Theophylacti Simocattae. *Historiae*, l. VII, cap. 7, § 8, p. 257; l. IV, cap. 6, § 10, p. 161. Ed. de Boor, Lipsiae, 1887.

об этом его брат и бежал от него, а Кавад исполнил свое желание и казнил знатных».¹ Возвращение Кавада следует отнести к 498/9 г. н. э. Сирийские источники утверждают, что по своем восстановлении Кавад расправился со знатью. Приведенное сообщение требует поправки: Кавад казнил ту часть знати, которая была ему враждебна и оказала сопротивление. Также несомненно, что другая часть оказывала ему поддержку и он опирался на нее в момент своего возвращения. Иранские источники упоминают Зармира, сына Сокры, помогавшего Каваду восстановить свои права.² Часть высших слоев иранского общества — знати и жречества — была смята маздакитским движением, другие поплатились, когда возвратившийся Кавад рассчитался с врагами. Известно, что еще Хосрой Апушерван, в своей реакционной политике, искусственно насаждал и пополнял поредевшие ряды знатных.³ Опираясь на военную силу в лице гуннских войск, Кавад провел ряд мер, направленных на восстановление некоторого равновесия в государстве. Прежде всего было необходимо заставить подчиниться те племена и народности, которые вышли из повиновения. Царская казна была пустой еще до бегства Кавада, за время царствования Замашпа она не пополнилась. Подкупать и платить было нечем, но нашлись дипломатические убедительные слова — Кавад «послал к тимураюе, угрожая им, если они не подчинятся ему по своей воле, то они дождутся, что он их победит в войне». При условии, что они примкнут к его войску и отправятся с ним в ромейскую землю, он обещал уделить им часть добычи, чтобы возместить то, «что у них было отнято». Те испугались гуннских войск и подчинились ему.⁴ Тимуриты были вынуждены послушаться, так как они опасались военных действий со стороны Кавада, угрозы которого, при наличии военной опоры гефталитов, были вполне реальными.

Кудишиты (кудишайе), жившие около Низибии и желавшие сделать ее своим племенным центром (захватив Низибю, «поставить царька из своих»), сами поторопились подчиниться. Наиболее сложно обстояло дело с Арменией. Правящие круги последней сопротивлялись, опасаясь жестокой расплаты за свои действия. Их попытка стать под протекторат Византии была сама по себе изменой Ирану. Кавад взялся за оружие, «собрал войска и воевал с ними». Но взяв «верх», вопреки обыкновению, не разграбил их, а обещал им покой, если «они станут ему помощниками в войне с ромеями». Армяне примкнули к нему, хотя хронист уверяет, что они это сделали «по боязни, против воли».⁵ Зато арабов не надо было склонять к участию в войне. Узнав о походе, они сами слетелись к шаханшаху.

Войско гефталитов, данное Каваду его тестем, находилось еще при нем. Поддержка, оказанная ему, требовала вознаграждения не только царя гуннов, но и его войска. Их недостаточно было кормить и содержать,

¹ Иешу Стилиит, § 24 — syr. Wright, p. 19.

² Burgu, *ibidem*, t. II, p. 9. — Christensen, *ibidem*, p. 345.

³ Tabari, ed. Nöldeke, p. 142.

⁴ Иешу Стилиит, § 24 — syr. Wright, p. 19.

⁵ Иешу Стилиит, § 24 — syr. Wright, pp. 19—20.

им надо было дать возможность обогатиться. Во всех переговорах Кавада, когда он составлял коалицию против Византии, он указывал на тот источник, из которого он будет черпать средства, чтобы вознаградить союзников за участие в войне. Добыча, которая будет захвачена в ромейской земле, — вот казна, которой он сможет распоряжаться. Из добычи будет уделено воинственным тимурае, за ее счет обогатятся армянские и иранские войска, она даст возможность расплатиться с гефталитами. Эта военная добыча — совершенно реальное богатство, приносимое войной высшим слоям общества. В меньшей степени добыча доставалась рядовому воину, но все же в какой-то степени доставалась и ему. Возможность напасть, захватить, ограбить, взять в плен была общим интересом и стимулом, объединившим племена и народы державы сасанидов. Походом на ромеев разрешалось несколько задач. Он объединял распадавшиеся национальные группы государства, создавал возможность обогатить казну, срочно требовавшую пополнения, наконец, жестоко подавленное маздакитское движение оставило глубокий след, и от последствий не улегшейся социальной бури следовало искать отвлечения во внешнеполитических действиях.

Историографы Византии — Прокопий и Феофан — считают, что в период между возвращением Кавада и его походом он вновь обращался в Константинополь за «золотом», в котором он нуждался, чтобы уплатить гуннскому царю. Анастасий ответил отказом, считая, что на эти деньги персы будут укреплять свою дружбу с гефталитами, тогда как в интересах Византии было поселить между ними вражду. Феофан утверждает, что Анастасий соглашался давать деньги только под расписку, а Кавад счел это за оскорбление.

Как уже было отмечено, византийская традиция единственным поводом к войне Кавада считает отказ Константинополя от дотации. В действительности поводов для войны с Византией искать было не нужно, их было достаточно. Поддержку, оказанную восстанию в Перс-Армении, Иран мог расценивать лишь как враждебный для себя акт. Как таковой расценивались и интриги Константинополя у гефталитов. Но главным побудительным мотивом было стремление обогатить персидскую казну, правящий класс и войско за счет Византии и возможность сплотить племенные единицы, входившие в состав Ирана, в общих военных действиях.

ПОХОД КАВАДА

«В двадцать второй день месяца Аб этого года [август 502 г. н. э.], в ночь на пятницу, большой огонь был видим нам горящим в северном краю [пеба]. . . В тот же день, когда был виден этот огонь, Кавад, сын Пероза, персидский царь, собрал все персидское войско, отправился и пошел на север».¹ Так начинается повествование о походе Кавада Иешу Стилит. Первый удар персидского войска был направлен на Феодосиополь — Эрзерум в византийской Армении. В области создались благоприятные условия, давшие возможность овладеть через несколько дней городом. Правителем

¹ Иешу Стилит, §§ 47, 48 — *syg. Wright*, pp. 43—44, 44—45.

его (𐤊𐤍𐤁𐤏) ¹ был Константин. Враждебно настроенный в отношении Анастасия, он «восстал» против ромеев и предал город Каваду. Последний сделал его полководцем (𐤊𐤍𐤁𐤏 𐤍𐤁𐤏), т. е. сохранил ему высокое звание, рассчитывая использовать его в будущем. О предательстве Константина знает и Феофан, называющий его сенатором и начальником Иллирийского отряда.² Феодосиополь был разгромлен, опустошен и сожжен. Подобная же участь постигла и все «селения северной стороны», а не успевшее бежать население было захвачено в плен, что было равносильно обращению его в рабство.

Конец августа и сентябрь 502 г. были заняты операциями в Армении. Отсутствие организованного сопротивления персидским и гуннским войскам облегчило им ограбление и пленение не только области, тяготевшей к Феодосиополю, но и ряда византийских провинций, лежавших на пути к Амиду и Эдессе. Сирийская хроника называет Агел, Суф, Армению и Ароб (или Араб).³ Агел (Ἀγγέλ, 𐤀𐤂𐤂𐤍) — старинное название области тяготевшей к Амиду и расположенной от него на север. Официальным названием византийской провинции, центром которой был Амид, было Mesopotamia, но в сирийских источниках эта область сохранила наименование Агел. Суф — 𐤍𐤎𐤏, Софена или Софанена, с центром Мартирополем была заселена смешанным — армянским и сирийским — населением и состояла под протекторатом Византии. Вся она была разграблена Кавадом, а Майферкат (Мартирополис) был ему сдан правителем Федором. Персидский царь не только имел возможность ограбить город, но и получить большую сумму денег, составлявшую собранные, но не отосланные в Константинополь налоги за два года.⁴ Под Арменией разумелась византийская Армения, по которой Кавад продвигался на юг от Феодосиополя (Эрзерума) до Софанены.

Араб, или Ароб, постоянно встречается в сирийских источниках как название части северной Месопотамии. У этого наименования имеется своя история, частью легендарная, но дающая возможность точно указать, к какой именно части Междуречья оно приурочивалось. Бет-Арабайе или в пехлевийском — Арвастан представляет собою область с главным городом Низибией. Так она упоминается и Фаустом Византийским. Один сирийский писатель говорит: «Провинция Бет-Арабайе тянется от Низибии до Тигра, область, которая бывает подчинена то ромеям, то персам». . . Эта часть Месопотамии была населена арабами Иовинианом, по распоряжению императора Юлиана. «Провинция была названа Араб, а границей между обеими областями — персидской и ромейской — был город Низибия. . .»⁵

¹ Сирийский термин более всего отвечает званию комита. — А д о н ц. Армения век Юстиниана. СПб., 1908, стр. 134—135.

² ἄνδρὸς συγλητικῆς τε καὶ Ἰλλυρίων ἄρχαντος ταρχήτων — Theophanes. Chronographia, t. I, p. 144.

³ Иешу Стилиит, § 50 — syr. Wright, p. 46.

⁴ Prosopius. De aedificiis, I, 3, cap. 2, p. 248.

⁵ Hoffmann. Auszüge aus syrischen Akten persischer Martyrer, pp. 22—23. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlands, B. VII, H. 3, Leipzig, 1880.

Впоследствии, когда Низибия и часть этого пространства отошли к Ирану, за область под властью персов утвердилось наименование Бет-Арабае — Арвастан, а часть, отошедшая к ромеям, называлась Араб (𐤀𐤓𐤁, Ἀράβ). Поэтому в пехлевийской литературе вполне понятно выражение «ромейский Арвастан», так как оно отражало тот исторический момент, когда в 591 г. Хосрой II вынужден был отдать Бет-Арабае Византии.¹ Еще во время Трояна (114 г. н. э.) эта область называлась Арабией, она сохранила это имя и у Феофилакта Симокатты. Есть указания, будто бы еще Тигран Великий переселил сюда бедунов, арабов-скинитов, желая сохранить торговый караванный путь в своих руках. Араб, следовательно, область верхней Месопотамии, заселенная преимущественно арабами, которая тянется на запад от Низибии и персидской провинции Бет-Арабае (южнее Бет-Софанае).

Опустошение и разорение византийских областей, богатых торговых и ремесленных центров, вынудили Константинополь срочно принять меры. Была сделана попытка остановить военное наступление персов. Анастасий, опасаясь войны, которой он, очевидно, не ожидал, поторопился послать «золото» с Руфином Каваду, чтобы прекратить наступательные действия его войск. В Кесарии Каппадокийской византийский посол узнал, что персы опустошили ряд областей. Предусмотрительно оставив золото в Кесарии, Руфин отправился к персидскому царю с предложением взять «золото» и уйти из ромейских пределов. Кавад не только не согласился, но схватил самого Руфина и «приказал его стеречь». На опасения вести войну, невозможность сопротивляться указывает эта попытка Византии откупиться от персов даже тогда, когда границы были попорчены, а города и селения разграблены. Но господствующие слои персидского общества уже вошли во вкус примитивного грабежа, страсти разгорелись, было решено продолжать войну, так как захватнические стремления не были еще удовлетворены в полной мере.

«В пятый день месяца Тишри первого, в субботу» (пятого октября 502 г.) Кавад и все его войско осадили «город Амид, который находится около нас в Месопотамии». Для автора хроники, Иешу Стилита, это определение понятно, так как сам он находился в Эдессе и отсюда, как из центра, ориентировался на все окружающие города.

Персидское войско повело осаду Амида, применяя ряд сложных приемов по всем правилам современного им военного искусства. Когда ряд попыток взять город не увенчался успехами и стало ясно, что войти в него в ближайшее время нет надежды, Кавад, не снимая осады, поручил части своего войска другие операции. Один удар был направлен на Теллу, в южном направлении от Амида, другой на Харран, стоявший на притоке Евфрата Гуллабе (Беллике). Нападение на Харран было специально поручено арабской коннице, входившей в состав персидской армии. Воевали арабы под непосредственным началом своего царя лахмида Наамана, но общее руководство осуществлялось персами. Возложенную на них задачу арабы

¹ Marquart. Eranšahr, p. 163.

начали немедленно выполнять. Часть же персидского войска была послана на Теллу (Константину); она двинулась, грабя и опустошая на своем пути все, что находила.

Военное управление области или города в Византии возлагалось на полководца, имевшего звание дукса. Второго ноября 502 г. Олимпий — дукс Теллы и Евгений — дукс Мелитены выступили со своими войсками против персов. Евгений прибыл из Капподокийской области, центром которой была Мелитена. Она прилегает к западной границе провинции Месопотамии, на север от Самосаты. Посланные в качестве подкрепления войска дуксов перебили персидские отряды, расположившиеся в деревнях под Теллой. При возвращении в город из окрестностей ромейским военачальником было донесено одним из лазутчиков, в которых не было недостатка с обеих сторон, что недалеко в долине находится отряд человек в 500 персов. Византийское командование решило произвести на них внезапное нападение, но «ромейское войско, бывшее с ними, разбредось обирать убитых».¹ Такая форма обогащения путем грабежа, которым пользовались рядовые воины, была типичным явлением для военного времени. В примитивном, полувоенном обществе арабов они собирали добычу и затем распределяли ее. Так происходили дележи у персов, причем львиная доля награбленного доставалась царю. Византийские войска, нападая на селения, забирали добычу, захватывали обозы, грабили города, как это делали и персы с арабами. Трофей и наиболее ценная часть добычи отсылались в столицу, остальное оставалось в собственность полководцев и войск. Последние в части своей состояли из варварских дружин германских, а в эту войну особенно многочисленных готских. Сирийские летописцы обычно называют византийские войска «ромеями», в этом случае они упорно говорят о «готах». Готы стремились захватить возможно больше, так как часть добычи составляла их личное обогащение. Одной из форм этого обогащения было обирание убитых. Выше уже приходилось указывать на то, что взаимоотношения армии с местным населением носили враждебный характер. С этим тесно связан вопрос об этническом составе самой армии, о том, из кого она вербовалась. Сирийцы жаловались на отдельные пайки солдат, которые ходили грабить население, это подтверждает и Прокопий Кесарийский. Обирали убитых ночью, поэтому Олимпий, дукс Теллы, решил созвать войска трубными звуками, которые подавали из рогов и рожков (*κρούειν κέρατα* — трубить в рога). Кроме того, разожгли костер на вершине холма, чтобы собрать тех, что разбредлись.² Шум и свет обратили на себя внимание персидских марзбанов, находившихся в селении Тельбешмай. Они собрали свое войско и двинулись на ромеев. Конные византийские воины, увидав, что персов больше, повернули, пешие же были «вынуждены драться».

Подробности боевых приемов и способа защиты не лишены интереса. Византийская пехота построилась в боевой порядок, называвшийся *χελώνη*—

¹ Иешу Стилит, § 51 — syr. Wright, p. 47.

² Иешу Стилит, § 51 — syr. Wright, p. 47.

черепаха.¹ Основным в этом приеме было особое расположение щитов; они составляли как бы покров черепахи и защищали воинов. Преимущество персидского войска заключалось в том, что оно состояло из кавалерии и пехоты. Арабские и гуннские отряды, входившие в состав персидского войска, были только конными. Преобладание конницы решило дело в пользу персов. В византийских рядах активно сопротивлялась только пехота. Конные ряды арабов принудили ее «нарушить ряды» и они спутали свое расположение. Восстановить стройный боевой порядок не оказалось возможным, пехота «смешалась с всадниками» и в результате была «потоптана и уничтожена под копытами арабских лошадей». Те, что не погибли, были взяты в плен. Описанный бой представляет собою характерное явление, заставившее Византию с большой настойчивостью переходить на конные войска. Инфантерия в столкновениях с кавалерией, как правило, была обречена на гибель. В столкновениях с кочевыми народами, «варварами» — гуннами, арабами оказывалось необходимым располагать конным войском, что и было учтено военным ведомством империи, и для V, VI вв. характерно увеличение этих частей в составе войск.²

Как известно, арабы были неспособны к осаде городов; умение брать высокие стены, требовавшие применения особых машин — таранов, было искусством, которое им было незнакомо. Но если арабы и не умели брать стен (τεῦχοςμαχεῖν), они были грозой для войск и населения вне города.

Двадцать шестого поября (месяц Тишри второй) 502 г. Нааман, посланный Кавадом, вошел со своим войском в область Харрапа. Ему досталась огромная добыча и большое количество пленных благодаря тому, что «было время сбора винограда, так что не только деревенские вышли на сбор его», но вышли и многие жители Харрапа и Эдессы, и были взяты в плен. Сбор винограда требовал рабочих рук, и городское население массами выходило на работу, оставляясь почевать на это время в селениях и деревнях. В плен было захвачено 18 500 человек, по сообщению Йешу Стилита. В это число входили также женщины и дети, так как арабы забирали в плен «целые деревни». Вся область Харрапа, до самой Эдессы, была ограблена. Арабы совершенно опустошили ее, забрав огромные количества добычи, весь скот, всякое имущество и вообще все, что было возможно. Действительного сопротивления в области не было оказано, только Эдесса приняла меры, чтобы усилить защиту города.³

Дукс Мелитены Евгений, специально посланный с войском к Телле, после поражения Олимпия, не считая возможным сопротивляться всему персидскому войску, направился к Феодосиополю, уничтожил в нем отряд персов и вновь овладел городом.

Тактика персидского войска в этом походе Кавада, так же как и через несколько десятков лет тактика Хосроя — одна и та же. Внимание было

¹ Й е ш у С т и л и т, § 51 — syr. Wright, p. 48.

² О м а н. A history of the art of war in the middle ages, t. I, Second edit., London, 1924, p. 21.

³ Й е ш у С т и л и т, § 52 — syr. Wright, pp. 48—49.

сосредоточено не на захвате и закреплении за собой территории, а на ограблении областей и осаде городов с целью получить выкуп или, захватив город, разграбить его. Опустошив и забрав из пограничных областей все, что было возможно, персы сосредоточили свои силы вокруг Амида, считая, что здесь будет наиболее богатая добыча. Подобная тактика диктовалась интересами немедленного обогащения награбленным имуществом, военнопленными, скотом и т. д. Так как основной силой в войне того времени было войско, а истребление его было равносильно победе, то, имея многочисленную и сильную армию, и Кавад, и Хосрой без опасений заходили глубоко в тыл в византийские пределы, считая боеспособность ромейских войск несравненно ниже своей. Разбить персов, уничтожить их войска в 502 г. у ромеев не было сил, поэтому и Евгений предпочел уйти, лишь бы сохранить свои войска.

В отдельных случаях имели место захват территории и стремление сохранить ее за собой. Персы захватили Низибью, стремились захватить Амид, но неоднократно случалось, что, захватив и разграбив город, они оставляли его и уходили не дорожа присоединением его к государству, или не имея сил его сохранить. В походе Кавада 502 г. отчетливо выявлялась цель — удовлетворить стремление к немедленному обогащению, которое было им обещано его коалиционным войскам.

ВЗЯТИЕ АМИДА ПЕРСАМИ

Осада персами одного из самых крупных и богатых центров Месопотамии — Амида в 502 и 503 гг. н. э. оставила глубокий след в современной литературе. Прокопий Кесарийский сообщает о ней подробно, имеются известия у Феофана, у Малалы, но с наибольшими подробностями об этом сообщают сирийские историографы. В основе сообщений Малалы лежит повествование Евстафия Епифанийского, сирийца, на которого неоднократно ссылаются и Евагрий. Не входя здесь в подробную критику источников, следует, однако, указать на то, что вопрос о связи и заимствованиях в сирийских источниках между собою и в греческих из сирийских требует соответствующего анализа. Сирийцы, в первую очередь сирийский Захарий Митиленский, располагали материалом из городского архива Амида. Иоанн Ефесский вспоминает об осаде Амида, как о событии, происходившем, когда он был юпошей. Во время осады Кавада, говорит он, «все мы жили в школе, называемой Ортайской, в стенах [города], всех нас было около 300 мужей».¹ Традиция Иешу Стилита об Амиде пришла к нему из первых рук, но в ней есть тенденциозное умолчание о предательской роли монахов Картаминского монастыря, к чему придется еще вернуться в дальнейшем.

Сопоставляя известные источники, историю осады Амида можно представить подробно.

¹ I o a n n e s E p h e s i u s. De beatis orientalibus. Land. Anecdota syriaca, t. 2. Lugduni Batavorum, 1862, p. 282.

Кавад начал осаду 5 октября 502 г., применяя ряд сложных для того времени технических способов, чтобы взять город. Амид, получивший впоследствии название Диарбекира, с древнего времени был обнесен высокими и крепкими стенами из черного базальта, слывшими неприступными. Обложив город, Кавад перервал всякие его сношения с областью и повел осаду систематически. Персы метали стрелы из больших луков — под ними могут подразумеваться своего рода катапульты — и били стену тарапами.¹ Представление о военной технике у персов дают не только эти виды оружия, но и применявшиеся ими методы осады и приемы. Против городской стены персами была возведена насыпь, или искусственная гора. Греческие источники сохранили для нее название *λόφος*,² сирийское *ܠܘܬܐ*. Когда высота насыпи почти достигла высоты городской стены, на ней расположили таран и стали усиленно бить стену. Удары были направлены на ее верхнюю часть, недавно надстроенную. Новая надстройка не успела «устояться» и высохнуть, она поддалась, но основная часть стены осталась в полной неприкосновенности.³ Однако осажденные прокопали из города подземный ход под насыпь и выносили из-под нее землю в город, так что оставаясь снаружи в том же виде, укрепленная только подпорками, она стала полой внутри. Под тяжестью персидских воинов, взбравшихся на насыпь, она рухнула.⁴ Урон, который потерпели персы, был настолько велик, что Кавад поколебался в своем решении продолжать осаду; к тому же наступала зима, и народ, бывший с ним, «очень мучился». Персы, одетые в «шарбала» — широкие одежды, — зябли и тяжело переносили физический труд, связанный с осадой, и самые военные действия. С городской стены люди, не принадлежавшие к регулярному войску (*ܡܚܝܠܐ ܕܡܠܝܚܐ*), осыпали персов ругательствами.⁵ Кавад с гневом «слышал собственными ушами» эти насмешки. Увидев, что персы после падения насыпи собираются снять осаду, амидяне взобрались на стены и стали «издеваться над варварами», а блудницы, задирая платье делали всякие непристойности. Это послужило предлогом для «магов» уверить Кавада, что город будет им скоро взят.⁶ Жречество, представлявшее общие со знатью интересы, настаивало на продлении осады; эти слои персидского общества больше всего получали от грабежа на войне и менее всего рисковали жизнью. Намереваясь прекратить осаду, Кавад предложил городу дать ему выкуп. «Он просил, чтобы ему было дано небольшое количество серебра (*ܕܡܢ ܕܝܢܐ*), и тогда он уйдет от города. Но Леонтий бар Паппий, глава совета (*ܡܪܝܬܐ ܕܡܠܝܚܐ*), эгемон Кир и Павел бар Зайнаб, казначей (*ܡܪܝܬܐ ܕܡܠܝܚܐ*), через тех, что посылали к Каваду, спросили с него стоимость травы из садов, которую уничтожили его войска, и за прочее зерно

¹ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 3, t. II, p. 22.

² Procopius. De bello persico, l. I, cap. 7, p. 32.

³ Иешу Стилит, § 50 — syr. Wright, p. 47.

⁴ Иешу Стилит, § 50 — syr. Wright, p. 47. — Procopius. De bello persico, l. I, cap. 7, pp. 32—33.

⁵ Zacharias Mitylenensis, l. 7, cap. 3, t. II, p. 23.

⁶ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 7, p. 33.

и вино, которое они собрали и увезли из деревень».¹ Кавад разгневался (ܟܠܕܝܢܐ) на это заявление, недовольна была и знать. Сумма серебром, затребованная Кавадом как выкуп, была небольшой, по словам летописца, а претензия, предъявленная городом на оплату корма, уничтоженного выючным скотом и лошадьми, на зерно и вино, захваченные воинами, делала ее совершенно ничтожной. Разрушенная насыпь и трудность восстановления ее в зимнее время также побуждали персов думать о возвращении, но едва ли заслуживает доверия сообщение Иешу Стилита, будто за три месяца, в течение которых персы «сидели» у города, у них погибло 50 000 в сражениях, «которые они вели ежедневно, и ночью, и днем».² Сомнение в этой цифре справедливо высказал еще Мертен.³ Снять осаду побуждало Кавада и то, что «народ» — рядовые войска страдали от холода и были утомлены окопными работами.⁴ Знать, желавшая обогатиться, никак не могла согласиться прекратить осаду. Таково было и требование «магов» — жречества. Каваду пришлось подчиниться.

Под давлением высших слоев осаду продолжали. Желая исправить провалившуюся насыпь, персы подпирали ее стволами деревьев и камнями снизу. Сверху они накладывали сшитые из волоса, шерсти или полотна мешки, тюки, наполненные землей и песком.⁵ Строить насыпь вновь персам приходилось под прикрытием большого полотняного навеса, натянутого над площадкой. Навес предохранял их от стрел, а чтобы сохранить его от огня, они поливали его водой. Но амидяне нашли возможность все же нанести персам тяжелый урон. Византийские мастера сконструировали большую камнеметательную машину, прозванную персами «уничтожителем» (ܟܝܠܕܝܢܐ). Эта машина метала камни огромной величины, свыше трехсот литр весом. Таким путем был разорван навес, и работавшие под ним персы были уничтожены, а насыпь не могла быть достроена. Помимо того, осажденные прибегали к различным мерам, чтобы ослабить действия персидских стенобитных машин. К зубцам крепостной стены они прикрепили цепями тюфяки, маты, мешки, которые должны были приглушать и смягчать удары камней баллист. Такой способ защиты стен был известен в византийской военной технике, о нем упоминает греческий анонимный трактат VI в. по военной технике, как о способе новом и ценном.

Феофан считает византийский гарнизон Амида немногочисленным. Поддержку оказывал им только Олимпий, занимавшийся охраной городов и заготовлением пищевых продуктов.⁶

Персы попытались взять Амид штурмом. В городской стене был сделан пролом, через него устремились воины. Они перебросили также на стены стволы деревьев, чтобы взобраться по ним и войти в город. Осажденные отбили атаку, умело действуя огнем. Они подожгли деревья при помощи

¹ Zacharias Mytilensis, l. 7, cap. 4, t. II, p. 25.

² Иешу Стилит, § 53 — syr. Wright, p. 50.

³ Merten. De bello persico ab Anastasio gesto. Lipsiae, 1905, p. 166.

⁴ Zacharias Mytilensis, l. 7, cap. 3, t. II, p. 23.

⁵ Иешу Стилит, § 53 — syr. Wright, p. 49.

⁶ Theophanes. Chronographia, p. 144.

пещи (𐎧𐎠𐎧𐎠), применение которой в военной технике было широко известно. Штурмом взять город не удалось, зато помогли хитрость и предательство.

Сообщение об этом у различных писателей несколько варьирует. Несомненно, однако, два факта, что персы воспользовались каким-то подземным ходом или акведуком, с одной стороны, и что предательство монахов, с другой стороны, облегчило им захват города.

По словам Прокопия, один из персидских воинов заметил около башни городской стены плохо заделанный старый подкоп. Он воспользовался им и попал внутрь города, а затем по утру сообщил о своем открытии Каваду.¹ В последующем изложении событий он сходится в основном с другими источниками. Сирийский Захарий дает другую версию, которая имеет несравнимо больше живых подробностей и подтверждается сообщениями Прокопия.

С западной стороны города, около Трипиргия (греческое Τριπυργός, три башни) стену охраняли монахи из монастыря Иоанна Ортайского, настоятелем (ἀσπύτης) которого был перс. Речь идет о монастыре, упоминаемом Иоанном Ефесским, который жил в то время в Ортайской школе при монастыре, находившемся в стенах города.² Против Трипиргия расположились войска одного из марзбанов — Капарака³ хромого. Изо дня в день, наблюдая за осажденными, марзбан обратил внимание на некоего человека из городских, по имени Кутрига (𐎧𐎠𐎧𐎠𐎠𐎠).

Это был храбрый и лукавый муж, который ловко нападал на персов, угонял у них скот и забирал имущество. Амидяне со стены неоднократно кричали ему, называя его по имени Кутрига (Котрига). Обратив на него внимание, Капарак обнаружил, что он входит и выходит в отверстие акведука или канала сточной воды у башни Трипиргия. Однажды персы проследили за ним и точно узнали это место. Ночью Канарак с небольшим отрядом воинов, вслед за Кутригой, пробрался к стене. Предательство подготовило для них почву — в этом сходятся все источники, из которых наибольшее число подробностей имеется у Прокопия и Захария Митиленского. Монахов, которые стерегли с этой стороны стену, кто-то на ночь угостил вином, к тому же была дурная погода, они стремились укрыться от дождя. Крепко заснув, монахи «не подняли тревоги», «не стали бросать камней». Поняв, что они спят, перс послал за войском и за лестницами. Версию о предательстве Прокопий несколько смягчает тем, что сообщает, будто монахи справляли годовой праздник и поэтому поели и выпили больше обыкновенного.⁴ Сирийская традиция, однако, считает сдачу города предательской и указывает, что настоятель монастыря по национальности был персом. Об этом говорят Захарий Митиленский, Иоанн Ефесский, Иешу Стилит. Последний сообщает следующее: «В десятый день месяца

¹ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 7, pp. 33—34.

² Ioannes Ephesius. De beatis orientalibus. Land. Anecdota, t. 2, p. 283.

³ Имя передается не вполне точно, в некоторых списках он Каранак.

⁴ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 7, p. 34.

Капун второго (10 января 503 г., — Н. П.), стерегшие стену выпили из-за холода много вина, а когда наступила ночь, они заснули и впали в глубокий сон». Другие предпочли оставить свои места, потому что пошел дождь и они отправились домой, «чтобы укрыться от непогоды. По причине ли этой небрежности, как мы полагаем, или по предательскому сообщению, как говорят люди, или по наказанию божью, но персы овладели стеной с помощью лестницы, не открыв ворот и не пробив стены».¹ Из соседних башен пытались притти на помощь, но их нападение было отбито персами. На утро бой продолжался. Иранские войска брали башню за башней, пока вся стена не оказалась в их руках. Кавад сам наблюдал за битвой и отдал распоряжение убивать как беглецов, тех, которые попытаются вернуться или повернуть обратно.² Другой рассказ говорит, что он угрожал воинам собственным оружием, когда они дрогнули и хотели отступить от башни.³ С подробным рассказом сирийских хроник и Прокопия совпадает и сообщение Феофана, что после трехмесячной осады на стены Амида персы забрались по лестницам около башни, которую стерегли монахи.⁴

Город оказался во власти персов. В течение нескольких дней происходило избивание его жителей, так что образовались целые горы трупов. Ужаснейший смрад вынудил вывезти трупы за северные ворота, в южные — должен был въехать сам Кавад. Когда возили трупы, их подсчитывали и оказалось, что общее число достигает 80 000. Фигурирует это число в двух сирийских хрониках у Иешу Стилита и Захария Митилеянского. «Оставшиеся персы, чтобы не досаждал им смрад трупов амидян, вынесли их и сложили в две груды за северными воротами. Число тех, что вынесли в северные ворота, было больше 80 000». Помимо того, других вывели живыми, побили и сбросили в Тигр. Много было «умерших при различных обстоятельствах, так что мы не в состоянии рассказать об их смертях».⁵

«Через три дня и три ночи убивание прекратили по приказу царя, и вошли мужи, которые должны были оберегать сокровищницы церковные и [принадлежавшие] богачам города (ܩܕܝܫܐ ܕܡܕܢܚܐ ܕܩܕܝܫܐ ܕܡܕܢܚܐ), чтобы найденное в них принадлежало царю. Было также приказано, чтобы трупы убитых на улицах (ܕܗܠܐ) ⁶ и распятых были спесены в северную часть города, чтобы царь мог въехать, так как он был в южной стороне. [Трупы] собрали и, когда их выносили, — пересчитали, было их 80 000, не считая тех, что были положены в лавках (ܕܡܕܢܚܐ), брошены в капалы (ܕܡܕܢܚܐ) и оставлены во дворах».⁷ Как видно из приведенных переводов, дословно тексты не совпадают, каждый автор по своему передает известные ему подробности. В деталях прямой зависимости авторов друг от друга или

¹ Иешу Стилита, § 53 — syr. Wright, pp. 50—51.

² Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, p. 27.

³ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 7, p. 35.

⁴ Theophanes. Chronographia, pp. 144—145.

⁵ Иешу Стилит, § 53 — syr. Wright, p. 51.

⁶ ܕܗܠܐ, platea, male palatia. Via lata — πλαταια — Payne-Smith. The-saurus syriacus, t. II, c. 3155.

⁷ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, t. II, p. 28.

Из церковной сокровищницы Каваду досталось много серебра, священных сосудов, золота и дорогих одежд. Кроме того, «из домов богачей было

^a Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, t. II, p. 28.

собрано золото, серебро, драгоценные одежды и были отданы царским казначеям (ܐܬܝܪܐ ܕܐܝܪܐ, thesaurarii).¹

По материалам, относящимся к более позднему периоду, драгоценные металлы — золото, серебро, как правило, по статье закона из военной добычи отчислялись царю.²

Сведения в законнике Мхитара Гюша XII в. относятся уже к позднему феодальному периоду, но они закрепляют традицию, сложившуюся на много веков ранее.

Дополнительно перечислены в хропике предметы роскоши и произведения искусства, которые были захвачены Кавадом. Были сняты все городские статуи (ܐܬܝܪܐ ܕܐܝܪܐ), украшавшие город и часы, собственно «дома часов» (ܐܬܝܪܐ ܕܐܝܪܐ), собирали мрамор (ܐܬܝܪܐ ܕܐܝܪܐ), медь (ܐܬܝܪܐ ܕܐܝܪܐ) и вообще «все что желали». Добыча, доставшаяся царю, была отправлена из Амида в Иран на лодках, построенных из дерева тут же, на Тигре, «протекающему на востоке города и текущему в их землю». Вниманию к предметам роскоши, к искусству следует отметить, как известную индивидуальную черту Кавада. Он имел склонность к строительству, стремился возводить общественные постройки и здания. Статуи, произведения римского и византийского периода, известны в Иране в эпоху сасанидов и по другим источникам: например о конной статуе императора Трояна упоминает Иоанн Ефесский.⁴

Ценной частью добычи был живой товар — военнопленные. Царь приказал разыскать «старейшин города и правителей» (ܐܬܝܪܐ ܕܐܝܪܐ). Перед ним предстали уже упомянутые Леонтий, эгомоп Кир и «прочие знатные» (ܐܬܝܪܐ ܕܐܝܪܐ). Что касается Павла бар Зайнаб — эконома (ܐܬܝܪܐ ܕܐܝܪܐ), то он был убит персами по специальным соображениям. У Павла было найдено множество золота. На основании уже приведенных выше фактов следует считать, что оно должно было стать собственностью царя. Павла персы убили, опасаясь, что он «откроет ему» относительно того золота, что было у него найдено. «Персы», вероятно, принадлежавшие к высшему классу, могли поделить его богатство между собою. Анализ текста, несомненно, подтверждает, что золото, как правило, было царской добычей в Иране, в эпоху сасанидов. Не передать найденного золота, очевидно, было пельзя, по тем сильнее было желание захватить золото, о котором царю и его казначеям не было известно.

Леонтий и Кир были наказаны шаханшахом, как плохо управлявшие городом и не умевшие сдерживать народ. Кавад делал их ответственными за все оскорбления, которые ему пришлось выслушать от амидян, поносивших его с городских стен. Обоих правителей подвергли позорному наказанию, а затем связали, как пленных. «Собрав знатных и всех высших ремесленников, их отделили, как пленных царя». Таким образом, как специально царских военнопленных отделили (ܐܬܝܪܐ ܕܐܝܪܐ) высших должност-

¹ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, t. II, p. 29.

² Сборник Фердовси. Л., 1934, стр. 85—86.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, t. II, p. 29.

⁴ Ioannes Ephesus. Historia, l. 6, cap. 23, Ed. Cureton. p. 397.

ных лиц города, знатных или богачей (**ܡܕܝܢܝܝܐ**) и, наконец, высший слой ремесленников. **ܡܪܝܬܝܐ ܕܝܢܐ** — это крупные мастера или ремесленники наиболее опытные, известные. Их считали царской добычей, они были нужны Каваду, как способные наладить свое производство в Иране, как люди, труд которых мог быть использован. Византийская техника, приемы западного искусства и производства не могли не привлекать его внимания и желания насадить их у себя. Всех этих людей под охраной войска отправили в персидское государство. Знатные женщины попадали в гарем царя, как дочь Пероза, попав в плен, стала женой царя гефталитов.

Таким образом и при разделе военнопленных царь получал наиболее ценную их часть, как лиц принадлежавших к высшим слоям общества, которые могли быть выкуплены родственниками, или особо квалифицированных ремесленников, труд которых представлял особую ценность.

Нельзя не отметить еще одного факта. После того, как пленные царя были отправлены в Иран, «приблизились известные люди из царского войска к царю и сказали ему: „Наши близкие и братья были убиты в боях жителями города“ и они просили у него, чтобы он выдал им одного из десяти мужей для мщения. Собрали, сосчитали и дали им из простых людей (**ܡܪܝܬܝܐ ܕܝܢܐ**) и они умертвили их, убивая их всякими способами».¹

Мучения, которым были подвергнуты эти «простые люди» из числа жителей города, можно себе представить хотя бы по перечню девяти смертей, известных в Иране.² Не случайно, конечно, что участь эта постигла «простонародие», людей, принадлежавших к эксплуатируемому городскому слою населения.

Зимовал Кавад в Амиде, где он, следовательно, провел первые месяцы 503 г. Он покинул город по прошествии зимы, оставив в нем «Эглопа — полководца правителем, двух марзбанов и около 3000 войска оберегать город».³ 3000 войска фигурируют дважды у Захария. Иешу Стиллит говорит также об отряде в 3000 человек.⁴ Греческая традиция считает, что войска было оставлено только 1000 человек и несколько «несчастливых амидийцев» в качестве обслуживающего персонала.⁵ Для выполнения функций административного характера, чтобы управлять народом (**ܡܪܝܬܝܐ ܕܝܢܐ**), персы оставили двух или трех лиц из богатых (**ܡܕܝܢܝܝܐ**), очевидно, местных людей. Два имени сохранились, это арамейские имена, т. е. имена сирийцев — Иоханан бар Хеблаха и Саргис бар Забдони.⁶ Нет ничего неожиданного в том, что Иран опирался в управлении завоеваний городами и провинциями на те же слои, на которые опиралась и Византия. Представители

¹ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, t. II, p. 30.

² Christensen, ibidem, p. 305.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, t. II, p. 30; l. 7, cap. 5, t. II, p. 31.

⁴ Иешу Стиллит, § 53 — syr. Wright, p. 51.

⁵ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 7, pp. 33—36. — Theophanes Chronographia, t. I, p. 145.

⁶ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 4, t. II, p. 30.

высших классов после поражения и расправы с ними, сами шли на соглашения с персами, желая сохранить в своих руках власть, экономическую базу, правовые привилегии. Только для эксплуатируемых классов изменение подданства ни в какой мере не меняло положение.

Одновременно с Кавадом основная масса персидского войска отступила к горе Шигар, по-арабски — Сиджар (سِجَار) за Кабур, на восток. Под этим названием подразумевается плоскогорье, расположенное в восточном направлении от среднего течения Кабура, где река образует колено. Южнее высот Сиджара расположен одноименный, укрепленный город. От Кабура на главную магистраль, ведущую к Сиджару, тянулись несколько дорог: 1) Хезеке — Хатуние; 2) Ташнурис — Баттис — Ум ад Диббан; 3) Амосте — Альхан — Ум ад Диббан.¹ Ближайшей для армий Кавада была наиболее северная из дорог. Между тем Константинополю необходимо было принимать срочные меры, чтобы выйти из положения. Амид был богатым городом, потеря которого ощущалась болезненно. Он играл большую роль и как один из наиболее хорошо укрепленных пунктов в пограничной с Ираном полосе. Несомненно, оказывало влияние и другое обстоятельство. Ближайшие к зоне военных действий области Византии были охвачены волнением, страхом, ужасом. Не чувствуя себя защищенным перед грозящей опасностью, сельское население этих провинций, не уведенное в плен, частью бежало, частью готовилось покинуть насиженные места. Создавалось положение угрожающее для Месопотамии и Осроены. Сирийский летописец ответственность за вести, пугавшие область, возлагает на Руфина, отпущенного Кавадом с тем, чтобы он сообщил о захвате Амида Анастасию. Руфин «повсюду рассказывал об этих ужасах». Вести просачивались, конечно, и помимо этого, так что «...слухами так были испуганы города на восток от Евфрата, что приготовились к бегству на запад». Иаков Серугский или Батнский, периодевт, писал по этому поводу специальные увещательные письма и обращения, уговаривая население оставаться на местах. К сожалению, в богатом литературном наследии этого сирийского писателя, упомянутые послания не сохранились.² Действенными были, конечно, не послания, а военная сила, двинутая на восток, так как услышав об этих страхах, император Анастасий «послал большое римское войско зимовать в этих городах и оберегать их».³ В том, что области, имевшие выдающееся торговое и промышленное значение, обезлюдели — была опасность государственного порядка, поэтому и были приняты меры, которые должны были внести некоторое успокоение.

Иран считал, что Византия ослабела и устрашена в такой мере, что с нее можно получить и больше того, что было им получено. «Кавад же не удовлетворился всей добычей, которую он наградил, пленными, которых он полонил, и не упилился множеством крови, которую он пролил, но отпра-

¹ P o i d e b a r d. La trace de Rome dans le désert de Syrie. Atlas, pl. CXL, Paris, 1934.

² B a u m s t a r k. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, pp. 148--158.

³ И е ш у С т и л и т, § 54 — syr. Wright, p. 52.

вил к императору послов, говоря: «пришли мне золота или принимай войну». Это было в месяце Нисан (апрель 503 г., — *Н. П.*).¹ Из приведенного сообщения ясно, что Анастасий отнюдь не «поспешил» послать достаточное количество войск, узнав об осаде Амида.² Войска были посланы гораздо позднее, в месяце Ияр (май). Возглавляли их три полководца — Ареобинд, Патрикий и Ипатий. Вопреки свидетельству Прокопия, относительно магистра Келера (*Κέλερ* — *Celerius*) родом иллирийца, следует принять во внимание более точные указания сирийской традиции, относящей назначение Келера в качестве *magister militum in presenti* к последней четверти 503 г.³ В хронике комита Марцеллина за Келером сохраняется звание — *magister officiorum*.⁴

Принимавшие участие в этой войне со стороны Византии полководцы известны по именам: 1) Ареобинд, сын Даланфа, бывшего ипатом и зятем западноримского кесаря Олибрия;⁵ 2) Ипатий, племянник императора Анастасия, сын его сестры и Секунда; 3) Патрикий, по происхождению фригиец, которого сирийский Захарий называет великим стратегом; 4) наиболее талантливым полководцем и прекрасным организатором был Фарзман, родом колх *Φαρσεμάνης κόχκος μὲν γένος*; Феофан называет его отцом Зуна, лазом; 5) Юстин имеет звание комита, в хронике Иешу Стилита он только так и известен; сирийский Захарий, писавший позднее, указывает на него как на «воцарившегося после Анастасия»; будущим императором называют его и византийские историографы; 6) Патрикпол и 7) его сын Виталиан, возглавивший впоследствии военный мятеж; 8) Роман, мужественный и осторожный полководец; 9) Зимарх; два гота, которые не последовали за Теодорихом, были также опытными воинами; 10) Годискол и 11) Свес. Все эти полководцы руководили отдельными частями многочисленного войска, посланного на восточную границу.⁶ Большое значение имела организация снабжения армии, во главе которого был поставлен епарх Аппион, египтянин.⁷

Ареобинд с войском в 15 000 человек расположился на границе, близ Дары и Амудина. Дара была в то время еще небольшим селением, не обнесенным стенами и не могла представлять особенно надежной опоры для войск. Сорокатысячная армия с Патрикием и Ипатием расположилась вокруг Амида, чтобы выгнать из него персидский отряд и захватить город

¹ Иешу Стилит, § 54 — *syr. Wright*, p. 52.

² *Procopius. De bello persico*, l. I, cap. 8, t. I, p. 36.

³ *Bury. History of the later Roman Empire*, t. I. London, 1923, p. 439; t. II, p. 13. — *Noepffner. Les magistri militum praesentales. Byzantion*, 1936, t. XI, f. 2, pp. 483—498.

⁴ *Marcellini comitis Chronicon. Chronica minora*, ed. Theodor Mommsen, t. II, p. 96.

⁵ Диптих из слоновой кости, изображающий консула Ареобинда, имеется в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. — Выставка портрета, вып. I. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1937, стр. 41.

⁶ *Procopius, ibidem*, l. I, cap. 8, p. 37. — *Theophanes. Chronographia* an. M. 5997, p. 145. — *Zacharias Mitylenensis*, l. 7, cap. 4, t. II, p. 30.

⁷ Иешу Стилит, § 54 — *syr. Wright*, p. 52.

обратно. Но «эти ромейские военачальники не могли одолеть, взять и захватить город». Зная, что в нем много продовольствия, они не рассчитывали быстро закончить осаду и поэтому не хотели его осаждать, но поспешили перейти персидскую границу, продвигаясь каждый по-отдельности, независимо друг от друга.

Некоторые попытки взять Амид были ими во всяком случае сделаны. Войска Патрикия и Ипатия построили три высоких деревянных башни, опоясанные железом, что придавало им особую крепость. Построить их удалось лишь с «большими расходами». С этих башен ромейские войска имели намерение пробраться на стены Амида и захватить таким путем город. Но неудача Ареобинда на персидской границе побудила их оставить осаду, самим сжечь эти башни и броситься за персами, нагнать которых им однако не удалось.¹

Если войска Ареобинда, в конечном счете, имели целью нападение на Низибю, то их расположение у Дары и Амудина естественно. Оба пункта были ближайшими к границе. Амудин представлял собою почтовый пост римско-византийского периода и находился на пути из Эдессы через Константинополь на Низибю.²

Войска Кавада, посланные им с Шигара (Синджар) против Ареобинда, были разбиты Ареобиндом дважды. Несмотря на то, что численность их превосходила его войска и достигала 20 000, он прогнал их к самой Низибии. Персы так спешили скрыться за стенами города, что передавили и передушили друг друга в его воротах.³ Но взять Низибю ромеям не удалось, несмотря на то, что жители были склонны принять их.⁴ В месяце Таммуц (июль) к персам присоединились гунны и арабы. Ареобинд стал призывать на помощь Каллиопу Алеппского, Патрикия и Ипатия с их войсками, но так как они не были у него в подчинении, они не послушались его, продолжая оставаться под Амидом. От персов, получивших подкрепление, войска Ареобинда вынуждены были бежать и скрыться в Телле (Константине) и в Эдессе.⁵

Сирийский Захарий в основном опирается на те же факты. Попытки взять Низибю оказались неудачными и в ответ на них последовал натиск персидской армии, вынудивший бежать византийские войска. Если нельзя считать правильным его утверждение, что осаду Низибии вели Ареобинд с Ипатием вместе, то заслуживает внимания указание на то, что в самой Низибии были налицо симпатии к ромеям, и что жители ее проявляли усталость от войны. Несмотря на это обстоятельство, взять город не удалось. Под натиском войск Кавада, в беспорядочном бегстве византийские войска бросают свои палатки (ܐܡܠܬܐ), ценное имущество, бывшее с ними (ܐܡܬܐ ܕܡܝܢܐ), и теряют много всадников с лошадьми, ко-

¹ Иешу Стиллит, § 56 — syr. Wright, p. 53.

² Poidebard, *ibidem*, Atlas, pl. CXL, Ah.

³ Иешу Стиллит, § 55 — syr. Wright, pp. 52—53.

⁴ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, t. II, p. 31. — Theophanes. Chronographia, pp. 146, 147. — Иешу Стиллит, § 55.

⁵ Procopius, *ibidem*, l. I, cap. 8, t. I, p. 38.

торые падали и разбивались об утесы.¹ Все это полностью отвечает и картине, набросанной Прокопием.

После поражения Ареобинда, Патрикий и Ипатий, наконец, стали пытаться настичь персов, но безуспешно. Им удалось только уничтожить отряд гефталитов около 800 человек, но затем они потерпели жестокое поражение и едва спаслись.² Приведенное сообщение Прокопия, несомненно относится к этому времени, тем более, что он сам себе противоречит. Сначала сообщив, что ромейские полководцы не застали персидской армии на византийской территории, он затем говорит о нападении армии Кавада.³ Если между этими двумя сообщениями поместить данные сирийской хроники о пребывании Ареобинда под Низибией, а затем его бегстве от усилившейся армии Кавада, то становится ясным и совпадение в дальнейшем обеих традиций. Ареобинд думал закрепиться у Арзамона (ἐν χωρίῳ Ἀρζάμων), на пути к Константине (Телле). Что войска Патрикия и Ипатия двигались от Амида, как это видно из изложения Иешу Стилита, совершенно очевидно и у Прокопия. Патрикий и Ипатий расположились в Сифрисах (ἐν χωρίῳ Σίφριος), по его словам, отстоящим от Амида «не менее чем в трехсот пятидесяти стадиях». Для определения местонахождения Сифрис можно было найти гораздо ближе расположенные пункты, ту же Константину, Мардин.⁴ Указание на Амид говорит о том, что войска этих полководцев двигались именно от этого города.

Ареобинд бежал к Телле, оставив стан у Арзамона. Лагерь его был разграблен персами, которые преследовали войска Патрикия и Ипатия. Последние, уничтожив отряд гефталитов, расположились на отдых, так как был обеспеченный час. Неожиданный удар Кавада застал их врасплох и значительная часть их войска была уничтожена. Уцелевшие части (Прокопий утверждает, что были уничтожены все без исключения) с Патрикием и Ипатием возвратились к Амиду. Побудило их к этому следующее. Военачальники Фарзман «колх» и Федор выманили из Амида 400 персов, подослав к ним стадо овец, а сами сели в засаду и затем перебили их. Они захватили марзбана, пообещавшего сдать им город, из-за чего Ипатий и Патрикий и вернулись обратно. Но марзбан не смог уговорить бывших в городе персов сдать его и, по распоряжению стратилата, его распяли.⁵

Дополнительно война осложнялась враждебными действиями между арабскими племенами, стремившимися захватить особенно много добычи. Выше уже была речь о нападении персидских арабов под началом Наамана на область реки Хабора, куда они были посланы Кавадом в ноябре 502 г. На Хаборе находился и город Таллаба (Thallaba),⁶ принадлежавший к числу арабских городов. Неудивительно поэтому, что мстить за произведенное

¹ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, t. II, p. 31.

² Procopius, ibidem, l. I, cap. 8, p. 39.

³ Procopius, ibidem, l. I, cap. 8, pp. 37—38, 38—39.

⁴ Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Mesopotamia et Armenia Quarta c. an. Chr. 600, Bruxelles, 1935.

⁵ Иешу Стилит, § 56.

⁶ Poidebard, ibidem, Atlas, pl. CXL, Rh. — Honigmann, ibidem.

нападение взялись «ромейские арабы, называемые Таллабитами». О нападении Наамана на Хабору Иешу Стилит говорит дважды: ¹ в одном случае он не упоминает о каком-либо сопротивлении, во втором говорит, что арабы были разбиты дуксом Каллиникуса (Ракки) Тимостратом. Во всяком случае не подлежит сомнению, что персидские арабы захватили огромную добычу и ушли без особых потерь. Таллабиты направили свой удар на лагерь Наамана — Хирту. Они нашли здесь караван, состоявший из нагруженных верблюдов, который направлялся к войску персидских арабов. Напав, они перерезали сопровождавших караван, захватили верблюдов и все имущество. В самой Хирте они не остались, так как полукочевой характер этого лагеря дал ему возможность удалиться «вглубь пустыни». ²

В месяце Аб (август) 503 г. вновь были собраны вместе все персидские войска, гунны, кудишае, армяне и дошли до места, называемого Ападной (τὸ Ἀπάδνας). Это одна из царских фрурий (βασιλέων φρουρίων), находившихся в окрестностях Амида. Одноименная крепость имелась еще в Осроене, об этом упоминает *Notitia dignitatum*. ³ На войска, группировавшиеся у Амида, и был направлен удар персидских войск. Патрикий попытался перейти в наступление, но неудачно. Персы опередили его, пока ромей еще не привели своих сил в боевой порядок, они ударили на них. Передовые были побиты, остальные бежали, не ожидая боя, и прежде всех сам Патрикий. Византийские войска в своем бегстве переправились через Евфрат и спаслись в городе Шамипат (Самосата), на северо-запад от Эдессы. Другая часть с одним из военачальников, комитом Петром, бежала к крепости Ашпарип (ܐܫܦܪܝܦ), т. е. в Сифрисы (Σίφρις), о которых выше уже было упомянуто. ⁴ Персы приступили к крепости, требуя выдачи Петра, перебили воннов, бывших с ним, но жителям Сифриса вреда не причинили.

Сирийский Захарий в этой части сообщений о войне сохранил мало подробностей. Он знает о попытках взять Низбию соединенными усилиями Ареобинда и Ипатия, и о вторжении в персидские земли Патрикия. ⁵ По его сведениям под патиском персов из Ападны, где он скрывался, бежит Ареобинд. Другие источники представляют дело иначе. Как это было указано выше, здесь действовал Патрикий, который вынужден был отвести свои силы за Евфрат. Захарий помещает в Теллу или Константину (в тексте это название имеет написание ܬܠܠܐ, крепость Телла) силы двух других полководцев Ипатия и Патрикия, бежавших оттуда. По другим источникам персы обложили Теллу и повели длительную осаду. Текст Захария, очень сокращенный в этой части, не сообщает никаких подробностей. ⁶ Несомненно,

¹ Иешу Стилит, § 52 — *syr. Wright*, pp. 48—49. — Иешу Стилит, § 57 — *syr. Wright*, p. 54.

² Иешу Стилит, § 57 — *syr. Wright*, p. 54. — Н. В. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам. Труды II сессии арабистов. (В печати.)

³ *Notitia dignitatum*, 36, 8, 23; 35, 13, 25. — *Prosopius*. De Aedificiis, l. 5, cap. 9, p. 33. — *Hönigmann*. Die Ostgrenze, p. 14.

⁴ Иешу Стилит, § 57 — *syr. Wright*, pp. 54—55.

⁵ *Zacharias Mytilenensis*, l. 7, cap. 5, t. II, p. 31.

⁶ *Ibidem*.

мненно, что операции на персидской территории закончились для византийских войск неудачами, решительное наступление армий Кавада заставило их бежать. Попытки укрепиться и спрятаться в небольших крепостях, фруриях, находившихся на византийской земле, также не удались. Из Ападны, близ Амиды, войска двинулись за Евфрат к Самосате, а из Арзамона к Телле. Сифрисам (Ашпарин) под угрозами персов пришлось выдать комита Петра. Таким образом наиболее близкие к границе крепости были покинуты войсками.

Основную часть своих сил, после поражения, Ареобинд отвел в превосходно укрепленную Эдессу. Сюда и направил свой удар Кавад. На него оказывал давление и побуждал его к этому и арабский царь Нааман, из дома лахмидов, который желал вознаградить себя добычей за потерю каравана и ограбление Хирты Таллабитами. В битве с Патрикием Нааман был ранен, он гневался и жестоко грозил причинить Эдессе худшее, чем то, что он причинил Амиду. Между тем рана на его голове распухла, весь череп его воспалился. «Он встал и пошел в свою палатку», проболел два дня и умер. Но дело было не в одном Наамане, вся верхушка арабского войска стремилась обогатиться за счет нового грабежа. После смерти Наамана, Кавад, которому персидские арабы подчинялись, «поставил царя вместо Наамана, поднялся и отправился на войну».¹ К Эдессе он отправился не сразу, а сначала соединенными силами своих разноплеменных войск обложил Теллу, но взять город не удавалось.

При первой угрозе городу, богатые обычно стремились его покинуть, забрав с собой все свое движимое имущество. Та часть верхушки знатных и богатей, которая оставалась в городе, всячески настаивала на сопротивлении «врагу». Они боялись быть разоренными, потерять свои богатства, подвергнуться разграблению и были обеспечены продуктами и водою. Сельское население, загонявшее свои стада, увозившее свое имущество и хлебные запасы на выючных животных, пряталось за городской стеной. О сопротивлении, которое оказывали «деревенские» и «пастухи», придется еще говорить ниже. Беднейшее городское население, ремесленники были в ином положении, им нечего было защищать, нечего было терять, и они были готовы встречать «варваров» «как спасителей».² Известны случаи, когда народная масса в осажденном городе бросалась отомкнуть персам ворота, но это оказывалось невозможным, так как ключи были запрятаны богачами, боявшимися сдачи города. Повидимому, такого рода явление имело место и в Телле. Ремесленники иудейского квартала предпочитали видеть город во власти персов, чем переносить жестокие лишения, связанные с осадой города. Византийские войска — «ромеи», «готы», грабившие мирное население, мучившие «всех» от мала до велика, учинили и здесь жестокую расправу, при явном попустительстве комита Леонтия. Напряженные, враждебные отношения между войском и беднейшей городской

¹ Иешу Стиллит, § 58—*syg. Wright*, p. 55.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 125.

массой испугали правителей города и побудили принять меры для соглашения с персами.

Епископ Теллы, сириец Бархедад, начал переговоры с Кавадом, пытаясь уговорить его оставить осаду и уйти от города. Персы заметили повышенную бдительность в охране города и решили снять бесполезную осаду. Впрочем, основной причиной, побудившей Кавада оставить крепость, было то, что «не было пищи в опустошенной области» и потому что «он боялся, чтобы не собрались друг к другу ромейские военачальники и не пошли на него все вместе».¹ Чтобы дать войску оправиться, Кавад остановился на реке Галлаб, «называемой рекой Мидян», притоке Балиха (Baligha), впадающего в Евфрат. Галлаб представляет собою одно из естественных ограждений Эдессы и находится на подступах к ней. Наиболее предприимчивая часть персидского войска делала набеги на области Осроены, грабила и опустошала ее. Вне стен города византийское войско не решалось оказывать сопротивления, поэтому область была предоставлена сама себе и фактически никакой защиты ее организовано не было. Защищать стремились только города, в данном случае центр Осроены — Орхай (Эдессу). Несомненно, отсутствие обороны сельской местности и небольших селений объясняется недостаточным количеством войска. Византия из века в век стремилась укрепить границу с Ираном целой цепью крепостей в непосредственной к ней близости, несколько отступя и имела, наконец, ряд фрурий на внутренней границе за Евфратом. Тем не менее в этой войне большие пространства обработанной культивированной земли, составлявшей, следовательно, большую ценность, оставались фактически без всякой защиты.

Август (месяц Аб) прошел у Кавада в сборах войска, походе на Теллу и, наконец, около 20 дней его полки отдыхали на р. Галлабе. В сентябре (месяц Илул) 503 г. персы уже грозили Эдессе. С шестого числа этого месяца для защиты города был принят ряд мер. Все, что могло быть использовано неприятелем при наступлении на город, было ими уничтожено. Спилили высокие деревья, срезали ограду у садов, разрушили ближайшие к городским степам монастыри и постоянные дворы. Не пожалели сжечь целое селение Кефар Селем, или Негбат.²

В дальнейшем сирийский летописец дает подневные записи, из которых можно с большой точностью восстановить события. Имеются все основания полагать, что сам автор находился в то время в Эдессе. Шамишат (Самосата) находится для него «за рекой», по ту сторону Евфрата.

Кавад желал захватить Эдессу; ее богатства представлялись ему и его войску исключительно вожделенными; он стал пытаться хитростью захватить ворота города или взять в плен самого Ареобинда. Для этой цели персидский царь затеял переговоры о мире, предлагая или принять в город марзбана или Ареобинду выйти к ним. Ареобинд предпочел последнее, «боясь допустить их войти в город, он вышел к ним до монастыря мар Сар-

¹ Иешу Стилит, § 58 — *syr. Wright*, p. 57.

² Иешу Стилит, § 59 — *syr. Wright*, pp. 57—58.

гиса, не удаляясь особенно от города». В переговорах с ним принял участие персидский военачальник Бави, имевший звание «аштабида», что переводится «магистр персов». Аштабид приравнивается, следовательно, к положению, занимаемому византийским *magister militum*; звание его может быть отнесено и к должности *magister officiorum*. Данные сприйской летописи представляют большую ценность для иранистов, потому что их сообщает современник.¹ Бави потребовал в виде выкупа за Эдессу 10 000 литр золота и обязательство ежегодно выплачивать «обычное» количество золота. Споры продолжались с утра до девяти часов, так как Ареобинд обещал дать только до 7000 литр. Случая обмануть Ареобинда персам не представилось, «ромен оберегали его». Тогда часть персидских войск двинулась в юго-восточном направлении на Харран, соединенный с Эдессой дорогой.² Военачальник Рифит выступил тайно из города, напал на персов, 70 человек он перебил и захватил в плен живым гуннского предводителя (*ḡmīl ʾšmīl*). «Так как это был известный муж и был весьма уважаем персидским царем, то он обещал харранитам, что если они отдадут его живым, он не будет с ними воевать». Обещание не трогать город было существенным, гунн был выдан персидскому царю. Помимо того, так как армия нуждалась в пропитании, то жители Харрана послали еще в подарок Каваду стадо баранов в 150 голов и «другие вещи». Так они откупились от осады города.³ Арабские войска, входившие в состав персидских, были посланы Кавадом из-под Эдессы в Серугскую область, расположенную на запад от Харрана и Эдессы. Батнан — ее главный город, лежит на пути, пролежавшем из Харрана на Апамею — Зейгму. Серуг занимает положение более северное, между этим путем и другой дорогой из Эдессы на ту же Апамею и Зейгму.⁴ Возможно, однако, что летописец подразумевает под Серугом не город, а Серугскую область в целом. Арабы прошли ее до самого Евфрата, «опустошая, забирая в плен и грабя все, что возможно».

Сопротивление наступлению персов оказали «Патрикиол, один из военачальников ромейских (*ḡmīl ʾšmīl ʾšmīl*) и его сын Виталиан, которые в это время пришли с запада, чтобы участвовать в войне». Отвагу и храбрость Патрикиола хроника приписывает тому, что ему не пришлось принять участия в предшествовавших стычках с персами и он их не боялся. Когда его войско перешло Евфрат, они встретили отряд одного персидского военачальника, сразились с ним и уничтожили «всех персов, которые были с ним». После этого Патрикиол взял направление на Эдессу, но от беглецов он узнал, что ее обложил Кавад. Опасаясь многочисленного персидского войска, он повернул обратно «за реку», т. е. перешел на западный ее берег и остался в Самосате. Если ближайшим укрепленным пунктом для войск Патрикиола и Виталиана была Самосата, расположенная на север от Эдессы, то он, очевидно, сражался с частями персидской армии, отделившимися от основной массы, стоявшей под Эдессой.

¹ Christensen, *ibidem*, pp. 131, 347, 516.

² Poidebard, *ibidem*, Atlas, pl. CXL.

³ Иешу Стилит, § 59 — syr. Wright, p. 59.

⁴ Poidebard, *ibidem*, Atlas, pl. CXL, Aef.

Эдессу. Ареобинд предложил регулярному войску не вступать в бой, боясь лукавой стратегии Кавада. Но дело было решено в пользу ромеев партизанским наступлением. Уже в предшествующем случае, 17 сентября, от городской стены отогнали персов «некоторые из города» (כחלק מן העיר) и многих убили. Пить их водой выходили за ворота женщины, и даже «малые мальчишки» метали пращей камни.¹ Все эти подробности говорят о действиях отнюдь не регулярного войска, а самого населения. 24 сентября успех дня принадлежал исключительно населению: «... Немногие деревенские, которые были в городе, вышли на [войско] с пращами и сразили многих одетых [в доспехи]», бывших с ним, а из них самих ни один не пал.² Сельское население, при наступлении городского войска, спешило найти защиту за городскими стенами. Вооруженные примитивнейшим, первобытным оружием, пращами, они смело выступили и побили врага. Количественно войска Кавада были настолько многочисленны, что они могли захватить городские ворота и проникнуть в Эдессу. Но среди преимущественно кавалерийского войска персов «замешались пращники», «простонародье», «деревенские», которые камнями поражали всадников и лошадей. Хроника дает возможность судить, каким разнообразным оружием владели отдельные части сборного войска Кавада. О персах говорится, что они «метали стрелы», гунны бились «палицами», и, наконец, оружием арабов были «копья». Несмотря на все их попытки, они не могли «поразить безоружных людей, смешавшихся с ними», не смогли они войти и в город. После этого персы сожгли все монастыри и ряд храмов, которые еще оставались в окрестностях Эдессы, опасаясь, чтобы они не стали опорными пунктами для византийских войск. Вопрос относительно участия в войне населения, «деревенских», имеет выдающийся интерес с точки зрения социального анализа этого явления. Военные действия на границе, вторжение врага на территорию, обратное наступательное движение «ромеев» в области Ирана, — все это в первую очередь было угрозой сельскому населению. Войскам прежде всего надо было кормиться. Они беззастенчиво обирали и своих, а попадая на вражескую землю, грабили, жгли и уничтожали все, что могли. У сельских жителей, по существу беззащитных, была только одна возможность: забирая скarb, зерно, скот, они устремлялись за городскую стену. Ряд укрепленных городов Месопотамии имел две стены. Одна внутренняя, собственно городская стена строилась с башнями, бойницами и т. п., вторая, внешняя, опоясывала город на значительном расстоянии от первой. Между обеими стенами оставалось пустое, незастроенное пространство, сюда-то и загоняли «деревенские» свой скот и ютились сами в случаях военной опасности. Военачальники стремились использовать силы «простонародья», «пастухов», «деревенских», заставить их участвовать в наступлении и принять на себя первый удар в обороне. В период походов Хосроя «деревенские» сражаются под Эдессой, отбиваются на подступах к Ракке (Калиникус), делают чудеса храбрости

¹ Иешу Стилит, § 60 — syg. Wright, p. 60.

² Иешу Стилит, § 62 — syg. Wright, p. 62.

в Антиохии. В данном случае, при осаде Эдессы Кавадом, Ареобинд выполнил обычное задание византийского командования, сберег регулярное войско за счет «пастухов». Когда они успешно отбились, он решил вознаградить их за «усердие» и дал им 300 динариев. Стратилат Ареобинд «увидел усердие деревенских» и оценил помощь, которую они оказали. Поэтому на следующий день он собрал всех деревенских, которые были в Эдессе, в церковь и дал им в подарок 300 динариев.¹

После неудачи у Эдессы, войска Кавада расположились на Евфрате. Хотя точно местопребывание Кавада не указано, но прямой путь от Эдессы к Евфрату лежит на Апамею. Возможно, что часть армии продвинулась на Харран, оттуда к Батнану — главному городу Серугской области и затем к той же Апамее. Против последней, на западном берегу находилась Зейгма, между обоими селениями был пункт переезда через Евфрат. Персам удалось захватить по дороге Батнан, стена которого была разрушена. «Несколько персидских всадников» взяли его без боя. Персидские арабы использовали положение, они перешли за Евфрат, вероятнее всего, у Апамеи и стали грабить все эти западные области.² С берегов Евфрата Кавад «отправил послов к императору, чтобы «известить его о своем приходе».³

ПРОДВИЖЕНИЕ И ПОХОДЫ КЕЛЕРА

Келер — Celerius — со званием магистра (magister militum, μάγιστρος) был послан во главе большого войска на восток. Ближайших к Евфрату областей он достиг к октябрю 503 г. Кавад же со своей армией стал продвигаться по течению, чтобы «достигнуть и осесть в своей земле, называемой Бет-Арамае» — в северной Вавилонии, с центром Махозе — городом, слившимся в одно из городов Селевкии и Ктезифона. От Зейгмы до Барбалиссоса (Маскепе), по правому берегу реки, идут две дороги, из которых одна повторяет все извилины Евфрата, другая срезает их. От Барбалиссоса до Суры тянется только одна дорога, как и далее, и несколько не доходит до того места реки, где на левом берегу расположен Ницефориум — Калиникус — Ракка.⁴ Не доходя до этой крепости, Кавад послал вперед марзбана с отрядом. Однако воинственный дукс Тимострат выступил, разбил и уничтожил войско и взял в плен марзбана. Тогда Кавад обложил город и потребовал выдачи своего полководца. В страхе жители выполнили его требование.⁵

Отсутствие согласованности между действиями отдельных византийских военачальников, отсутствие подчинения, движение каждого по своему усмотрению — все разбивало и ослабляло их силы. Назначение магистра должно было создать и привести к координации отдельные части армии.

¹ Иешу Стилит, § 63 — syr. Wright, p. 63. — Poidebard, *ibidem*, Atlas, pl. CXL, Ae, Af.

² Иешу Стилит, § 63 — syr. Wright, p. 63.

³ Иешу Стилит, § 63 — syr. Wright, p. 63.

⁴ Poidebard, *ibidem*, Atlas, pl. CXL, Be, Ce, Cf.

⁵ Иешу Стилит, § 64 — syr. Wright, p. 64.

Приближение больших византийских сил заставило Кавада начать отступление по Евфрату. Когда войска Келера достигли Маббога (Hierapolis — Membidg), то они не застали уже Кавада, «который ушел ранее» их. Наступало зимнее время (последняя четверть 503 г. н. э.), и магистр отказался от мысли преследовать персов. «Он призвал ромейских военачальников, упрекал их за то, что они не слушались друг друга и распределил им города, чтобы зимовать в них до того, как настанет время воевать».¹ На зимнее время предполагался некоторый перерыв в военных действиях. Впрочем, он прошел не без отдельных вспышек. Ромеям стало известно, что «персы, бывшие в Амиде, когда увидали, что отошли от них ромейские войска, открыли ворота г. Амиды, выходили и входили, как хотели».² Персидское войско, оставленное в Амиде, обнаружив отход ромейских частей, перестало опасаться. Они не боялись выпускать жителей из города и пропускать их затем обратно. Под самым городом, за стенами Амиды, было место, где крестьяне окрестных селений и деревень устраивали рынок. Здесь амидяне имели возможность обменивать и покупать съестные продукты, причем «по прекрасному обычаю персов», собиравшихся на этот базар из деревень, никто не смел грабить. Они свободно собирались, «продавали, как хотели», назначали плату за свои продукты — зерно, вино — по собственному усмотрению.³ Такое положение в значительной степени облегчало положение городского населения, оставшегося в Амиде, и самого персидского гарнизона.

У византийских полководцев вызвали тревогу торговля и обмен с проезжими купцами, которым амидяне сбывали «медь, олово, железо, старую утварь», получая взамен хлеб и масло. Более того, в городе устроили хранилище, или кладовую (*ἀπόθετον*).⁴ Собственно *ἀπόθετον* означает государственное хранилище продуктов, кладовую, куда в римско-византийском государстве свозили анноны, натуральную подать, поступающую в виде зерна, мяса, масла, вина и т. п. Наличие хранилища следует считать указанием на то, что персы начали концентрировать в городе запасы продуктов, и, как видно из дальнейшего, оружия. Таким путем их положение упрочивалось и обеспечивало им более длительное сопротивление в захваченной ими крепости, расположенной на вражеской территории. Византийское командование не могло не быть этим обеспокоенным.

Патрикий, имевший звание «великого стратилата»,⁵ узнав обо всем этом, покинул свою зимнюю квартиру в Митилене и расположился под Амидом. Здесь он убивал всех купцов, подвозивших «зерно и масло» в город и скупавших там разные вещи. Кроме того, он уничтожил персов, посланных Кавадом, чтобы доставить оружие, зерно и скот, и забрал все, что они везли себе. Тогда был прислан отряд с марзбаном, «чтобы отомстить». Ромеи в смятении начали отступление не в том направлении и оказались

¹ Иешу Стилит, § 65 — syr. Wright, p. 64.

² Иешу Стилит, § 66 — syr. Wright, p. 64.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, t. II, pp. 32—33.

⁴ Иешу Стилит, § 66 — syr. Wright, p. 65.

⁵ Joannes Malalas. Chronographia, p. 398.

у р. Нимфия (Калат — **ܟܠܬ**). Благодаря зимнему времени, река была исключительно полноводной и переправиться на лошадях едва ли было возможно. Побуждаемые Патрикием, ромеи решили принять бой, из которого они вышли победителями. Отряд был уничтожен, а персидские военачальники захвачены в плен. Возвратившись под стены Амида, великий стратилат стал делать новые попытки, чтобы взять город.¹ Таков зимний эпизод 503/4 г., сохраненный сирийским историографом.

В месяце Адар (март 504 г.) ромейские войска собрались у Решайна, чтобы отправиться под общим началом Келера в поход.² Кавад же послал войско в 10 000 человек, чтобы они выступили против Патрикия. Они расположились в Низибии и «отдыхали там, а свой скот послали на гору Шигар (Синджар)». Магистр учел положение и послал туда воинственного Тимострата, дукса города Ракки (Калиникуса), с 6000 всадников. «Они отправились, напали на тех, которые пасли лошадей, уничтожили их и захватили оттуда коней, овец и много добычи».³ Вероятнее всего, что именно этот эпизод имеет в виду комит Марцеллин, когда он говорит, что *magister officiorum* Келер вышел из Калиникуса в Месопотамии, стал разорять персидские области и дошел «до Железного моста» (*usque ad pontem Fergum*).⁴ О последнем упоминает и Иоанн Ефесский, как о «большом мосте в Бет-Арамае» **ܒܝܬ ܐܪܡܝܐ ܕܡܝܬܐ ܕܩܝܢܐ**,⁵ построенном через Евфрат, выше Ктезифона.⁶ Латинский автор, вероятно, сокращал свой источник не вполне правильно, следствием чего оказалось, что Келер сам вышел из Калиникуса. Нет сомнения, что вернее сирийская версия, что он послал дукса в эту экспедицию. Отряд Тимострата вернулся затем к ромейскому войску, расположенному в Решайне, пригнав с собой табуны лошадей и стада овец. «Они снялись все вместе, отправились и расположились у города Амида около Патрикия».⁷

Под центром византийской провинции Месопотамии (*Mesopotamia*) шла позиционная война. Патрикий приказал собрать мастеров и ремесленников (**ܟܝܬܝܬܐ**) из других городов, набрал большое количество деревенского населения и приказал вести подкоп под стену Амида.⁸ Когда яма достигла необходимой глубины, ее набили деревом и подожгли его. Внешняя часть стены ослабела и рухнула, а внутренняя осталась. Удалось прокопать отверстие и под этой частью, так что воины стали подниматься через него. Затруднение было в том, что больше одного человека сразу пройти в это углубление не могло. Поэтому первый, который поднимался, был убит

¹ Иешу Стилит, § 66 — syr. Wright, p. 65.

² Иешу Стилит, § 69 — syr. Wright, p. 67.

³ Иешу Стилит, § 69 — syr. Wright, p. 67.

⁴ Marcellini comitis Chronicon, anno 504, p. 96. *Chronica minora*, ed. Theodor Mommsen, t. II. *Monumenta Germaniae historica*, t. XI.

⁵ I o a n n e s E p h e s i u s. *Historia*, l. 3, cap. 40, p. 212. — *Ibidem*, l. 6, cap. 16, p. 283.

⁶ H o n i g m a n n. *Die Ostgrenze*, p. 10.

⁷ Иешу Стилит, § 69 — syr. Wright, p. 67.

⁸ Иешу Стилит, § 66 — syr. Wright, p. 65.

персами, вторым шел гот Альд, бывший трибуном (τρίβουνος) в Харране. Он поразил троих персов, но так как остальные, боясь персов, не последовали за ним и не поддерживали его, он и сам испугался и стал возвращаться обратно, захватив труп византийского солдата, который поднимался первым. Когда он спускался в «пасть ямы», его убили. В то же время воды большого источника, находившегося недалеко от этого места, были направлены персами в подкоп, где погибло еще 4 византийских воина, остальные успели выбежать оттуда. Со стороны города персы завалили подкоп большими камнями и засыпали его сверху землей. Интересна, с точки зрения военной техники того времени, следующая подробность. Вдоль всей стены персы выкопали канавы или рвы (φόρτοι), которые они наполнили водой, чтобы новый подкоп мог быть обнаружен при утечке воды. Узнав об этой мере, Патрикий отказался от мысли делать новые подкопы.¹

Произошло еще несколько мелких стычек, в которых преимущество было за персами. Одну из схваток следует отнести к маю или июню,² другую, в которой погиб Дукс Арабайн — Гайпас, к месяцу Таммуц (июль).³

Положение персов на стене имело преимущества по сравнению с византийскими войсками. Они были лучше защищены, тем более, что они построили еще будки вдоль стены, давшие им возможность прятаться.⁴

Первая стычка произошла по пустяковому поводу, но весь ромейский стан пришел в движение. В результате погибло 40 воинов, ранено было 150, тогда как потери персов были незначительны. Магистр отдал приказ, чтобы ни один из византийских воинов не вступал в бой, чтобы с их стороны не было ни убитых, ни раненых. Он, следовательно, желал избежать новых поводов для нападения.⁵

Хотя источник об этом прямо не говорит, но, повидимому, магистр и военачальник (ܐܠܝܐܬܐ ܕܡܕܢܚܐ) собрались на совет, в результате которого они и вынесли это решение. Об этом говорится, что «они полагали, что им не следует с ними (персами в Амиде, — Н. П.) воевать, потому что тем, что они будут убиты, не будет достигнута победа ромеев». Из дальнейшего же очевидно, что они ждали нападения войск Кавада, вероятно тех 10 000, которые отдыхали в Низибии, так как говорится, что они опасались противостоять «всем персам» и что «если победит Кавад, они сами умрут или погибнут в его темнице».⁶

После сообщения о гибели Гайнаса, хроника (§ 75) вторично возвращается к соображениям магистра о том, что пребывание войск под Амидом «приносит вред». Кроме ожидания нападения, вред этот выражался в том, что в позиционной войне ромейские войска несли потери. Поэтому магистр решил уменьшить то большое количество войск, которое находилось под

¹ Иешу Стилит, § 71 — syr. Wright, pp. 67—68.

² Иешу Стилит, § 72 — syr. Wright, pp. 68—69.

³ Иешу Стилит, § 73 — syr. Wright, p. 71.

⁴ Иешу Стилит, § 72 — syr. Wright, p. 69.

⁵ Иешу Стилит, § 73 — syr. Wright, p. 70.

⁶ Иешу Стилит, § 73 — syr. Wright, p. 70.

Амидом, и сам перешел в наступление. Строго говоря, это было не наступление, а набег, ничем не отличавшийся от набегов, производившихся арабами или персами.

Ромейские полководцы, которые расположились около Амида, сделали набег на персидскую землю. Они грабили, брали в плен, уничтожали, и персы бежали от них.¹ Та же хроника в предыдущих страницах отмечает, что магистр «взял свое войско и отправился в область персов, оставив Патрикия у Амида».² Несомненно речь идет о том пабеге на Арзанену, о котором знает и Прокопий Кесарийский.³ Наименование Арзанены послала персидская область, западная и южная границы которой представляли нижнее течение р. Нимфия — Калата, до впадения ее в Тигр, и Тигр, от места впадения Калата до колена, которое он образует после впадения р. Зирма (*Zirmas potamós*).⁴ «Келер со своими отрядами перешел р. Нимфий и сделал некий набег на Арзанену. Река эта (Нимфий, — *Н. П.*) находится вблизи Мартирополя и от Амида в стадиях около трехсот. Ограбив эту область, они возвратились в непродолжительном времени, так как их набег был незначительным».⁵ В сообщении Прокопия можно найти косвенное указание на то, что Келер двигался от Амида и расстояние вычислено от него, тогда как самый Нимфий определяется как река, которая находится недалеко от Мартирополя (Майферката). Войска Ареобинда направились в персидскую Армению. 10 000 мужей армян и персов были ими уничтожены. Число взятых в плен женщин и детей составляло около 30 000; кроме того, они ограбили и сожгли много деревень. При возвращении к Амиду, войскам Ареобинда удалось захватить 120 000 голов овец, быков и всякого другого скота.⁶ Тот же Ареобинд совершил удачное нападение на персидскую армию, находившуюся у Низибии. Его отряды, возвращаясь, проходили около Низибии. Везти добычу было поручено «непогим», которые сопровождали «захваченное», очевидно, пленных и скот, основная же часть ромеев спряталась в засаду. Один из марзбанов, заметив, что охрана находится в небольшом числе, вооружил свое войско и двинулся, чтобы отнять награбленное. Византийская стража симулировала бегство, а персы осмелели и стали их преследовать. Когда они удалились на достаточное расстояние, остальная часть ромейского войска вышла из засады. Все персы были уничтожены, а было их около 7000.

В связи с действиями византийских войск в армянских областях Ирана следует поставить факт перехода «армянина Мушлека (*μωσλεκα*, Мушега), который был под властью персов», со всем его войском на сторону «ромеев».⁷ Времени указанных походов следует считать лето 504 г., так как инцидент с дуксом Арабайи Гайнасом относится к жаркому времени года, а поход

¹ Иешу Стилит, § 79 — syr. Wright, pp. 74—75.

² Иешу Стилит, § 75 — syr. Wright, p. 71.

³ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 9, p. 40.

⁴ Honigmann. Die Ostgrenze, см. карту.

⁵ Procopius, ibidem.

⁶ Иешу Стилит, § 75 — syr. Wright, p. 71.

⁷ Иешу Стилит, § 75 — syr. Wright, p. 71.

в иранские области следует в сирийской хронике за описанием его смерти.

Под 816 г. селевкидов, следовательно, между сентябрем 504 г. — августом 505 г. Иешу Стилиит сообщает о походе ромейских полководцев, которые расположились около Амида.¹ Он или имеет в виду тот же поход, о котором он сообщал выше и ошибочно переносит его в следующий год, или сообщает о нем подробности, дошедшие до него иначе, взятые из другого источника. В пользу последнего соображения могут быть указаны следующие доводы. Следствием разорений в персидской земле были попытки Кавада начать переговоры о мире. Начались они глубокой осенью и были прерваны с наступлением зимних холодов.² Велись они, следовательно, в зимние месяцы еще 504 г. н. э. Византийская армия под Амидом произвела ряд набегов на персидские области, она нападала на Арзанену, на более северные части Перс-Армении, а часть отрядов перешла Тигр (Деклат). Персы бежали от наступления ромейских войск, которые разоряли их территорию, грабили, брали в плен и уничтожали. Перейдя Тигр, персы нашли отряд своих всадников количеством около 10 000 человек, собравшихся, чтобы «итти на ромеев». Найдя такое подкрепление, беглецы, очевидно мирное население, остановились и «остались на берегу Деклата».³ Вслед за ними на другой берег переправились и византийские войска. Они уничтожили персидскую кавалерию и захватили в качестве добычи все имущество персидских беглецов. Получив таким путем возможность действовать на вражеской земле без особых опасений, они убивали всех мужчин в возрасте старше двенадцати лет — таков был приказ самого магистра полководцам; причем, если будет найден кто-нибудь из ромеев, спасший мужчину двенадцати лет и старше, то «он будет убит вместо него».⁴ Только женщин и детей было приказано брать в плен. Так вырезывали мужское население, а деревни сжигали. По специальному приказу магистра в каждом из селений, в которое они входили, не разрешалось оставлять «ни одного дома стоящим». Из ромейского войска были выделены наиболее сильные люди, к которым присоединились многие деревенские. Когда крыши сгорали и угасал огонь, то опрокидывали стены домов. «Они резали и портили даже виноградные лозы, оливковые и все другие деревья».⁵ Подробности, сообщаемые летописцем, указывают на то, что подобные приемы — полное истребление мужского населения, уничтожение культурных насаждений и разорение селений — и для того времени считались особенно жестокими. Картину разрушения хроника дополняет несколькими словами об арабах. «Ромейские арабы также перешли Деклат», ворвались, следовательно, в персидские пределы и «грабили, брали в плен и уничтожали у персов все, что они могли».⁶ Как уже было указано, для арабов — без-

¹ Иешу Стилиит, § 79 — syr. Wright, p. 74.

² Иешу Стилиит, § 81 — syr. Wright, pp. 76—77.

³ Иешу Стилиит, § 79 — syr. Wright, p. 74.

⁴ Иешу Стилиит, § 79 — syr. Wright, p. 74.

⁵ Иешу Стилиит, § 79 — syr. Wright, pp. 74—75.

⁶ Иешу Стилиит, § 79 — syr. Wright, p. 75.

различно, принадлежали ли они к византийской или к персидской стороне — война была источником обогащения.¹

АМИД

Разорение персидских областей было поводом для стремления заключить мир. Соответственно вызывало беспокойство и положение Амиды. Попытки взять Амиду через подкоп не удались. Бесперывные стычки не давали решительного исхода ни для одной из сторон, но истощали силы византийского войска.² Во главе персидского гарнизона в Амиде был оставлен военачальник Глон, или Эглон (Γλῶνης, ܓܠܢ). Ромеи убили его с отрядом персидских всадников, число которых в источниках расходится. Удалось это благодаря предательству, в подробностях известному Прокопию Кесарийскому и сирийскому Захарию. Последний знает имя предателя-Гадона из селения Акара; о нем сирийский автор или его источник говорит «я его знал сам».³ Гадона был охотником, он поставлял всякую дичину, рыбу, плоды и поэтому имел свободный доступ даже к самому Глону.⁴ Согласно одной версии, крестьянин вызвал из города Глона с двумястами всадников, сообщив ему о грабежах, которые производят византийские воины, бродя шайками по 4—5 человек. Предварительно он сговорился с Патрикием, обещавшим ему за предательство Глона все, что он пожелает.⁵ По другой версии предательство Гадона осуществилось, когда под стенами Амиды находились отряды Фарзмана. Глона с отрядом кавалерии в 400 человек Гадона привел прямо в лагерь ромеев ܡܚܝܬܐ ܕܪܘܡܝܐ ܕܥܡܝܕܐ. Византийский отряд с табунами лошадей расположился у места, называемого в сирийском тексте ܡܚܝܬܐ, расположенного на расстоянии 7 миль от Амиды.⁶ Греческий источник называет деревню Филасамон (Φιλασσαμὼν χῶμη) в расстоянии 40 стадий.⁷ Honigmann объединил оба названия, считая, что они относятся к одному и тому же селению, которое он нанес на карте в юго-западном направлении от Амиды.⁸ Персидский отряд был уничтожен ромеями, а голова, снятая с плеч Глона, была отправлена в Теллу (Константина).⁹ Сын Глона, имя которого осталось неизвестным, и марзбаны пришли в страшный гнев. Они запретили амидянам выходить из города на базар, прекратив таким образом всякий приток пищевых продуктов. Кроме того, сын Глона, взявший управление городом в свои руки, заключил знатных и богатых людей, вместе с другими мужчинами в количестве около 10 000 человек в стадионе (ܡܕܝܢܐ).¹⁰ Если

¹ Н. В. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам. Труды XI сессии арабистов. (В печати.)

² Иешу Стиллит, §§ 71, 72 — syr. Wright, pp. 67, 69.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, t. II, p. 32.

⁴ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 9, p. 41.

⁵ Procopius, ibidem, l. I, cap. 9, pp. 41—42.

⁶ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, p. 32.

⁷ Procopius, ibidem, l. I, cap. 9, p. 43.

⁸ Honigmann. Die Ostgrenze, см. карту 600 г. н. э.

⁹ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, p. 32.

¹⁰ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, p. 33.

число и может быть взято под сомнение, то факт сам по себе подтверждается и другими источниками. Иешу Стилит не сообщает ничего о Глоне, но говорит, что оставленные в Амиде жители испытывали большие мучения из-за голода, так что персы стали бояться, чтобы они не предали города ромеям. «Они связали всех мужчин, которые были там, и бросили их в амфитеатр [αμφίθεον], и там они погибали от голода и от вечных (не спимавшихся, — Н. П.) цепей».¹ В осажденном городе начался жестокий голод и эпидемия.² Персидский гарнизон сохранил женщин для того, чтобы они перемалывали зерно и выпекали им хлеб. Они также сожительствова-ли с ними, и за это воины уделяли им часть своей пищи. Но сами персы не имели достаточного количества продуктов: «мяса, вина или чего-нибудь другого из еды у них не было». Каждый воин получал лишь пригоршню ячменя в день. Голод возрастал день ото дня. Подробности, сообщаемые сирийскими летописцами, ужасающи. Заключенные в стадионе мужчины ели экскременты и пили мочу и, наконец, стали бросаться друг на друга. Многие из них умерли, а когда оставшихся отпустили, они были похожи на «мертвых из гробов».³ Не остается сомнения, что в городе практиковалось людоедство. Женщины выходили небольшими группами, заманивали или хватали одиноких мужчин, женщин, детей или стариков, убивали их и потом жарили и варили. Вскрылось дело, благодаря «запаху жареного». Марзбан учинил розыск, многих женщин замучил, казнил, «а тем, что остались, с гневом запретил делать это еще и убивать кого-либо». Разрешено было, однако, совершенно «открыто» употреблять в пищу тела мертвых.⁴ В истинности этих известий, к сожалению, не может быть сомнения, обе хроники дают свои сведения в различных словах, но говорят о тех же фактах. Иешу Стилит угадал, что в правдивости его слов может быть и будут сомневаться, поэтому он пишет: «... хотя этому не поверят те, что будут после нас. Теперь же нет человека, который попытался бы узнать об этих событиях и не слышал обо всем том, что случилось, хотя бы он и жил на далеком расстоянии от нас».⁵

Разорение ряда пограничных областей, при полной инертности населения, которое обращалось в бегство, не оказывая сопротивления, вынудили Иран к попыткам заключить мир. «Кавад увидел, что ромеи наносят вред его земле». Успехи византийского оружия, кроме того, вызывали колебания в отдельных городах и национальных группах, подчиненных Ирану. Выше уже было отмечено, что в Низибии были группы населения, склонные к соединению с Византией. У Низибии — крупного торгово-промышленного центра того времени — были торговые связи с ромейскими городами, в поддержании которых она была заинтересована. Возможно, что таковы были стремления части верхушки, для которой это имело особенно большое

¹ Иешу Стилит, § 76 — syr. Wright, pp. 71—72.

² Theophanes. Chronographia, p. 146. — Procopius. De bello persico, I. I, cap. 9, p. 44.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, p. 33.

⁴ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, p. 33.

⁵ Иешу Стилит, § 77 — syr. Wright, p. 72.

значение. Было уже упомянуто, что Мушлег, армянин (ܡܘܨܠܝܳܬܳܐ), со своим войском подчинился ромеям. Точно также поступил и Адид, араб, который был «под рукой», иначе говоря, под владычеством персов: он со всем своим войском подчинился ромеям.¹ В Иране, следовательно, можно отметить неустойчивое состояние, которое корнями уходило в неразрешенные противоречия, вскрытые маздакитским движением. Но всему этому Каваду приходилось обороняться на северной окраине государства, где борьба с гефталитами поглощала много сил и внимания. Отчаянное положение персидского гарнизона в Амиде, в буквальном смысле слова вымывавшего от голода, также было поводом для беспокойства. Все указанные выше причины вызывали по необходимости и у Ирана стремление притти к соглашению с Византией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА

В зимние месяцы 504 г. (октябрь, ноябрь, декабрь) Кавад начал переговоры о мире. Для этого на границу было послано войско в 20 000 человек, во главе которого был поставлен аштабид (ܐܫܬܒܝܕ).² Греческий хронограф посчитал чин персидского военачальника за имя собственное. Для переговоров о мире с ромеями, — сообщает Феофан, — Кавад посылает стратега Аспетия: «...ὡς ἀποστείλαι Κουάδην Ἀσπέτιον τὸν στρατηγὸν περὶ εἰρήνης ἐσπουδασμένους διαλεχθῆναι Ῥωμαίοις».³ Ἀσπέτιος — испорченное слово аштабид. Войско, посланное с ним, было необходимым противовесом византийским войскам и должно было способствовать большей уверенности персидской стороне, создать ей возможность диктовать свои условия в мирных переговорах. Особенное беспокойство вызывало положение персидского гарнизона в Амиде, где голод принял ужасающие формы. Характерны переговоры, которые велись по этому поводу между державами. Аштабид настойчиво уговаривал магистра Келера обменяться пленными, чтобы ему были выданы персы, запертые византийскими войсками в Амиде. Магистр ответил ему: «Об этих пленных ты мне не напоминай, потому что они находятся в плену в нашем городе и они [наши] рабы».⁴ Положение этого гарнизона приравнивалось к положению военнопленных, считавшихся рабами. Попытки освободить их были оставлены без последствий. Персы стали пытаться убедить византийское командование в необходимости допустить в Амид доставку продуктов. «Не подобает тебе, чтобы гибли твои рабы от голода», — оправдывали они свои требования. Даже посланный персами караван верблюдов с мешками, наполненными хлебом, не был пропущен в Амид. Клятва, данная магистром и его военачальниками не трогать обоза, не была обязательна для отсутствующего на этом совете дукса Нонниса (Нонна).⁵ Последний напал на караван,

¹ Иешу Стилит, § 75.

² Иешу Стилит, § 80 — syr. Wright, p. 75. — Christensen, ibidem. pp. 131, 347, 516.

³ Theophanes. Chronographia, p. 148.

⁴ Иешу Стилит, § 80 — syr. Wright, pp. 75—76.

⁵ Иешу Стилит, § 80 — syr. Wright, p. 76.

состоящий из 300 верблюдов, уничтожил людей, забрал животных и поклажу. Кроме съестных продуктов и зерна в мешках, ромеи обнаружили еще стрелы, которыми персы хотели снабдить свой отряд в Амиде. Аштабид в досаде на потерю обоза, на то что гарнизон остался без поддержки, потребовал наказания виновного. Но Келер ответил дипломатически: «Я не могу узнать, кто это сделал, потому что у меня много войска, если же ты знаешь, кто это, то у тебя есть сила отомстить, и я не буду тебе в этом препятствовать».¹ Ответ был равносильен отказу, и аштабид стал настаивать на мирных переговорах.

К тому времени наступило холодное время года, «настали сильные холода со снегом и большими морозами». Для византийских войск условия оказались тяжелыми. Разложение армии лишило командование главного — вооруженной силы, следствием чего были невыгодные условия мира, заключенного с персами.

Трудности холодного зимнего времени года, отсутствие дисциплины, наличие отдельных, полусамостоятельных варварских дружин (готы) и отрядов арабов, слабо связанных с центральным командованием, привели к тому, что византийская армия стала расплзаться. Уже приведенные выше факты указывают на то, что и византийские войска жили грабежом: хватали, делили и присваивали себе добычу, не отличаясь в этом отношении от «варваров», которыми они считали гупнов, персов, арабов. Источники сообщают, как ромеи разбрелись грабить убитых на поле брани и дуксу едва удалось их собрать, чтобы повести в новое нападение.

Теперь, зимой, отряды оставляли одну стоянку за другой, обнажая *limes*, уходили вглубь византийских провинций. Часть войска с границы прямо потянулась домой. «Каждый уносил то, что ему пришлось из добычи и отправлялся, чтобы идти в свою землю».² Захватив награбленное во время военных действий, воины расходились, растекались, уходили домой. Часть добычи была отобрана не на вражеской территории, а у мирного населения пограничной полосы.

«Те, что остались и не ушли в свои земли, вышли в Теллу, Решайну и Эдессу, чтобы защититься от холода». Ослабление византийских войска было учтено персами. Аштабид стал настаивать на заключении мира, грозя в противном случае возобновить военные действия. Келер дал приказ комиту Юстину собрать войска. Но будущему преемнику Анастасия это не удалось, так как большая часть ромеев «разошлась». Тогда было решено заключить мир.

Большинство источников говорит об этом кратко. Феофан считает 15-й год Анастасия годом конца войны. Если считать 491 г. н. э. началом царствования Анастасия, то 15-й год падает на 505 н. э. Известно, что Феофан делает постоянную ошибку в 8 лет в своем летосчислении,³ поэтому он

¹ Иешу Стиллит, § 80 — syr. Wright, p. 76.

² Иешу Стиллит, § 81 — syr. Wright, p. 77.

³ Grumel. L'année du monde dans la Chronographie de Théophane. Actes du IV Congrès des études byzantines, Sophia, 1935, p. 406.

и относит сообщение о мире под 5998 г. — 498 г. н. э.¹ Длительность войны Феофан определяет в 3 года. Прокопий полагает, что Амид был возвращен Византии через 2 года, после того как он был взят персами. Кавад выехал в Амид в январе 503 г., следовательно, в 505 г. состоялся обратный выкуп Амиды. По его мнению, между обоими государствами было заключено лишь перемирие сроком на 7 лет.²

Захарий Митиленский не дает хронологических указаний, но он знает подробности относительно эвакуации персов и восстановления нормальной жизни в г. Амиде. У него имеется также рассказ о том, что Кавад будто бы не подписал мирного договора, а забрав свое золото уехал «в свою землю».³ В той форме, в какой этот рассказ им сообщен, он едва ли заслуживает особого доверия, но в его основе лежит традиция, в правильности которой после подробностей, имеющих у Иешу Стилита, не приходится сомневаться.

Сопоставляя данные различных источников, можно установить тот факт, что мирные переговоры велись длительно. К 505 г. относится предварительное соглашение относительно мира, обратная сдача Амиды и выплата выкупа за него. Окончательное заключение мира следует отнести к октябрю—ноябрю 506 г.

Магистр Келер был вынужден согласиться заключить мир, так как византийская армия не могла служить ему опорой. «Когда он увидел, что большая часть ромеев разошлась у него, он заключил мир и предоставил персам выйти из Амиды», но при одном условии, если на это согласятся оба царя (византийский и персидский) и подтвердят то, что он сделал. «Если нет», т. е. если этого согласия царей не будет, «то будет вновь между ними война».⁴ Таким образом персов выпустили из Амиды по предварительному соглашению; непосредственно принимал в эвакуации участие Фарзман. Он заключил специальное соглашение с персами об эвакуации Амиды, у ворот которого «сели ромейские и персидские главы» (ⲕⲱⲓⲁⲗⲟ ⲕⲉⲗⲉⲣⲟⲓⲧ ⲕⲁⲗⲓ ⲁⲃⲁ ⲕⲉⲗⲉⲣⲁⲛⲁⲗ ⲕⲁⲓⲃ ⲁⲗⲁ).⁵ Персы выходили из города, неся на себе все, что они могли снести, и их не обыскивали, не осматривали. Горожан, которые присоединялись к персам, опрашивали, и, если они выражали желание покинуть город и уйти, то им в этом не препятствовали.⁶ За Амид персам был выплачен выкуп в 1000 литр золота — по данным Прокопия.⁷ . . . γίνονται οὖν ἐν ἀμφοτέροις λόγοι, ἐπ' ᾧ δὴ Πέρσαι λίτρας χρυσίου χιλίας λαβόντες ἀποδώσουσι Ῥωμαίοις τὴν πόλιν.

По расчетам сирийского Захария, 11 кентенариев золота было послано Каваду магистром Келером «за освобождение города и за мир».

¹ Theophanes. Chronographia, p. 147.

² Procopius. De bello persico, l. I, cap. 9, pp. 44—45.

³ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, pp. 33—34.

⁴ Иешу Стилит, § 81 — syr. Wright, p. 77.

⁵ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, p. 33.

⁶ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, pp. 33—34.

⁷ Procopius, ibidem, l. I, cap. 9, p. 41.

ܐܠܐ ܘܢܝܫܐ ܝܠܐ ܡܢ ܬܐܠܐ ܕܡܢܐ ܕܝܚܕܐ ܝܚܕܐ ܡܢ ܡܢܕܝܐ.

ܡܢܐ ܕܡܢܐ ܡܢܐ.¹ Феофан считает, что было дано 3 таланта золота в качестве выкупа (τρία τάλαντα παρσυχόντες), чтобы избавиться от необходимости проводить с войском суровое время года в походах. Взамен был получен Амид и заложники, взятые персами, в том числе Василий эдессит; Алипий же умер в плену.² Из текста Феофана очевидно, что подписание договора состоялось позднее, причем ромей расположились на это время в пограничных пунктах — Амудине и Мардине.

Иешу Стилиит к началу мирных переговоров относит поднесение подарков Каваду от имени Анастасия. Ему были посланы «дары и подарки через человека, по имени Леон» и столовый сервиз, весь из золота.³ Начаты были переговоры о мире в зимние месяцы, в холодное время года, следовательно, в последние месяцы 504 или в начале 505 г. После этого военные действия затихают. Сообщив о внутреннем положении византийских провинций, сирийская хроника рассказывает о том, что византийские войска перешли Евфрат и отправились на запад — Ареобинд в Аптнохию, Патрикий в Мелитену, Фарзман в Апомею, Федор в Дамаск, Каллиопа в Маббог. Относительно магистра Келера говорится, что он направился к императору (ܡܠܟܐ ܕܐܠ ܕܝܐ ܡܢܐ),⁴ а затем сообщается, что «в конце этого года» (июль, август 505 г.) он отправился в Апамею, а Фарзман покинул ее тогда и расположился около Эдессы.⁵ Возможно, что перед тем как ратифицировать мир, Келер побывал для переговоров в Константинополе, так как соглашение с персами носило сугубо предварительный характер. Несомненно, однако, что обе стороны действительно желали мира; это очевидно из тех мер, которые принимались государствами для предотвращения новых конфликтов. Когда персидские арабы, которые никогда «не знают мира и покоя» вторглись в византийские пределы и захватили две деревни, то шейхи их были взяты и казнены персидским марзбаном, находившимся в Низббии. Нападение арабы произвели независимо от персов, без них и понесли за это наказание. Соответственным образом поступили и в Византии. «Ромейские арабы перешли без приказания в персидскую область и взяли в плен одну деревушку». По распоряжению магистра, бывшего в это время уже в Апамее, Тимострат, дукс Калиникуса, схватил пятерых шейхов, двоих казнил мечом, а «троих пропаял на дереве». К этому времени Тимострат получил звание главнокомандующего ܡܠܟܐ ܕܝܐ, великого стратега, вместо Ипатия.⁶ Под теми же годами хроника сообщает о ряде мероприятий: исправлении стен, их укреплении, постройке крепости Дары, которые, следовательно, производились византийским государством в период до окончательного заключения мира, о чем подробнее речь будет ниже. В апреле 506 г. магистр

¹ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 5, p. 34.

² Theophanes. Chronographia, pp. 148—149.

³ Иешу Стилиит, § 81 — syr. Wright, p. 77.

⁴ Иешу Стилиит, § 87 — syr. Wright, p. 81.

⁵ Иешу Стилиит, § 88 — syr. Wright, pp. 82—83.

⁶ Иешу Стилиит, § 88 — syr. Wright, pp. 82—83.

Келер был уже в Эдессе, когда он собрал все свои войска, чтобы затем «подняться» и направиться к самой границе, для окончательного установления мирного договора. В Эдессе, однако, он задержался гораздо дольше, чем предполагал, так как сюда к нему явились персидские послы и сообщили, что аштабид, уполномоченный для переговоров с ним, умер в дороге. Если он действительно собрал войска с мирными намерениями, то просили его послы, «чтобы он не выходил из Эдессы, пока другой аштабид не будет прислан от персидского царя». Келер пробыл в главном городе Осроены около пяти месяцев, а постой его армии был невыносимым гнетом для населения и вызвал волнения. Возмущение эдесситов, отдельные их выступления принудили магистра вывести войска, с которыми он отправился на границу. Этот факт относится к сентябрю или октябрю 506 г.¹ и свидетельствует о том, что чрезмерно натягивать отношения с населением пограничных областей византийское командование не решалось.

Переговоры с персами Келер повел в Даре. Сюда к нему был прислан посол и заложники (ῥήσοι) от аштабида с тем, чтобы им были посланы в обмен взятые в плен персы. Совет, на котором должны были быть решены в подробностях вопросы мира, должен был состояться при участии магистра и аштабида. Они должны были встретиться «дружественно», явиться невооруженными, также без оружия должны были быть и те 500 всадников, которые будут сопровождать представителей каждой из держав. Магистр, однако, мало доверял обещаниям персов, тайно вооружил все войска и построил их перед собой. Когда все «сели» на совете, один из византийских воинов обратил внимание на то, что на пришедших с аштабидом под платьем было надето оружие. Сообщил он о своем наблюдении самым талантливым и воинственным ромейским полководцам Фарзману и Тимострату, которые тотчас подали знак войскам. «Испустив клич», ромеи бросились на персов и захватили в плен аштабида и его свиту. Остальное персидское войско поторопилось уйти и скрыться за стенами Низибии. Магистр настоял на том, чтобы схваченных персов отпустили, так как он боялся «помехи» для заключения мира. Аштабид сам тотчас двинулся в Низибию, откуда только несколько времени спустя вышел, чтобы подписать мирный договор, причем ряд условий, которые ставили персы, был опущен. Срок мира сирийский источник не указал, но считает его заключенным лишь на определенный отрезок времени. Прокопий Кесарийский считает, что мир был заключен на семь лет и следовательно послал характер перемирия. Византию представлял Келер, а Иран Ἀσπεβέδος испорченное звание аштабида, ставшее именем собственным.² У Феофана он стал уже стратегом Аспетием (Ἀσπέτιος ὁ στρατηγός).³

После того персидское войска и византийское войска возвратились «обратно», каждое в свою землю.⁴ Иешу Стилит датой ухода Келера и его войск с иранской границы считает двадцать восьмое число месяца Тишри

¹ Иешу Стилит, § 97 — syr. Wright, p. 88.

² Procopius. De bello persico, l. I, cap. 9, p. 45.

³ Theophanes. Chronographia, p. 148.

⁴ Joannes Malalas. Chronographia, p. 399.

второго, т. е. ноябрь 506 г.¹ Сирийский Захарий Митиленский и все греческие историки заканчивают историю войны Кавада сообщением об укреплении пограничного городка Дары.² В предшествующих главах уже было сообщено, по каким мотивам он был построен, кем и как производились самые работы. Иешу Стилиит говорит о построении Дары под 505/506 г.³ Возможно, что тогда были начаты подготовительные сборы материала, разработка проекта, так как вся постройка города была закончена «в два, три года»,⁴ следовательно, уже после подписания мирного договора. Кавад не мог помешать этому появлению новой крепости на границе, хотя оно и шло вразрез с условиями мирного договора. Персидский гарнизон Низибии пытался разогнать строящих, но Фарзман со своим отрядом специально поселился в Амиде, чтобы оберегать строительство.⁵ Тот же Иешу Стилиит сообщает об обновлении или исправлении крепостных стен у ряда месопотамских городов. Главный город Серутской области — Батнап был обнесен стеной по распоряжению и «усердию» эгемона Эдессы Евлогия.⁶ Местных жителей заставили отстроить стену крепости Еуропос (Εὐρώπος), а епископ Саргис стоял во главе работ по укреплению крепости Бирты (Birejik), «которая расположена на берегу Евфрата».⁷ Таким образом Дара была только одним из городов, которые отстраивались и укреплялись на внешней и внутренней границе Византии в эпоху Анастасия. Последний, то угрожая, то уверяя в своем дружественном расположении, усыплял бдительность Кавада или, посылая «немалое количество денег», заставлял смолкать его жалобы.⁸

Заклучение мира, по словам летописца, было встречено радостью со стороны войск. Армии обоих государств устали от войны и «торжествовали» по поводу ее окончания. Насколько невыносимо тяжким бедствием для мирного населения городов и деревень была война и разорение, вызванное постоем армии, можно судить по исключительным выражениям, в которых летописец описывает удовлетворение в связи с ее концом. «Жители города радовались миру, который настал, и восторгались освобождением от бедствий, тяготевших над ними до этого времени». Они надеялись на то, что в будущем им будет легче и «плясали» от радости, что наконец-то наступил «мир между обоими государствами».⁹ Он утверждает, что изобильный урожай, мир и тишина окончательно успокоили его родной город и область.

¹ Иешу Стилиит, § 100 — syr. Wright, p. 90.

² Collinet. Une ville neuve byzantine. La fondation de Dara (Anastasiopolis). Mélanges G. Schlumberger, 1924, pp. 55—60. — Birk Erwin. Dara—Anastasiopolis. Der Erdball, B. III, 1929, H. V, pp. 201—205. — Ensslin. Zur Gründungsgeschichte von Dara—Anastasiopolis. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, t. V, pp. 342—347. — Honigmann. Die Ostgrenze, p. 10.

³ Иешу Стилиит, § 90 — syr. Wright, pp. 83—84.

⁴ Zacharias Mytilenensis, l. 7, cap. 6, p. 37.

⁵ Иешу Стилиит, § 90 — syr. Wright, pp. 83—84.

⁶ Иешу Стилиит, § 89 — syr. Wright, p. 83.

⁷ Иешу Стилиит, § 91 — syr. Wright, p. 84.

⁸ Procopius. De bello persico, l. I, cap. 10, p. 48.

⁹ Иешу Стилиит, § 100 — syr. Wright, p. 91.

Успокоение было чисто внешним; по существу ни мир, ни урожай не снимали и не могли снять ни остроты классовой борьбы, ни непомерной эксплуатации городского и сельского населения. Впрочем, автор хроники до известной степени понимает это сам, так как о чем бы он ни говорил, тяжелое положение отмечается им постоянно. В характеристике военных действий Иешу Стилит стоит на точке зрения гражданина Византии, но ему нельзя отказать в объективности изложения. И о Византии и об Ираке он повествует, не оставляя своего спокойного, эпического тона, благодаря чему его материал приобретает еще большую ценность.

Часть II

ХРОНИКА ИЕШУ СТИЛИТА¹

Русский перевод с сирийского и примечания Н. Пигулевской

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О НЕСЧАСТИЯХ, БЫВШИХ В ЭДЕССЕ, АМИДЕ И ВО ВСЕЙ МЕСОПОТАМИИ

§ 1. Я получил писания твоей боголюбивой святости, о достопочтенный клирик и архимандрит Саргис, в которых ты просишь меня написать тебе для памяти, когда напала саранча, когда помрачилось солнце, когда были землетрясение, голод, чума и война ромеев² с персами. Вместе с тем и великие похвалы мне нашлись в них, которые ввели меня в большое смущение, даже наедине с собой, так как ни одна из них не принадлежит мне на деле...³

§ 3. . . . Помимо того, что мы видели своими глазами, слышали своими ушами и среди чего мы жили, мы трепетали еще от близких и дальних слухов, от ужасов, которые происходили в разных местах: сильнейшие землетрясения, разрушения городов, голод вместе с чумой, войны и восстания, порабощение и выселение из областей, истребление и сожжение храмов. Все это тебя поразило своим множеством, и ты просил меня описать их словами печали и скорби, которые поразят как читающих, так и слушающих. Я знаю, что ты это говорил по своему усердию к благу, для того чтобы это было раскаянием и для тех, которые это услышат, и их приблизило бы к покаянию.

§ 4. Но я знаю, что одно дело, когда кто-нибудь пишет печально, и иное писать правдиво; и иное, если бы кто-нибудь, имеющий природное красно-

¹ Перевод сделан с сирийского текста *The chronicle of Joshua the Stylite*, ed. by Wright. Cambridge, 1882.

² Ромеями в этой хронике, как и вообще в сирийских памятниках, называются византийцы; ромейский язык, на котором говорили в Византийском государстве, — язык греческий.

³ Следующая часть § 1, § 2 и начало § 3 заключают в себе дидактические рассуждения и уверения автора в своей неспособности и несостоятельности выполнить возложенную на него задачу.

речие пожелал написать эти истории унылые и плачевные, я же прост в слове своем. Но то, что я сообщаю в этой книге таково, что все люди, которые находятся в нашей области, засвидетельствуют, что это правда. А те, кто прочтут или прослушают ее и пожелают исследовать, приблизятся к покаянию. И если скажет кто-нибудь, какая польза тем, которые прочтут об этом, если не примешано поучение к этому рассказу? Я же, как тот, кто не смог этого сделать, я говорю, что достаточно несчастий, которые случились с нами, чтобы памятовать о них нам и тем, кто после нас, и поучаться воспоминанием о том, что было нам послано за грехи.¹

§ 7. В 609 г. [297/8 г. н. э.] ромеи взяли город Низибию, и она оставалась под их властью шестьдесят пять лет. После смерти Юлиана в Иране, случившейся в 674 г. [июнь 363 г. н. э.], Иовиниан,² который воцарился после него над ромеями, более всего дорожил миром и поэтому дал согласие персам владеть Низибией на 120 лет, после чего она должна быть возвращена ее господам [ромеям]. Срок кончался при императоре ромейском Зеноне, но персы не желали возвратить город и это дело возбудило спор.

§ 8. Между ромеями и персами существовал договор, по которому, если они будут нуждаться друг в друге, в случае войны с какими-либо народами, они будут помогать друг другу, предоставив 300 человек воинов с оружием и конями, или 300 статиров³ вместо каждого человека, и это по пожеланию стороны, которая нуждается в помощи. Ромеи с помощью бога, господа всех, в помощи персов не нуждались, так как верующие императоры были с того времени и посейчас, и утверждалась их власть с помощью небес. Цари же персидские, посылая послов, просили золота, нуждаясь в нем, но они получали его не в виде подати, как полагали многие.⁴

§ 9. В наши дни Пероз, царь персидский,⁵ из-за войны с кionoайе,⁶ т. е. с гуннами, неоднократно получал золото от ромеев, не требуя его как подати, но вызывая их усердие, будто бы ради них он вел с ними борьбу, «чтобы они не перешли в вашу землю». Правдоподобными делали его слова опустошения и увод в рабство, произведенные гуннами в ромейских землях в 707 г. [395/6 г. н. э.] в дни Гонория и Аркадия,⁷ сыновей Феодосия великого, когда вся Сирия находилась в их руках, благодаря предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая.

§ 10. С помощью золота, взятого у ромеев, Пероз подчинил гуннов, захватил большие пространства их земли и присоединил их к своему государству, но в конце концов он был схвачен ими. Когда услышал это Зенон,

¹ Конец § 4, § 5 и § 6 содержат рассуждения о несчастиях, посланных в наказание за грехи.

² Иовиан умер в феврале 364 г.

³ $\sigma\tau\alpha\tau\acute{\iota}\rho$ — статір.

⁴ Византия в действительности откупалась золотом от своих воинственных соседей.

⁵ Пероз, с 457 по 484 г.

⁶ В греческих источниках хиониты.

⁷ Аркадий, с 395 по 408 г. —

император ромейский, он послал от себя золото, освободил его и помирил его с ними. Пероз заключил договор с гуннами, что больше не будет переходить границу их земли ради войны. Он возвратился, нарушил договор подобно Цедекии, отправился воевать и, как он, попал в руки своих врагов. Все его войско было разбито, рассеяно, а сам он был взят живым. Он пообещал в своей гордости дать за спасение своей жизни 30 мулов, нагруженных зузе.¹ И послал в землю, что находилась под его властью, и с трудом собрал 20 мешков, так как вся казна предшествовавших ему царей была истощена прежними войнами. За другие 10 мешков, пока он не пришлет их им, он оставил поручителем и заложником² Кавада, своего сына, и во второй раз заключил с ними договор больше не воевать.

§ 11. Когда Пероз возвратился в свое государство, он обложил подушной податью всю свою землю, послал 10 мешков зузе, освободил своего сына, снова собрал войско и отправился воевать. И исполнилось на деле слово пророка, который сказал: «Я видел нечестивого, разросшегося, как дерево в лесу, и когда проходил не было его, искал его и не нашел».³ Когда началась битва и смешались лагеря друг с другом, все войско его было истреблено, а его самого искали и не пашли, и до сегодня неизвестно, что с ним. Было ли его тело погребено под трупами убитых, бросился ли он в море, или спрятался под землю и умер затем от голода, или, скрывшись в лесу, был съеден зверями.

§ 12. В дни Пероза и ромейское государство находилось в смятении, так как была ненависть у дворцовых людей⁴ к императору Зенону,⁵ потому что был родом исавр.⁶ Восстал на него Василиск и воцарился вместо него, но затем усилился Зеноп и утвердился в своем государстве. Так как он испытывал ненависть многих к себе, он устроил неприступную крепость в своей земле, для того чтобы, если случится с ним какое-либо зло, она была бы ему убежищем.⁷ В этом был его поверенным стратилат Антиохии, по имени Иллус, который был также исавром. Зеноп всем своим землякам давал посты чести и могущества, за что особенно был ненавидим ромеями.

§ 13. Когда крепость была снабжена всем необходимым, Иллусом было там положено бесчисленное количество золота. Затем он отправился в столицу известить Зенона, что он выполнил его волю. Зеноп же, зная, что он фальшив и жаждет власти, приказал одному из воинов его убить. Много дней тот, которому это было приказано, искал и не находил случая сделать это тайно. Наконец, он встретил Иллуса внутри дворца, извлек меч и поднял его, чтобы поразить его, но сейчас же один из воинов, следовавших за Иллусом, поразил его ножом в руку, и выпал меч из его руки и обрезал ухо Иллусу. Зеноп, для того чтобы не открылся обман его против

¹ Вавилонское zuzu, drachma, δράχμη, dirhem — монета.

² Греческое δμῆρος транскрибировано по-сирийски.

³ Псалом 36 (37) ^{35—36}.

⁴ **حَد حليم** — πλάτιον.

⁵ Зеноп, с 474 по 491 г.

⁶ Исавры — горное племя, жившее в горах Тавра, в Малой Азии.

⁷ τὸ Πυπόριον καστέλλιν у греческих авторов.

Иллуса, тотчас приказал относительно воина, чтобы ему сняли голову без допроса. Это обстоятельство особенно заставило Иллуса предполагать приказанное Зеноном. Он поднялся, уехал оттуда и отправился в Антиохию, решив отомстить, если представится случай.

§ 14. Зенон боялся Иллуса, так как знал его злобу. Он послал в Антиохию известных людей звать его, чтобы он прибыл к нему. Он желал якобы извиниться, потому что обман был без его ведома, и он не желал его убить. Но упрямства Иллуса он не мог смягчить, так как тот пренебрегал им, не желая слушаться его приказа и отправляться к нему. Наконец, послал к нему Зенон другого стратилата, по имени Леонтия, с подвластным ему войском, приказав ему силой привести его к себе и, если он окажет сопротивление, убить его. Когда Леонтий прибыл в Антиохию, он был соблазнен золотом Иллуса и открыл ему относительно приказа об убийстве, который был ему дан. Иллус же, когда увидал, что ничто от него не скрыто, то и сам показал множество золота, которое было у него в руках, ради которого Зенон и хотел его убить. Он убедил Леонтия присоединиться к нему и восстать с ним, указав ему также на ненависть ромеев к Зенону. И когда этот согласился, Иллус мог показать свою волю. Один он не мог ни восстать, ни сесть на престол, так как его ненавидели ромеи за его происхождение и жестокость.

§ 15. В Антиохии воцарился Леонтий лишь по имени, тогда как делами управлял Иллус. Поговаривали между собой, что он думает убить Леонтия, если они победят Зенона. За ними следовал один лживый маг, по имени Пампрепиус, который все их дела повернул и планы нарушил своей ложью. Чтобы утвердить свою власть, они отправили послов в Иран с многом золотом, имея в виду заключить с ними дружеский договор. . .,¹ или, если они попросят, послать им в помощь войско. Когда Зенон услышал о том, что происходит в Антиохии, он послал туда одного из стратилатов, по имени Иоанна, с большим войском.

§ 16. Дрогнуло сердце тех, что были с Иллусом и Леонтием, когда они услышали, что на них идет большое войско. Антиохийцы также испугались и, так как не могли вынести осады, на шумели на них, чтобы они убегали из города и, если могут, пусть сами ведут войну. Это еще более испугало сторонников Иллуса. Они думали уйти из Антиохии и перейти за р. Евфрат на восток. Один из них, по имени Матроннан, был послан с 500 всадников, чтобы утвердить их власть в Эдессе. Жители же Эдессы поднялись против него, закрыли городские ворота, стену оберегали по военным законам и не пускали их войти.

§ 17. Когда услышали это сторонники Иллуса, они были выпущены прибегнуть к войне с Иоанном, но не были достаточно сильны, потому что Иоанн папал на них мужественно и разбил множество войска бывшего с ними, а прочие рассеялись, каждый в свой город. Сторонники Иллуса не смогли перенести его удара; забрав что им оставалось, они спаслись в крепость, о которой я выше говорил, неприступную и снабженную вся-

¹ Первая часть предложения с «или» в тексте пропущена.

чески. Иоаши преследовал их, но не захватил их, и тогда он расположился вокруг крепости, чтобы сторожить их. Они же, надеясь на неприступность крепости, отпустили войско, которое было с ним,¹ оставив с собой только избранных и храбрых. Иоаши обрушил свой гнев на тех, которые выходили из крепости, но ни в чем не мог досадить Иллусу, по причине сурового характера местности крепості, которая стала поразительно неприступной, благодаря работе рук [человеческих]. Если и была одна тропа, чтобы подниматься, то сразу двое не могли по ней идти, так она была узка. После долгого времени, когда хитрости Иоаши были истощены, Иллусовы² были преданы тем, кто были с ними, и они были схвачены спящими. По приказанию Зенона оба были убиты вместе с теми, кто их предал, и отрезали руки у всех остальных, которые были с ними. Таковы были беды у ромеев в дни Пероза.

§ 18. После того, как искали [Пероза] и не нашли его, как я говорил выше, Балаш,³ брат его, воцарился вместо него. Это был муж смиренный и миролюбивый. Он не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю нашел опустошенной из-за нападений гуннов. Ибо не безызвестно вашей мудрости, какой ущерб и расходы несут цари при войнах, даже победоносных, тем более несчастных. От ромеев и ему не было никакой помощи, как и его брату. Он отправил послов к Зенону, чтобы тот прислал ему золота. Но этот был занят войной с Иллусом и Леонтием, а также помнил то золото, которое было послано в начале мятежа и осталось там у персов. Он не захотел им ничего посылать, но прислал [сказать]: «Достаточно тебе податей, которые ты взимаешь с Низибии и они уже много лет принадлежат ромеям».

§ 19. Балаш, так как у него не было золота,⁴ чтобы содержать свои войска, был ничтожен в их глазах. Маги⁵ также его ненавидели за то, что он пренебрегал их законами и желал построить бани [βαλανεῖα] в городах для омовений. Когда они увидали, что он не уважаем войском, они схватили его, выкололи ему глаза и поставили вместо него Кавада,⁶ сына Пероза, его брата, имя которого мы упоминали выше,⁷ который был заложником у гуннов. Он-то и повел войну с ромеями из-за того, что ему не было дано золота. Кавад отправил послов и одного большого слона в дар императору, чтобы тот послал ему золото. Пока послы достигли Антиохии сирийской, умер Зенон, и воцарился после него Анастасий.⁸ Когда персидский посол оповестил Кавада, своего господина, относительно перемен в ромей-

¹ В тексте одно непонятное слово исправлено Райтом без достаточных оснований, я предпочитаю его опустить.

² Не представляется правильным считать выражение **ܐܠܠܘܫ ܝܬܡܝܢ** как подразумевающее только Иллуса и Леонтия, как полагает Райт; это выражение значит «Иллус и те кто с ним» — Иллусовы.

³ Балаш, с 484 г.

⁴ Золото может иметь в сирийском языке значение денег вообще.

⁵ Магами сирийцы называют персидских жрецов.

⁶ Кавад, с [488] по 531 г.

⁷ См. § 10.

⁸ Анастасий, с 491 по 518 г.

ском государстве, он послал ему сказать, чтобы тот поспешил отправиться и потребовал обычное золото или сказал царю: «Принимай войну».

§ 20. Итак, вместо того, чтобы сказать, как должно, слова мира и спокойствия и порадоваться с [Анастасием] началу этого устроения, которое действительно было ему дано от бога, он словами угрозы раздражил сознание благочестивого Анастасия. Этот же, когда услышал его гордые речи и узнал о его дурном праве, что он обнови́л отвратительную ересь [αἵρεσις] магизма, зарадуштакап [𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥𐭥𐭥 — Zaraduštakan], которая учит, что женщины должны быть общими и что каждый может жить с кем хочет,¹ и что он делал зло армянам, подвластным ему, за то что они не почитали огонь, он презрел его и не послал ему золота, но послал ему [сказать]: «Как Зенон, царствовавший до меня, не посылал, так и я не пошлю тебе [золота], пока не вернешь мне Низибю. Немалые войны и у меня с варварами, называемыми гепидами,² и с теми, которые называются блеммьями,³ и со многими другими. И я не оставлю ромейские войска, чтобы кормить твои».

§ 21. Когда услышали армяне, которые были под властью Кавада, что не мирно было ему отвечено ромеями, они укрепились, усилились и разрушили храмы огня, которые построили персы в их земле, и убили магов, которые были среди них. Кавад послал против них одного марзбана с войском, чтобы их наказать и обратить их к поклонению огню. Армяне воевали и с ним, разбили его и его армию, и отправили послов к нашему императору с тем, что они ему подчиняются. Но он не пожелал принять их, чтобы не думалось, что он возбуждает войну против персов. Те же, кто осуждают его за то, что он не дал золота, пусть осуждают того, кто требовал насильно не принадлежащее ему.⁴ Если бы он просил миром и уговором, то ему было бы послапо, но он ожесточился подобно фараону и угрожал войной. Будем надеяться на правосудие божие, которое наведет на него еще большее наказание за его печистые законы, за то, что он хотел уничтожить закоп природы и разрушить пути благочестия [религии].⁵

§ 22. Немного спустя кудишайе, которые были под властью Кавада, поднялись против него и пытались войти в Низибю, чтобы поставить там царя из своих, и они немалое время нападали на нее. Также тимурайе

¹ Эти сведения о маздакизме обращают на себя внимание, как одни из немногих, современных этому течению свидетельств. Кристенсен привлек их к своей работе о Каваде. Christensen. Le règne du roi Kawadh I et le communisme mazdakite. København, 1925.

² В сирийском тексте слово неясно и может читаться гепиды, как предложил Nöldcke. Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft, B. 36, 1882, p. 686.

³ Βλέμμοες — африканское племя. — Cambridge medieval history, t. I. Cambridge, 1911, p. 480.

⁴ Автор, очевидно, полемизирует с тем течением в сирийских провинциях, которые были недовольны войной Византии с Ираном, так как население деревень и городов несло все тягостные последствия этой войны: постой солдат, мародерство, опустошение полей и виноградников, грабеж. Насколько сильно было недовольство, видно из дальнейшего.

⁵ Намек на учение маздакитов, требовавших разделения имущества богатых в пользу бедных и на их взгляды на брак в интерпретации автора (см. § 20).

которые живут в персидской земле, когда увидали, что от него им ничего не достается, восстали против него. Они надеялись на высокие горы, в которых они жили; спускаясь, они грабили и обирали окружающие деревни, купцов приезжих и местных, и поднимались вновь. Также и знать государства пенавидела Кавада за то, что он разрешал их женам изменять. Арабы, которые находились под его властью, когда увидали беспорядок в его государстве, стали разбойничать, насколько хватало сил, по всей персидской земле.

§ 23. В это время нашла на ромеев другая беда — исавры после смерти Зепона восстали против Анастасия и желали поставить императора, который бы им правился. Когда услышал об этом Кавад, он решил, что время подходящее и отправил послов к ромеям, предполагая, что они испугаются и пошлют ему золото, потому что восстали против них исавры. Анастасий послал ему [в ответ]: «Если ты просишь займы, я тебе пошлю, если же по обычаю, то я не пренебрегу войсками ромейскими, занятыми войной с исаврами, для того, чтобы быть помощью персам». Этим Кавад был унижен, потому что замысел его не удался. Погибли исавры, они были уничтожены, убиты, а все города их опустошены и сожжены. Зпатные персидские [люди] думали тайно убить Кавада за нечистые обычаи и извращенные законы. Когда он это узнал, то он оставил свое государство и бежал к гуннам, к царю, у которого рос, когда был заложником.

§ 24. Воцарился вместо него у персов Замашп, брат его. Кавад же взял себе у гуннов в жены дочь своей сестры. Его сестра была там взята в плен во время войны, в которую был убит его отец, а так как она была дочерью царя, то стала женой гуннского царя, и от него у нее была дочь. Когда Кавад бежал туда, она дала ее ему в жены.¹ Он приободрился, породнившись с царем, и плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истребить зпатов и утвердиться в своем государстве. И дал ему его тесть немалое войско, по его просьбе. Когда он достиг персидской земли, услышал об этом его брат и бежал от него, а Кавад исполнил свое желание и казнил зпатов. Он также послал к тимурайе, угрожая им, что если они не подчинятся ему по своей воле, то они дождутся, что он их победит в войне; если же они примкнут к его войску и войдут с ним в ромейскую землю, то он уделит им из добычи оттуда все, что у них было отнято. Те испугались гуннских войск и подчинились ему. Кудишайе, которые жили близ Низибии, услышав об этом, также подчинились. Арабы же, когда узнали, что ожидается война с ромеями, с большой поспешностью сами собрались к нему. Армяне, боясь, чтобы он не отомстил за то, что они разрушили перед тем храмы огня, не хотели подчиниться ему. Кавад собрал войско и воевал с ними. Он взял верх над ними, но не опустошил их, а обещал им, что не будет принуждать к почитанию огня, если они станут ему помощниками в войне с ромеями. Они по боязни,

¹ Обычай персидских царей жениться на сестрах и на других кровных родственниках общеизвестен. О нем сообщал еще гностик Бардесан. У Табари версия женитьбы Кавада другая.

против воли согласились. Относительно того, что делал Кавад, когда вошел в пределы ромеев, об этом я скажу в свое время. Теперь же относительно знамений и взысканий, которые были в это время, о саранче, чуме и дороговизне, как ты просил меня написать и как они следовали во времени, — к этому я обращаю свое слово. Чтобы не путать рассказа, я поставлю годы один за другим, отделяя их, и под каждым из них особо напишу что в нем произошло, а бог будет мне помощью по молитве твоей избранности.¹

§ 25. Год 806 Александра² [494/5 г. н. э.]. Относительно войны и как она возгорелась я достаточно сообщил, как ты того желал, о отец наш, хотя я вкратце написал эти истории, и избегая многословия. Часть из них я нашел в старых книгах, часть узнал из общения с людьми, которые были отправлены послами к обоим царям, прочее — от тех, которым случилось самим быть среди этих событий. Теперь же о том, что случилось у нас, хочу я сообщить тебе, так как с этого года начались ужасные наказания³ и знамения, которые были в наши дни.

§ 26. В то время были совершенно здоровы наши тела, но немощи и болезни наших душ были многочисленны. Бог, который хочет, чтобы грешники обратились от грехов своих и жили, сделал зеркалом нашу плоть. Нарывами покрылись все наши тела, чтобы на внешнем мы видели, чему подобно наше внутреннее, и чтобы раны нашего тела научили нас, каковы раны наших душ. И так как все люди грешили, все были поражены этим наказанием. Были нарывы и чирьи у всех жителей нашего города, распухли лица у многих, наполнились гноем, и вид их был ужасен. У других же все тело было полно нарывами и чирьями от ладони их рук до ступни ног, у иных открывались глубокие раны одна за другой на членах. Но по покрывающей милости божией, эта болезнь недолго оставалась у человека и ни недостатков, ни разрушений не оставалось на теле, но раны нарывов по выздоровлении закрывались, и члены оставались в сохранности и могли исполнять свою работу в теле. В это время в Эдессе продавались 30 модиев⁴ пшеницы за динарий⁵ и 50 модиев ячменя за динарий.

§ 27. Год 807 [495/6 г. н. э.]. В семнадцатый день месяца Ияр этого года [май 496 г.], когда благодеяния с небес ниспосылались щедро на всех людей, урожай по благословению был велик, дождь падал и плоды земли умножались в свое время, многие из горожан оставили надежду на спасение и открыто грешили. Забавляясь в роскоши, они даже не воздавали благодарности богу за дары, ниспосылаемые им, но в пренебрежении была у них [эта обязанность],⁶ и они были испорчены болезнями грехов. А когда им стало недостаточно грехов тайных и явных, которым они предавались, они появлялись в этот знаменательный день, т. е. в ночь с пятницы на субботу там, где танцевал плясун [*ἡ δὲ χοροὶς ὁρχηστῆς*], именуемый Тримернус.

¹ Подобно выражению «твоей милости».

² Летосчисление ведется сирийцами от времени Александра Македонского.

³ Взыскания, кары.

⁴ Модий — мера сыпучих тел. Модий содержит 40 римских литр.

⁵ Динарий — золотая монета, соответствует номисме (солиду).

⁶ Одно слово в рукописи неясно, Райт его восстанавливает как «обязанность».

Зажигалось бесчисленное множество светильников [καυδῆλαι] в честь этого праздника — обычай, которого до того не было в городе. И от ворот театра до ворот гротов¹ они расположили их по земле со стороны реки, поставив по ее берегу горящие светильники, повесили их в портиках [στόαι], антифоре [ἀντίφορος] в верхних улицах² и во многих местах. По причине этого нечестия богом было показано удивительное знамение, чтобы исправить их. Знак креста, который был в руке статуи [ἀνδρίαντα] блаженного Константина царя, удалился из руки этой статуи на один локоть и оставался так в пятницу и в субботу до вечера. В воскресенье знак сам по себе приблизился к своему месту, и статуя взяла его в свою руку, как она держала его прежде. Этим знамением было разъяснено лучшим, что происшедшее событие далеко от воли божией.

§ 28. Год 808 [496/7 г. н. э.]. Но нам не было достаточно этого знака свыше, чтобы удержать нас от зла, напротив, мы усердствовали и отдавались греху с легкостью. Малые³ клеветали на ближних, а сильные⁴ были полны лицемерия. Зависть и ложь господствовали над всеми нами, и разврат и распутство умножились. Усилилась болезнь нарывов у людей, глаза многих в городе и деревнях были затронуты. Была же прекрасна ревность епископа мар Кира.⁵ Он побудил горожан сделать вместилище [λεχτίχιον] из серебра для почитания сосудов евхаристии, чтобы поставить их в него, когда отправятся служить с ними в память одного из мучеников. Каждый дал, что мог по своим возможностям. Евтихиан, муж Ирины,⁶ первый показал добрую волю и дал собственных 100 динариев.

§ 29. Отослан был эгемон [ἡγεμών] Анастасий, вместо него в конце этого года прибыл Александр. Он очистил улицы города от навоза, убрал будки,⁷ которыми застроили ремесленники⁸ портики [στόαι] и улицы. Он поместил ящик [κιβωτός] перед своим преторием [πραιτώριον], сделал отверстие в крышке и написал над ним: «что всякий кто желает сообщить что-нибудь и не легко ему сделать это открыто, пусть напишет и бросает в него без страха». По этой причине Александр узнал много вещей, так как многие писали и бросали в [ящик]. Он сидел точно, каждую пятницу, в храме⁹ мар Иоанна Крестителя и мар Аддая апостола и творил суд безвозмездно. Усилились

¹ Ворота гротов или гробниц, расположенных в западной части города. Описание этих гротов дал Sachau. Reise in Syrien und Mesopotamien, 1883, p. 200.

² Ἀντίφορος — hotel de ville, town — hall. Верхние улицы нагорной части Эдессы, где жил Абгар в III в. — Chronicon Edessenum. Corpus scriptorum christianorum orientalium, t. 4, p. 12.

³ **κτῖαι** — малые, слабые.

⁴ **κτῖαι** — сильные, богатые.

⁵ Мар, господин; в сирийском языке широко распространенный термин и обращение, как во французском monsieur.

⁶ Ирина, в тексте — **κτῖαι**.

⁷ Payne-Smith. Thesaurus siriacus, t. II, c. 3361.

⁸ **κτῖαι** — artifex, artisan.

⁹ Мартирион, **μνηστήριον** — храм.

[притесненные]¹ против притеснителей и ограбленные против грабителей и приносили ему жалобы, и они судили их.² Не рассмотренные жалобы давностью свыше пятидесяти лет приносили ему и решались им. Он построил крытый ход [περίπατον] около ворот гротов и вновь начал строить общественные бани [δημόσιον], которые за много лет было предположено построить около зернохранилища.³ Он приказал ремесленникам вывешивать на их лавках с каула воскресения кресты с пятью горящими фонарями [φανοί].

§ 30 Год 809 [497/8 г. н. э.]. Пока все это происходило, приблизилось опять время праздника, в который распевались языческие сказания, и горожане приложили стараний больше, чем прежде. Еще за 7 дней они стекались толпой к театру в вечернее время, одетые в льняные одежды,⁴ покрытые тюрбанами,⁵ с распоясанными бедрами. Перед ними горели светильники [καυδήλαι], курился фимиам и они бодрствовали всю ночь, кружась по городу и прославляя плясуна до утра в песнях, кликах и высокомерии [στρήνος]. По этой причине у них было в пренебрежении ходить на молитву и ни один не приходил к [мысли] о своей чести, но в своей гордости они издевались над скромностью своих отцов, которые говорили: «Вы не должны делать всего этого, подобно нам». Простецы и невежды [idiōtai] были жители города в старое время, поэтому они пребывали в нечестии и не было никого противиться им, прервать и научить их. В это время в Эдессе пахотился Ксенайя, епископ Маббогский,⁶ о котором более других думалось, что он принял на себя труд поучения, но и он не беседовал с ними об этом предмете больше одного дня. Но бог в своем милосердии показал им ясно попечение, которое он имел о них, чтобы удержать их от греха. Две базилики [βασιλικαί] и тепидерии⁷ летних бань упали, но по милости божией никто не был там поражен, хотя много людей было в ней, работавших внутри и снаружи. Никто из них не умер, кроме двух человек, которые были раздавлены, когда они бежали от шума падения в двери вапны; достигнув ее с двух сторон, с одной и другой, чтобы повернуть ее, они держались около нее в споре, кто из них выйдет первым, и упали на них камни, и они умерли. И прославили бога все лучшие,⁸ что он оберег город от горя для многих. Падение же это было таково, что даже пняние камни, которые были расположены на поверхности земли, были вырваны со своего места.

¹ «Притесненные» в тексте нет, слово случайно пропущено, оно требуется контекстом.

² Переход к множественному числу обусловлен тем, что судил эгемон не один.

³ Σιτικός, σιτώνιον — государственное зернохранилище.

⁴ λεπτὰ — льняные одежды.

⁵ Φακίολιχ — Wright, translation, p. 21.

⁶ Ксенайя (Филоксен) Маббогский, епископ города Маббога; умер после 522 г. (вероятно, в 523 г.); плодовитый писатель, монофизит.

⁷ Античные бани имели следующие отделения: раздевальню — apodyterium; холодное отделение — frigidarium, при котором делался холодный бассейн; tepidarium — теплую комнату, служившую переходом в горячее отделение — calidarium. В этом последнем находилась общая ванна alveus и labrum. Под сириец мог разумеать или бассейн, или общую ванну.

⁸ См. § 27.

§ 31. В этот же год вышло повеление Анастасия отменить [подать] золотом, которую давали ремесленники раз в четыре года, и они были освобождены от подати.¹ И не только в Эдессу пришел этот приказ, но и во все города, подвластные ромеям. Давали же эдесситы раз в четыре года 140 литр золота. И радовался весь город. В белое оделись все от мала до велика, неся горящие восковые свечи [κηρίωνες], дымящиеся курительницы [πύρωμα];² они вышли с псалмами и песнопениями, прославляя бога и чествуя царя, к храму мар Саргиса и мар Шемона.³ Они справили там евхаристию, вернулись в город и на всю неделю устроили праздник радости и веселья и постановили, что будут праздновать этот праздник из года в год. Возлежали и веселились все ремесленники (κασοῖ), омывались и праздновали во дворе храма и во всех портиках [στέαι] города.

§ 32. В месяце Хазирап того же года [июнь 498 г.], в пятый день покинул этот мир епископ мар Кир и вместо него был [поставлен] Петр. Он прибавил к годовым праздникам праздник осанны⁴ и установил обычай освящать воду в ночь накануне праздника эпифании,⁵ над миром для помазания в пятницу⁶ молиться⁷ перед всем народом и прочее для других праздников.

Снят был эгемон Александр и вместо него [был назначен] Демосфен, по приказу которого выбелили все портики [στέαι] города. Люди, опытные в делах, были этим весьма встревожены и говорили, что это признак близости несчастий.⁸

§ 33. Год 810 [498/9 г. н. э.]. Пример правосудия божия был нам показан в это время для того, чтобы прекратить наши злые обычаи. В месяце Ияр этого года [май 499 г.], когда приблизился день, в который устраивали этот скверный языческий праздник,⁹ множество саранчи пришло в нашу страну с юга. Она ничего не испортила и не повредила, только положила немалое количество яиц в нашей земле. Когда кладка яиц в земле была окончена, случилось сильное землетрясение. Оно было явлено для того, чтобы пробудить народ, погрязший в грехах, дабы не постигли их голод и чума.

§ 34. В месяце Аб этого же года [август 499 г.] вышел эдикт Анастасия [запрещающий] бои зверей¹⁰ в городах ромейских. В месяце Иллул [сен-

¹ Χρυσόρυρον — подать, уплачиваемая городским населением, была уничтожена эдиктом Анастасия в мае 498 г., дата известна только по сирийским хроникам.

² Курительницы этой эпохи см.: Сасанидское серебро и бронза. Изд. Гос. Эрмитажа, 1933, табл. 23 и 24.

³ Саргис — Сергей, Шемон — Симеон. Под Эдессой находится армянский монастырь Der Serkis, в котором имеются древние пещеры и катакомбы. — S a c h a u. Reise, p. 202.

⁴ Вербное воскресенье.

⁵ Крещение.

⁶ Страстная пятница. Обычай, известный по сирийским богослужебным книгам.

⁷ В рукописи это слово неразборчиво.

⁸ Текст последней строки несколько испорчен.

⁹ О котором была речь в §§ 27 и 30.

¹⁰ Транскрибированное по-сирийски греческое слово κυνήγιον — охота; здесь подразумеваются бои диких зверей, устраиваемые в городских амфитеатрах.

тябрь] было сильное землетрясение, и великий шум с неба был слышен на земле, так что земля до основания потряслась от этого шума. И все деревни и города были встревожены этим шумом и землетрясением. Со всех сторон до нас доходили тяжелые слухи и нехорошая молва. Как рассказывали друг другу, был видим удивительный знак на р. Евфрате, и у горячих источников Абаршы¹ прекратилось течение струй в этот день. Мне не кажется это ложью, потому что всякий раз, когда земля раскалывается при землетрясении, случается, что воды, которые текут в местах, которые расщепились, прекращают свое истечение и [также] уклоняются в другую сторону. Так и блаженный Давид говорит в 18-м псалме о суде, который придет от бога на его врагов через трясение земли и рассечение гор и о прочем, чтобы мы знали, что все это случится. Он говорит: «Открылись источники вод и были видны основания вселенной от твоего гнева, боже».²

В этом месяце пришло письмо, которое было прочитано перед всем церковным собранием, о том, что внезапно среди ночи пал город Никополис,³ и среди него были задавлены все его жители. Приезжие [ξένοι], бывшие там, и братья из нашей школы, отправившиеся туда, которые находились внутри него, были поглощены, а их пришедшие товарищи рассказали об этом нам. Вся стена, окружающая город, и все, что было внутри нее, было разрушено в ту ночь, и ни один человек не остался в живых, кроме епископа этого города и двух других человек, которые спали вне апсиды [κόγχη] алтаря храма. Когда падала крыша этого дома, в котором они спали, пришелся один конец дерева на край этого алтаря и их не раздавило. Вот что мне рассказал один брат правдолюбец: «В вечернее время той ночи, в которую пал [Никополис], мы легли в городе, я и один мой товарищ. Он беспокоился и сказал мне: „Вставай, пойдем ночевать за город в пещеру, по нашему обыкновению, потому что я не могу здесь оставаться, воздух зноен для меня и сон не приходит ко мне“. Поднялись мы с ним, вышли за город и переночевали в этой пещере по нашему обычаю. Когда приблизилось утро, я разбудил брата, который был со мной, и сказал ему: „Вставай-ка, потому что рассвело, пойдем в город, чтобы справлять наши дела“. — Встали мы с ним и пошли в город и нашли развороченными все его здания и зарытыми в них людей, скот, волов, верблюдов, и звук их стенаний раздавался из земли. Те, кто приблизились туда, вытащили епископа из-под бревна,⁴ под которым он скрылся. Он попросил хлеба и вина, чтобы исполнить евхаристию, но так как весь город был разворочен, в нем не оставалось ничего. Случилось [тут] быть приезжему, хорошему человеку, он дал ему маленькие кусочки и немного вина. [Епископ] совершил евхаристию, помолился и роздал тем, кто там был, тайны жизни. Он был похож

¹ Источники Абарны. — Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, tabl. I, p. 34.

² Псалом 17₁₆.

³ Никополис, город в Евфратезии. Pauly — Wissowa Realencyclopaedie XVII. 1. В. 33. с. 535—536.

⁴ В рукописи неясно одно слово: может быть бревна «церкви», или бревна «крыши».

в это время, как мне кажется, на праведного Лота, когда тот бежал из Содома». Того, что сказано — достаточно.

§ 35. На севере был также один храм, называемый Аршемшат,¹ который был основательно выстроен и красиво украшен. В известный день, в который была память святых, почивших в нем, из года в год собирались туда многие со всех сторон: одни для молитвы, другие для торговли, потому что много провизии нужно было для людей на том сборище, которое собиралось. В то время, как там было множество народа — мужчин, женщин и детей — всякого положения и всякого рода, ударила сильная молния, [раздался] страшный грохот, шум сотрясения, и бросился весь народ в этот храм, чтобы иметь убежище у костей святых. Когда они были в великом страхе, до полуночи оставаясь в молитве и служении, упал храм и раздавил собой большинство людей, которые в нем были. Случилось же это в тот же день, что разрушен был Никополис.

§ 36. Год 811 [499/500 г. н. э.]. При всех этих землетрясениях и ужасах никто из нас не уклонился от зла, поэтому наша страна и наш город не имели оправдания. Так как мы были оберегаемы от наказания, постигшего других, и не были испуганы слухами из отдаленных мест, то мы были поражены ударом, от которого не было излечения. Признаем справедливость Божию и скажем: «Справедлив господь и праведны суды его»,² потому что по своему долготерпению знаменами и чудесами он желает отвратить нас от зла.

В месяце Тишрин первом этого года [октябрь 499 г.], двадцать третьего, в день субботний, при восходе солнца свет оставил его и сфера света стала подобна серебру и лучи его не были видны, наши глаза легко и беспрепятственно смотрели на него, потому что не было у него яркости, блеска лучей, которые мешали бы смотреть на него. Как нам было легко смотреть на луну, также мы смотрели и на [солнце]. Оно оставалось таким приблизительно до восьми часов. Земля же, над которой оно возшло, была немного в сумерках, подобно тому, как если бы она была посыпана пеплом или серой. В тот же день случилось другое знамение, страшное и потрясающее, в стене города. Благодаря вере царя и справедливости его обитателей прежних времен, этот город был достоин получить благословение от господина. В настоящее время он был близок к тому, чтобы были уничтожены его жители, по множеству их грехов. Ибо трещина сделалась в стене, с юга до больших ворот, и часть камней с того места рассыпалась на немалое расстояние от нее. По распоряжению отца нашего епископа мар Петра были устроены моления и каждый просил у бога милости. Он собрал весь свой клир, давших обет мужчин и женщин, и всех сынов святой церкви, богатых вместе с бедными, мужчин вместе с женщинами и детьми. Неся кресты, они обходили все улицы города с псалмами и песнопениями, в черных одеждах смирения. Также и все монашествующие в нашей области с великим усердием пребывали в служении, и по молитве всех святых

¹ H o n i g m a n n. Die Ostgrenze, p. 72, Mesopotamia et Armenia quarta.

² Псалом 119₁₃₇.

свет солнца стал на свое место, что было нам некоторым утешением.

§ 37. В месяце Тишри втором [ноябрь 499] мы увидели в полдень три знамения в небе. Одно из них было посредине неба, с южной стороны, красками подобное радуге, бывающей в облаках, с вогнутостью вверх, т. е. выпуклость его [была обращена] вниз, а концы вверх. Другое [знамение] было на востоке, третье — на западе.

Затем в месяце Канун втором [январь 500 г.] мы видели другое знамение в юго-западном крае неба [γυνία], которое было подобно копью. Одни люди говорили о нем, что это метла уничтожения, другие говорили, что это копьё войны.

§ 38. До сих пор нас поучали только молвой и знамениями, с этого же времени и в дальнейшем, кто может рассказать о бедствиях, которые окружили нашу страну со всех сторон? В месяце Адар того же года [март 500 г.], вышла на нас саранча из земли, но ее количество заставило думать, что не только из яиц, которые были в земле, она вышла, но что самый воздух изрыгнул ее на нас и что она также спустилась с неба. Пока она только ползала, она сожрала весь Ароб,¹ область Решайпы, Теллы и Эдессы. Когда она стала летать, то протяжение занятого ею круга было от границы Ассирии до западного моря, на севере она дошла до границы области Ортаёе.² Саранча сожрала и опустошила эти области и уничтожила все, что было в них, до такой степени, что прежде чем наступила война мы увидели своими глазами то, что было сказано о вавилонянах. «Перед ними земля как рай Эдемский, за ними оголенная пустыня».³ И если бы воля господня не возбранила ей, она сожрала бы людей и скот, что она и сделала, как мы слышали, в одном селении. Положил человек малого ребенка на поле, когда они работали, и пока они шли из конца в конец поля, напала на него саранча и лишила жизни. Тотчас в месяце Нисан [апрель 500 г.] начала возрастать цена на зерно и на все прочее. Продавалось 4 модия пшеницы за динарий. В месяцах Хазиран и Таммуц [июнь и июль 500 г.] жители этих мест были лишены всего [необходимого] для жизни. Они посеяли просо для собственного употребления и его не было достаточно, так как оно не уродилось. Еще до конца года нужда заставила людей нищенствовать от голода. Они продавали свое имущество — скот, быков, овец, свиней — за половину цены, потому что саранча съела всю растительность, не оставив ни пастбищ, ни пищи, ни для людей, ни для скота. Многие покинули свои области и отправились в другие области севера и запада. А больные, бывшие в деревнях, старики и дети, женщины и младенцы, которые были мучимы голодом и не могли отправиться в дальние области, пошли себе в города, чтобы выпрашивать на жизнь. И опустели селения многие, и деревушки [ἄγρος] остались без людей. Но не избежали наказания даже те, которые отправились

¹ Область на запад от Низибии, принадлежавшая Византии. — Marquart, *Eranjahr*. Berlin, 1901, pp. 162—163.

² Область Анзитены была занята племенем ортаёе на юге Армении. — Nöldke, *Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, B. 33, p. 163.

³ Иовиль, гл. 2.

в далекие области, по как написано о народе израильском: «куда бы они ни шли рука господня была над ними для несчастья».¹ Так же случилось и с этими. Постигла их чума в областях, в которые они отправились. Также и тех, которые вошли в Эдессу, поразила чума. О чуме я расскажу несколько дальше, насколько я смогу, так как какова она была [в действительности], я думаю, что нет никого, кто бы мог это описать.

§ 39. Теперь же, так как ты меня просил, я напишу тебе относительно дороговизны, ибо я не хотел ничего об этом сообщать, но я принудил себя, чтобы тебе не думалось, что я пренебрег твоим приказанием.

В то время пшеница продавалась 4 модия за динарий, а ячмень -- 6 модиев за динарий, мера гороха за 500 номиев, мера бобов за 400 номиев, мера чечевицы за 360 номиев. Мясо же еще не было дорого. Но с течением времени цены возрастали, и муки голода охватывали людей. Все, что не было съедобным, было дешево: одежда, утварь, домашние вещи продавались за пол- или за одну треть цены, но и этого не было достаточно, чтобы пропитать их хозяев, в виду высокой цены на хлеб.

В это время отправился отец наш мар Петр к императору, чтобы просить его снять подать [συντέλεια].² Судья же схватил деревенских господ³ и мучил их большими мучениями и вымогал у них, так что до того как епископ убедил императора, золото от судьи в столицу было послано. Когда увидел император, что пришло ему золото, он не пожелал его отдать, но, чтобы не отсылать отца нашего ни с чем, он спял надбавки [ἐπιβολή]⁴ с деревенских и их стоимость [τιμή], которую они платили, а городских освободил от заготовки воды ромеям.⁵

§ 40. Также и судья отправился к императору, препоясанный своим мечом, и оставил Евсевия оберегать свое место и управлять городом. Когда Евсевий увидел, что не в состоянии хлебопекки делать достаточно хлеба для базара из-за множества деревенских людей, которые наполняли город, и потому что у бедных не было в домах хлеба, он приказал, чтобы всякий, кто попросит, изготовлял бы хлеб и продавал на базаре. Пришли женщины еврейки и он дал им пшеницы из зернохранилища⁶ и они делали хлеб для базара. Несмотря на это, бедные нуждались, потому что не было у них денег [τιμή], чтобы купить на них хлеба, и они бродили по базарам, портикам [στόαι], дворам, чтобы выпросить себе кусок хлеба, но не было человека, в доме которого был бы излишний хлеб. И когда выпросит кто-нибудь из них гроши⁷ и не [может] купить себе на них хлеба, то покупал себе на них репу, капусту или мальву и съедал их сырыми. По этой при-

¹ Кн. Судий, 21б.

² Денежная подать, но отнюдь не подушная «capitatio», как видимо думает Райт, вставляя его как эквивалент для συντέλεια.

³ «Деревенские господа» — подробности см. в исследовании.

⁴ Ἐπιβολή — надбавка, см. в исследовании.

⁵ Разумеется снабжение и доставка воды византийскому гарнизону Эдессы, возможно, и городским чиновникам.

⁶ Ἀποθήκον — государственная житница, зернохранилище.

⁷ — obolus, quadrans; мелкая монета.

чине была дороговизна овощей и недостаток всего в городе и селениях, так что люди осмеливались входить в святые места и от голода съедали дары, как простой хлеб. Другие от мертвых тел, которых не едят, отрезали, варили и ели; свидетелем этому была и твоя правдивость.

§ 41. Год 812 [500/501 н. э.]. В этом году после сбора винограда вино продавалось 6 мер¹ за динарий, а каба² винограда за 300 номиев. Усилился голод в селениях и в городе, так что те, кто оставались в селениях, ели горькие травы,³ другие варили опавший виноград и ели, но все это их не насыщало. Те, что были в городах, бродили по площадям, подбирая корни и листья растений, запачканные навозом и ели их, а спали в портиках и на площадях. Они стопали ночью и днем от мучений голода, их тела чахли, они ослабевали и худобой своего тела были подобны шакалам. Ими был наполнен весь город, и они начали умирать в портиках и на улицах.

§ 42. Когда эгемон Демосфеп отправился к императору,⁴ он сообщил ему об этом несчастии, и дал ему император немало золота, чтобы раздать бедным. Когда эгемон прибыл от него в Эдессу, он повесил многим людям на шею свинцовые печати и давал каждому из них по литре⁵ хлеба в день. Но они все же не могли существовать, потому что они истрадались от мук голода, истощавших их. В это время, в месяце Тисри втором [ноябрь 500 г.], усилилась чума. В месяце Канун первом [декабрь], когда начались холода и морозы, так как они ночевали в портиках и на улицах, смерть постигала их во время сна. Плакали дети и младенцы на всех улицах; у одних умерли матери, другие их оставили и убежали, потому что они просили кушать, а им нечего было им дать. Трупы валялись на всех улицах распростертыми, и горожане не были в состоянии хоронить их, потому что пока они уносили тех, которые умерли первыми, они, возвращаясь, находили других. Следуя усердию мар Нонна, ксенодоха [гостиника], стали и братья обходить и собирать эти трупы. И собирався весь город к воротам ксенодохейона уносить мертвых и хоронили их с утра до утра. Экономы храма — священник мар Теватил и мар Стратоник, который впоследствии был удостоен звания епископа в городе Харране, устроили больницу в одном из строений Эдесского храма. Те, которые были больны, входили и ложились там. Много трупов находили в больнице и хоронили их вместе с [трупами] ксенодохейона.

§ 43. Эгемон устроил ворота базилики, расположенной около зимних бань [δημόσιον],⁶ и разложил там солому и плетенки. Они ложились там, но и этого не было достаточно для них. Когда увидали это знатные города, они тоже устроили больницы, и многие приходили и находили приют

¹ خنك — мера жидких тел.

² كبا — каба, мера сыпучих тел.

³ حشيش — горькие травы, vīnasea.

⁴ В Константинополь, к Анастасию.

⁵ Литра — мера веса.

⁶ Общественные бани.

у них. Также и ромен¹ устроили места, в которых могли ложиться больные, и взяли на себя заботу об их расходах. Они умирали смертью мучительной и печальной. Хотя каждый день хоронили многих из них, их число возрастало, потому что в области, [прилегающей] к городу, ходил слух, что эдесситы оказывают помощь тем, которые нуждаются. По этой причине в горд шло несчетное множество народа. Также бани, которые находятся ниже церкви апостолов, около больших ворот,² были наполнены больными и ежедневно много трупов выносили из них. Усердно собирався совместно весь город с псалмами, славословиями, песнопениями, гласами, полным надежды воскресения, хоронить тех, что выносили от ксенодохейона. Также и женщины шли с печальным плачем и стонающими криками. Во главе их шел усердный пастырь мар Петр, с ним судья и все видные люди. А после того, как похоронят этих, тогда шел каждый и хоронил тех умерших, что были у него по соседству. Когда были наполнены гробницы ксенодохия и церкви, вышел эгемон и открыл древние гробницы, которые находятся близ церкви мар Кона, с трудом устроенные первоначально, и наполняли их. Открыли другие и их не было достаточно, наконец, всякую древнюю гробницу, какая была, открывали и наполняли ее. Более 100 трупов ежедневно выносили из ксенодохейона, а многие дни 120 и до 130, с начала месяца Тишри второго [ноябрь 500 г.] и до конца Адар [март 501 г.]. В то время на всех улицах города не слышно было ничего, кроме плача об умерших или стонов страждущих. Умирали многие во дворах церкви, во дворах города и в харчевнях, умирали также на дорогах, когда шли, направляясь в город. В месяце Шаббат [февраль 501 г.] еще возросла дороговизна и усилилась чума. Пшеница продавалась 13 каба за динарий, а ячмень 18 каба за динарий; литра мяса за 100 помнев, литра курятины за 300 помнев, яйцо за 40 помнев. Вообще все съедобное было дорого.

§ 44. В месяце Адар [март 501 г.] были моления о том, чтобы чума не коснулась приезжих [ξένοι]. Жители города, молясь за них, были подобны блаженному Давиду, когда он говорил ангелу, который поразил его народ: «Если я согрешил и заблуждался, чем согрешили эти невинные овцы. Пусть будет твоя рука на мне и на доме отца моего».³ В месяце Нисан [апрель] началась чума у горожан и множество носилок выносилось в один день, но никто не в состоянии сказать их числа. Но не над одной только Эдессой был [запесен] этот меч чумы, но от Антиохии до Низибии страдали и мучились люди от голода и чумы. Умерли многие из богатых, которые не голодали, а также многие знатные города умерли в этот год. В месяцах Хазиран и Тамуцц [июнь и июль 501 г.], после жатвы, мы надеялись, что отныне мы избавимся от дороговизны, однако, надежда наша не оправдалась, но до 5 модиев за динарий продавалась пшеница новой жатвы.

§ 45. Год 813 [501/2 г. н. э.]. После этих несчастий: саранчи, голода, чумы, о которых я тебе написал, некоторая передышка была у нас по

¹ Византийское войско.

² Большие городские ворота.

³ II кн. Самуила, 24₁₇.

милости божией, чтобы, как нас научили события, мы могли перенести грядущее. Был богатый сбор винограда и продавалось от давильни 25 мер вина за динарий. И бедным досталось с виноградников, благодаря урожаю сухого винограда. Земледельцы и крестьяне говорили, что урожай сухого винограда был больше, чем пшеницы. Когда виноград начал созревать, дул жаркий ветер, который иссушил его во множестве. Разумные говорили, что это было по промыслу бога, господя всего, и что милосердие в этом случае было примешано к наказанию, чтобы деревенские, питаемые сухим виноградом, не погибли от голода, как в прошедшем году. Потому что и в это время только 4 модия пшеницы продавались за динарий, а ячменя 6 модиев за динарий. Во время месяцев Тишри [октябрь и ноябрь 501 г.] явился такой знак милости: вся зима этого года была чрезвычайно дождливой, и посеянные зерна выросли в различных местах выше человеческого роста еще до наступления месяца Нисан [апрель]. Даже и засушливая¹ земля дала приблизительно столько, сколько было посеяно. Также и на крышах домов выросло много травы, которую люди срезали подобно траве полей, а так как она имела колос и была достаточной высоты, то [различие] не отмечалось покупателями. Мы ожидали и надеялись также, что и в этом году зерно будет значительно дешевле, чем в предшествующие годы, но это предположение не оправдалось. В месяце Ияр [май] три дня дул жаркий ветер и иссушил все зерно в нашей земле, за исключением непогих мест.

§ 46. В этом же месяце приближался день, когда устраивали этот скверный праздник греческих сказаний, о котором я сообщал выше, но пришел эдикт от императора Анастасия, что плясуны [ὀρχησται] больше не будут танцевать ни в одном городе, подвластном его империи. Тот, кто смотрит в исход явлений, не осудит нас за то, что мы скажем, что по причине того нечестия, которое совершали горожане на этом празднике, одно за другим пришли на нас наказания голода и чумы. Ибо не исполнилось и 30 дней после его отмены, как пшеница, которая продавалась 4 модия на динарий, стала продаваться 12, а ячмень, который продавался 6 модиев [на динарий], стал продаваться 22 [модия]. Каждый увидел ясно, что воля божия может благословить и малый урожай и дать изобилие тем, кто кается в своих грехах. Хотя все зерно высохло, как я говорил, но небольшой остаток, который оставался, дал передышку в течение 30 дней. Может быть кто-нибудь скажет, что я не хорошо рассуждаю, что это обращение не было добровольным, чтобы за него могла быть милость, потому что император запретил праздник насильно и приказал, чтобы вовсе не танцевали плясуны [ὀρχησται]. Мы же говорим, что бог по своему великому милосердию ищет повода, чтобы быть милосердным даже к тем, которые недостойны. У нас есть доказательство, как он умилился относительно Ахава, когда тот был пристыжен упреками Илии, и в его дни в доме его не было несчастий, которые давно были предопределены.² Я не хочу сказать, что только один этот грех совершался в нашем городе, — многие грехи делались и тайно и открыто; но потому,

¹ Исправляю текст согласно Райту.

² I кн. Царств, 21₃₀.

что и управители были им причастны, я не хотел открывать эти грехи, чтобы не дать повода тем, которые любят упрекать, болтать будто я говорю против начальствующих. Но оставить все это дело совершенно втайне [я не мог], потому что я обещал тебе сообщить, как была возбуждена против нас война. Также, чтобы не сказать ничего против дерзких, я сошлюсь на слово пророка, из которого ты поймешь, что когда он увидел, что его народ совершал поступки, подобные тем, которые ныне совершаются в нашем городе, особенно у вас и во всей области [χωρα],¹ он сказал им, как бы устами господа: «Горе тому, кто говорит отцу — для чего ты порождаешь и жене его — для чего ты беременишь?»² Об остальном прочем лучше умолчать, потому что справедливо слушать слова писания, говорящие: «Известно ему, что в это время ему должно промолчать, потому что это время бедствий».³ Если же даст господь, чтобы я увидел тебя здоровым, по возможности мы поговорим об этом с тобой.

§ 47. Теперь выслушай относительно ужасов, которые случились в этом году, и относительно знамений, которые были видимы в те дни, когда они происходили, потому что и об этом ты просил меня. В двадцать второй день месяца Аб этого года [август 502 г.], в ночь на пятницу, большой огонь был видим нам горящим в северном крае [неба]. Мы думали, что огненный потоп готов уничтожить всю землю в эту ночь, по милость господня нас оберегла без ущерба. Нам было прислано письмо от известного человека, который паломничал в Иерусалим, и в нем было следующее: что в ту ночь, когда мы видели горящим этот большой огонь, был разрушен город Птоломаис или Акка,⁴ и ничто не осталось в ней стоящим. А через несколько дней пришли к нам люди из Тира и Сидона и говорили, что в тот день, когда виден был огонь и была разрушена Птоломаида, в тот же день развалилась половина их городов, т. е. половина Тира и половина Сидона. В Бейруте упала только одна синагога евреев в тот день, когда была разрушена Акка. Жители Никомедии⁵ были преданы сатане, чтобы быть наказанными. Многих из них мучили демоны, пока они не вспомнили слов господних и не стали тверды в посте и молитве, и тогда получили исцеление.

§ 48. В тот же день, когда был виден этот огонь, Кавад, сын Пероза, персидский царь, собрал все персидское войско, отправился и пошел на север. Он перешел ромейскую границу и с гуннским войском, которое было с ним, осадил Федосиополь в Армении. Он взял его цемного дней спустя, так как правитель этой земли, по имени Константин, восстал против ромеев и предал город, потому что имел какую-то вражду с императором. Кавад ограбил город, опустошил и сжег его, также опустошил все селения северной стороны, а прочих оставшихся взял в рабство. Константина он сделал военачальником, оставил в Федосиополе отряд и ушел оттуда.

¹ Χώρα — прилегающая к городу земля, провинция или область с селениями.

² Исаия, 45₁₀.

³ Амос, 5₁₃.

⁴ г. Акра.

⁵ В Вифинии.

§ 49. Год 814 [502/503 г. н. э.]. Также и Месопотамию, в которой мы живем, постигли такие большие несчастья в этом году, что к тому, что случилось с нами в эти времена, может относиться предопределенное Христом, нашим господом, в своем евангелии относительно Иерусалима, осуществившееся на деле, а также сказанное о конце этого мира. После землетрясений, которые были в разных местах, как я тебе писал, после того, как были голод и чума, страхи и ужасы, были видимы великие знаменья с неба.

Восстал народ на народ и царство на царство, мы пали от острия меча и были порабощены в разных землях, а наша земля была потоптана чужими народами, так что исполнились слова, которые сказал господь: «Когда услышите о войнах и восстаниях, не ужасайтесь, потому что все это должно прежде случиться, но еще не пришел конец».¹ Мы осмелились бы сказать, что пришел конец мира, потому что и многие так думали и говорили. Мы же заметили, что не во всем мире была война и вместе с тем вспомнили слова блаженного Павла, в которых он предупреждал Фессалоникийцев относительно пришествия нашего господа, говоря, что они не должны смущаться ни словом, ни духом, ни посланиями разными, будто они от него, что вот пришел день господень² и указывал, что не может быть конца, пока не придет лжехристос. Из этих слов господа и его апостола мы понимаем, что не по причине конца мира случилось все это с нами, но было нашим наказанием за множество грехов.

§ 50. Пришел Кавад, царь персидский, с севера в пятый день месяца Тишри первого [октябрь 502 г.] в субботу и осадил, оп и все его войско, город Амид, который находится около нас, в Месопотамии. Анастасий, император ромейский, когда услышал, что Кавад собрал войско, не хотел встречаться в бою, чтобы не была пролита кровь с обеих сторон. Он послал ему золото через Руфина и приказал, если Кавад на границе и еще не перешел на ромейскую землю, отдать ему золото и отослать его [Кавада]. Когда Руфин достиг Кесарии Каппадокийской, он услышал, что Кавад опустошил Агел,³ Суф,⁴ Армению и Араб;⁵ тогда он оставил золото в Кесарии, отправился к нему и сказал, чтобы он ушел за границу и взял золото. Тот не захотел, но схватил Руфина и приказал его сторожить. Он воевал с Амидом, сам и все его войско, всеми военными способами днем и ночью. Кавад построил против них насыпь,⁶ а амидяне надстроили и увеличили высоту стены. Когда насыпь стала высокой, персы установили таран и стали усиленно бить в стену, так что поддалась новая надстройка, так как она еще не устоялась, и упала. Амидяне же прокопали отверстие в стене под насыпью и тайно уносили землю, которая находилась под пей, в город, поддерживая ее для работы подпорками. Пошатнулась насыпь и упала.

¹ Матфей, 24а.

² II Фессалоникийцам, 2а.

³ Агел — Ἀγγέλων.

⁴ Суф — Σωφηνή, Σωφηνηνή.

⁵ Араб, см. § 38.

⁶ Сирийское kudnata отвечает греческому λόφος у Прокопия.

§ 51. Когда Кавад не смог овладеть городом, он послал Наамана, царя арабского,¹ со всем его войском, чтобы он отправился на юг, в область Харрана. [Часть] персидского войска двинулась до города Константины, т. е. Теллы, грабя, разоряя и опустошая всю область. Девятнадцатого числа месяца Тишри второго [ноябрь 502 г.]. Олимпий — дукс² Теллы и Евгений — дукс Мелитены, который прибыл в то время, вышли со своими войсками и тех персов, которых они нашли в деревнях вокруг Теллы, уничтожили. Когда они повернули, чтобы возвратиться в город, сообщил им некто, что 500 человек находятся в одной долине, недалеко от них. Они были готовы идти на них, но ромейское войско, бывшее с ними, разбилось обирая убитых. Так как была ночь, Олимпий приказал разжечь огонь на вершине холма и трубить в рога,³ чтобы к ним собрались те, что разбрелись. Персидские марзбапы,⁴ которые утвердились в селении Тельбешмай, увидав зарево огня и услышав звук рогов, вооружили все свое войско и пошли на них. Когда увидали всадники ромейские, что персов больше, чем их, они повернули, пешие же не обратились в бегство, но были вынуждены драться. Они собрались, стали в боевой порядок, образуя то, что называется *χελώνη*, т. е. черепаху, и дрались долгое время. Но так как велико было для них персидское войско, к которому присоединились также гунны и арабы, их ряды были нарушены, они спутались между собою, смешались с всадниками и были потоптаны и уничтожены копытами лошадей арабов. Погибли многие из ромеев, а прочие были взяты в плен.

§ 52. Двадцать шестого числа того же месяца пришел Нааман с юга и вошел в область Харрана, опустошил, ограбил, взял в плен население, скот, собственность всей Харранской области. Он дошел даже до Эдессы, опустошая, грабя и забирая в плен целые деревни. Кроме скота, имущества и добычи всякого рода, было взято в плен 18 500 человек помимо тех, что были убиты. Причиной того, что весь этот народ находился в деревнях, было время сбора винограда, так что не только деревенские вышли на сбор, но и многие харраняне и эдесситы вышли и были взяты в плен. Поэтому Эдесса была закрыта и ее оберегали, были вырыты канавы (*φόσσαι*), была исправлена стена, городские ворота были загорожены глыбами [камня], потому что они обветшали. Намеревались их обновить и сделать засовы [*μολαί*] у плюзов [*καταρράχται*] реки, чтобы никто не вошел через них; но не нашлось достаточно железа для этой работы. Вышел приказ, чтобы каждый двор в Эдессе дал 10 литр железа. Когда это исполнили, работа была сделана. Евгений же, когда увидел, что он не может напасть на всех персов, взял все войско, которое у него осталось, и отправился против отряда, который был у них в Феодосииполе. Он уничтожил тех, что были в нем, и взял город.

¹ Нааман III, Ибн Ал Ахвад, в арабской традиции Нуман, царь арабов Хиры, с 498 по 503 г.

² Δούξ в сирийской транскрипции.

³ Рога, рожки применялись в качестве труб.

⁴ Марзбаны — военачальники.

§ 53. Кавад все еще продолжал воевать с Амидом, стараясь и трудясь поднять насыпь, которая упала. Он приказал персам камнями и стволами заполнить [место] под пей, принести одежды из волоса, шерсти и полотна и сделать из них подобие тюков или мешков, наполнить их землей и наложить их на площадку, которую они сделали, так чтобы она немного возвышалась над степой. Тогда амидяне построили машину, которую персы называли «уничтожителем», потому что она всей их работе препятствовала и их самих губила. Этой машиной амидяне метали огромные камни, из которых каждый весил больше 300 литр, так, что был разорван полотняный навес, под которым персы прятались, и были раздавлены те, что находились под ним. Постоянным, непрерывным метанием камней был также разбит таран. Амидяне не могли ничем другим досадить персам, как только большими камнями, потому что большей частью времени полотняный навес был натянут над площадкой. Персы поливали его водой; он был непроницаем для стрел из-за своей толщины и для огня из-за своей влажности. Большие же камни, которые метал «уничтожитель» губили, навес, людей и оружие. Этим персы были сражены, прекратили работы с насыпью и стали совещаться: как бы вернуться в свою землю, потому что за три месяца, что они сидели около [города], 50 000 из них погибло в сражениях, которые они вели ежедневно, и ночью, и днем. Амидяне же, положившись на свою победу, впали в пренебрежение и не стерегли стену с прежней тщательностью. В десятый день месяца Канун второго [январь] стерегшие стену выпили из-за холода много вина, а когда наступила ночь, они заснули и впали в глубокий сон; другие оставили свои места, потому что пошел дождь, и отправились укрыться домой. По причине ли этой небрежности, как мы полагаем, или по предательскому сообщению, как говорят люди, или по наказанию божью, но персы овладели стеной с помощью лестницы, не открыв ворот и не пробив стены.¹ Они опустошили город, ограбили имущество, попрали его святыню, издевались над служением, обнажили его церкви и взяли в плен его жителей, за исключением старых, калек и тех, кто спрятался. Они оставили отряд в 30 000 человек и спустились все к горе Шигар.² Оставшиеся персы, чтобы не досаждал им смрад трупов амидян, вынесли их и сложили в две груды за северными воротами. Число тех, что вынесли в северные ворота, было больше 80 000, помимо других, которых вывели живыми и побили камнями за городом, [не считая] скинутых с насыпи, которая была построена, сброшенных в Тигр³ и умерших при различных обстоятельствах, так что мы не в состоянии рассказать об их смертях.

§ 54. Тогда Кавад отпустил Руфина, чтобы он отправился и сообщил императору то, что случилось. Руфин повсюду рассказывал об этих ужасах, и слухами так были испуганы города на восток от Евфрата, что готовились к бегству на запад. Почтенный Иаков периодевт,⁴ который соста-

¹ Известно, что Амид был взят благодаря предательству монахов Ортайского монастыря. (Подробности см. в исследовании.)

² Σιγγαρχα, Σιγγαρχα, арабское Sinjar. — Н o n i g m a n n. Die Ostgrenze, см. карту.

³ Деклат.

⁴ Иаков Серугский или Батнский, сирийский писатель, современник летописца.

влял много проповедей на тексты священного писания и сочинил песнопения и псалмы о времени, когда была сарапча, не пренебрег своим саном и в это время. Он писал увещательные письма ко всем городам, уверяя их в освобождении божественном и убеждая не бежать. Император Анастасий, услышав об этом, послал большое ромейское войско зимовать в этих городах и оберегать их. Кавад же не удовлетворился всей добычей, которую он наградил, пленными, которых он полонил, и не упился множеством крови, которую он пролил, но отправил к императору послов, говоря: «Пришли мне золото, или принимай войну». Это было в месяце Нисан [апрель]. Император не послал золота, но стал готовиться к тому, чтобы отомстить и потребовать наказания за тех, которые погибли. В месяце Ияр [май] он послал против него трех военачальников [ܐܪܥܝܬܐ ܕܐܪܥܝܬܐ] — Ареобинда, Патрикия и Ипатия и с ними многих полководцев [ܡܕܝܢܐܝܬܐ]. Ареобинд спустился и расположился на границе, около Дары и Амудипа, против города Низибии; с ним было 12 000 человек. Патрикий и Ипатий расположились у Амида, чтобы выпнать оттуда персидский отряд, и с ними было 40 000. В это же время вышел епарх Аппион и остановился в Эдессе, чтобы заботиться о пропитании ромейских войск, бывших с ними. Так как не в состоянии были булочники изготовить достаточно хлеба, он приказал выдать пшеницу на каждый двор в Эдессе, чтобы они изготовляли за свой счет солдатский хлеб [βουχελλάτες]. И выпекли в первый раз эдесситы 630 000 модиев.

§ 55. Когда Кавад увидел, что бывших с Ареобиндом немного, он послал против них войско, находившееся в Шигаре, около 20 000 персов. Ареобинд разбил их дважды и прогнал их к воротам Низибии, уничтожая так, что многие из бежавших были задушены в воротах, теснясь, чтобы войти. В месяце Таммуц [июль] собрались к персам гунны и арабы, чтобы идти на Ареобинда во главе с Константином. Когда он узнал об этом от шпионов, он послал сказать Каллиопе аленскому, Патрикию и Ипатию: «Идите ко мне и помогите мне, потому что большое войско собирается идти на нас». Они его не послушали, но остались на своих местах около Амида. Когда подошли персы к войскам Ареобинда, они не могли воевать с ними, оставили свой лагерь и бежали в Теллу и Эдессу, а все их пожитки были разграблены и схвачены.

§ 56. Войска Патрикия и Ипатия, между тем, построили три башни из дерева, чтобы взобраться по ним на стену Амида. Когда они закончили строительство башен с большими расходами и эти были опоясаны железом, так что их ничем нельзя было повредить, стало известно то, что случилось на границе. Они сожгли башни, ушли оттуда, отправились за персами, но не настигли их. Один из полководцев, по имени Фарзман, и другой, по имени Федор, хитростью послали овец пройти в Амид, а сами со своим войском сели в засаду. Когда персы из Амида увидели овец, вышли их отборных около 400 человек, чтобы отбить [стадо]. Ромей, которые сидели в засаде, вышли и перебили их, а главу ¹ взяли живым. Он пообе-

щал им предать Амид, вследствие чего туда вернулись Патрикий и Ипатий. Но, когда марзбан не смог выполнить своего обещания, потому что не послушались его те, что были в городе, стратилат приказал его распять.

§ 57. Арабы персидские пошли к Хабору; ¹ против них выступил Тимострат дукс Калиникуса ² и уничтожил их. Также и арабы ромейские, называемые талабитами, отправились в Хирту Нааманову и нашли караван, который направился к нему [Нааману], и верблюдов, нагруженных для него. ³ Они напали на них, уничтожили их и захватили верблюдов; в Хирте же они не остановились, потому что она удалась вглубь пустыни. ⁴ В месяце Аб [август] вновь собралось все персидское войско, гунны, кудишайе, армяне и дошли до Ападны. ⁵ Патрикий услышал об этом и поднялся, чтобы итти против них. Пока ромен были еще в дороге и не были построены для боя, персы напали на передовых и побили их. Когда те, что были побиты, повернули обратно, и прочее ромейское войско увидало передовых побитыми, напал на них страх, они не стали ждать боя, но бежали — Патрикий первый и все его войско за ним. Они перешли Евфрат и спаслись в город Шамшат. ⁶ В этой битве был рапен Нааман, царь персидских арабов. Один из ромейских полководцев, ⁷ по имени Петр, бежал в крепость Ашпарин, ⁸ но персы окружили крепость. Испугались ее жители и выдали им Петра. Персы взяли его как пленника, ромеев, которые были с ним, убили, а жителям крепости ни причинили никакого вреда.

§ 58. Кавад, царь персидский, предполагал итти на Ареобинда к Эдессе; припуждал его к этому и Нааман, царь арабский, из-за происшедшего с его караваном. Глава одного из племен Хирты Наамановой, который был христианином, отвечал и говорил: «Не утруждай свое величество итти войной на Эдессу, потому что об ней есть нерасторжимое слово Христа, которого мы почитаем, что враг никогда не овладеет ею». Когда услышал это Нааман, он поклонялся, что причинит Эдессе худшее, чем то, что случилось в Амиде, и говорил слова хульные. Но Христос показал на нем видимое знамение, потому что в то время как он хулил, распухла рана, которая была нанесена ему в голову и весь его череп воспалился. Он встал и пошел в свою палатку; в этой болезни он пребыл два дня и умер. Но дерзость Кавада и этим знамением не была удержана от злого намерения. Он поставил царя вместо Наамана, поднялся и отправился на войну. Когда он достиг Теллы, он расположился около нее. Иудеи же, которые были там, замыслили предать ему город. В башне синагоги, которая была им поручена сторожить, они

¹ Хабора — Χαβώρας, Ἀβώρας.

² Калиникус или ar Rakkah, на юг от Харрана близ Евфрата.

³ Ошибка в сирийском слове.

⁴ Текстуально сказано, что сам лагерь ушел вглубь пустыни, т. е. обитатели лагеря, забрав имущество, палатки и скот, удалились вглубь страны, оставив лишь укрепленное место.

⁵ H o n i g m a n n. Die Ostgrenze, p. 14.

⁶ Шамшат, Σαμόσχα. — P o i d e b a r d. La trace de Rome dans le désert de Syrie. Paris, 1934, pl. CXL.

⁷ ܡܝܬܪܐ.

⁸ τὸ Σίφρος χωρίον или κάστρον "Ισφροῖς.

сделали подкоп и дали об этом знать персам, чтобы они прокопали [со своей стороны] и проникли через него.¹ Это стало известным комиту [κόμης] Петру, который был в плену, и он попросил тех, что его стерегли, дать ему приблизиться к стене, говоря, что одежда и пожитки кое-какие оставлены им в городе и что он хочет просить теллейцев отдать их ему. Стража послушалась его и его подвели. Он сказал воинам, бывшим на стене, чтобы они позвали ему комита Леонтия, который оберегал в это время город. Они позвали его и полководцев (ܠܝܘܢܬܝܐ). Петр говорил с ними по-гречески (ܡܝܬܠܐܝܢܐ) и открыл им хитрость иудеев, а чтобы это дело не стало известным персам, просил, чтобы они прислали ему пару платья.² Сначала они сделали вид, что сердятся на него, потом бросили ему со стены пару платья, потому что он действительно нуждался в платье, чтобы одеться. Те спустились со стены и, будто не обеспокоенные хитростью иудеев и не знающие, где это место, стали обходить кругом и рассматривать фундамент всей стены, как бы желая посмотреть, где требуется укрепление. Это сделали ради Петра, чтобы персы не узнали, что он открыл это дело и не увеличили [чинимых] ему притеснений. Под конец они дошли до того места, которое стерегли иудеи, нашли, что оно подкопано, что у них готова в середине башни бо́льшая дыра, как это было им сказано. Когда увидели ромен то, что там было, они вышли с большим гневом и обошли весь город, убивая всех иудеев, которых находили — мужчин и женщин, стариков и детей. И это они делали несколько дней, и едва прекратили убийства по приказу комита Леонтия и просьбам блаженного Бархедада епископа. Город тщательно стерегли ночью и днем, а святой Бархедад сам обходил и навещал их, молился за них, благословлял их, хвалил их усердие, уговаривал, кропил их и городскую стену крещенской водой. Он брал также святые дары и обходил с ними, чтобы причащать их тайнами на их местах, чтобы ради этого никто из них не оставлял своего поста и не уходил со стены. Он также уверенно отправился к персидскому царю, говорил с ним и умиротворил его. Когда Кавад увидел достоинство этого мужа и заметил бдительность ромеев, ему показалось ненужным оставаться напрасно около Теллы со всем войском, которое было с ним, во-первых, потому, что не было пищи в опустошенной области и затем потому, что он боялся, чтобы не собрались друг к другу ромейские военачальники (ܐܕܝܢܐ) и не пошли на него все вместе. Поэтому он быстро стал продвигаться к Эдессе и расположился дней на двадцать у р. Галлаб, называемой [рекой] Мидян.

§ 59. Дерзкие, которые паходились в его войске, обходили кругом область и опустошали ее. В шестой день месяца Элүл [сентябрь] разрушили эдесситы все монастыри и постоянные дворы, которые были близ степы, сожгли селение Кефар Селем, называемое Негбат, срезали все ограды

¹ Сообщаемому факту автор хроники, клирик, дает неправильное толкование, так как у него доминируют этнические признаки и религиозная принадлежность, а не социальные категории. В Телле, как и в ряде других месопотамских городов, иудеи составляли часть беднейшего ремесленного населения, которому осада приносила тягчайшие лишения. (См. исследование, стр. 111).

² Райт переводит «пару брюк».

§ 60. Арабы, которых персы послали в Серуг, дошли до р. Евфрата, опустошая, забирая в плен и грабя все, что возможно. Патрикиол один из полководцев (**𐭪𐭣𐭥𐭩**) ромейских и его сын Виталиан в это время пришли с запада, чтобы участвовать в войне. Он был бесстрашен в своей храбрости, потому что до того времени он не участвовал в происходившем ранее. Когда Патрикиол перешел реку, он встретил одного из персидских полководцев, вступил с ним в бой, уничтожил всех персов, которые были с ними и повернул обратно, чтобы идти к Эдессе. Но услышав от беглецов, что Кавад осадил город он вернулся за реку и остался в Шамишат.³

¹ Подразумеваются главные «большие ворота» Эдессы.

³ Самосата, на север от Эдессы, за Евфратом.

постоях,¹ долина же вся была ими заполнена.² Все ворота города были открыты, но персы не могли в них войти из-за благословения Христова. Напал на них страх и они оставались на своих местах и никто не вступал с ними в бой с утра до девяти часов. Тогда выступили некоторые из города, напали на них, убили многих персов, а из них пал только один человек. Женщины приносили воду и выходили за стену, чтобы поить тех, что сражались, а малые мальчишки метали пращей [камни]. Так, немногие люди, вышедшие из города, прогнали персов и удалили их от стены, потому что они были от нее не дальше, чем полет стрелы. Персы отправились и расположились со стороны селения Куббе.

§ 61. На следующий день вышел опять Ареобинд за большие ворота и, стоя против персидского войска, послал сказать Каваду: «Вот ты видишь на опыте, что город не твой, и не Анастасия, но что это город Христа, который он благословил. Он встал против твоих войск, чтобы ты не овладел им». Послал ему сказать Кавад: «Дай мне заложников [βιηροί], чтобы вы не вышли за мной, когда я соберусь уходить; пошли мне также людей, которых вы захватили вчера, и золото, которое ты обещал, и я удалюсь от города». Ареобинд дал ему комита Василия и людей, которые были им захвачены, их было 14 человек, и заключил с ним договор дать ему через двенадцать дней 2000 литр золота. Снялся Кавад, отправился и расположился в Дахбаче.³ Он не стал ждать условленного времени [προθεσμία], но на следующий же день послал одного из своих людей по имени Хормизда и приказал доставить 300 литр золота. Ареобинд собрал у себя знатных⁴ города, чтобы обсудить как собрать это золото. Но когда они увидели Хормизда, пришедшего с поспешностью, они усилились в доверии ко Христу, осмелели и сказали, Ареобинду: «Мы не пошлем золота живому человеку, потому что как он уклонился от своего слова и не стал ожидать того, чтобы пришел день, который ты ему пазначил, также он обернется и солжет, когда получит золото. Мы верим, что если он будет воевать с нами, он будет снова посрамлен, потому что Христос стоит пред лицом города». Тогда и Ареобинд осмелел, и послал сказать Каваду: «Теперь мы знаем, что ты не царь, потому что тот не царь, который сказал слово, отвернулся от него и солгал. Если ты лжешь, то ты не царь. Так как ты совершил обман, пришли мне комита Василия и все, что можешь делать — делай».

§ 62. Тогда Кавад разгневался, вооружил слонов, которые были с ним, снялся сам и весь его лагерь, и отправился снова воевать с Эдессой в двадцать четвертый день месяца Элул [сентябрь], в среду. Он окружил город со всех сторон больше, чем в первый раз, когда все ворота были открыты. Ареобинд приказал ромеям не вступать с ним в бой, чтобы не быть обманутыми им. Но немногие деревенские, которые были в городе, вышли на

¹ Которые тянутся на запад от города.

² Долина тянется вокруг города.

³ Близ Эдессы.

⁴ *καταβίη* — gaurabane, nobiles.

[войско] с пращами и сразили многих одетых [в доспехи],¹ которые были с ним; из них же не пал ни один. Его легионы [Λεγεῶνες] были достаточно дерзки, чтобы войти в город, но когда они приблизились к воротам, подобно столпу поднятой пыли, они смирились, ослабели и повернули. При быстроте движения [персидских] всадников, среди них попали пращники, так что, хотя метали стрелы персы, гунны наклонили палицы и копья направили против них арабы, они не могли поразить никого. Но как филистимляне, которые вышли на Самсона, и, хотя их было весьма много и они были вооружены, они не смогли его убить, а он лишенный оружия, ослиной челюстью убил сотню из них, так и персы, гунны и арабы пали сами и их лошади от камней, которые металась пращами, а сами они не могли убить никого из них. Когда [персы] увидали, что не могут ни войти в город, ни поразить безоружных людей, смешавшихся с ними, они подожгли храм мар Саргиса, храм исповедников, все монастыри, которые оставались, и церковь Негбат, которую оставили горожане.

§ 63. Стратилат Ареобинд, когда увидел усердие деревенских, что они не посрамлены и помощь оказанную ими, на следующий день собрал всех деревенских, которые были в Эдессе, в церковь² и дал им в подарок 300 динариев. Кавад отошел от Эдессы, отправился и расположился у р. Евфрата и оттуда отправил послов к императору, чтобы известить его о своем приходе. Арабы, которые были с ним, перешли через реку на запад и грабили, уничтожали, брали в плен и сжигали все, что находили. Несколько персидских всадников отправились в Батнан,³ а так как разрушена была стена, то [горожане] не могли устоять против них, приняли их без боя и отдали им город.

§ 64. Год 815 [503/4 г. н. э.]. Когда император ромейский узнал о том, что случилось, он послал своего магистра [μάγιστρος]⁴ Келера [Κέλερ] с большим войском. Кавад, услышав об этом, стал двигаться вдоль р. Евфрата, чтобы дойти и осесть в своей земле, называемой Бет-Арамае.⁵ Достигнув Каллиникоса, он послал одного марзбана, чтобы напасть на него. Но против [персов] вышел дукс Тимострат и уничтожил все войско, а самого [марзбана] взял живым. Когда Кавад дошел до города, он расположил вокруг него свое войско, клянясь опустошить его и предать всех его жителей мечу и плену, если они не выдадут ему марзбана. Дукс испугался множества персидского войска и отдал его.

§ 65. Когда магистр Целериус⁶ достиг Маббога, что на р. Евфрате, п увидел, что Кавад ушел ранее его, и что также приходит зимнее время и он не сможет идти за ним, он призвал ромейских военачальников⁷ и упре-

¹ В сирийском тексте эти воины названы просто «одетыми»; подразумеваются воины, имеющие доспехи.

² Подразумевается «большая» церковь, главная в Эдессе.

³ Главный город Серугской области.

⁴ Magister militum, главный из командующих.

⁵ Северная плодородная часть Вавилонии, где гг. Селевкия и Ктезифон.

⁶ Подразумевается тот же Келер.

⁷ Rabai haile.

кал их, что они не слушались друг друга и распределил им города, чтобы зимовать в них до того, как настанет время воевать.

§ 66. Двадцать пятого Канун первого [декабрь] пришел эдикт императора, что снята подать [συντέλεια] со всей Месопотамии.

Персы, бывшие в Амиде, когда увидали, что отошли от них ромейские войска, открыли ворота г. Амиды, выходили и входили, как хотели. Они продавали купцам медь, олово, железо, старую утварь и все, что находилось в нем и устроили в нем хранилище.¹ Когда Патрикий услышал об этом, он ушел из Мелитены, где он зимовал, пошел и расположился у Амиды. Всех купцов, которых он находил везущими туда зерно и масло, и тех, что покупали вещи оттуда, он убивал. Он нашел также персов, посланных Кавадом, чтобы доставить туда оружие, зерно, скот и уничтожил их, и забрал все, что было с ними. Когда Кавад узнал об этом, он послал против него марзбана, чтобы отмстить. Когда они приблизились друг к другу, чтобы биться, ромеи, испуганные бывшими первоначально поражениями, посоветовали Патрикию бежать, а он послушался. В своей поспешности, когда они не знали куда они идут, они случайно попали к реке, называемой Калат. Так как были зима, река была полповодна, и они не нашли где ее перейти, но каждый из них, спеша перейти реку, бросался в нее вместе со своей лошадыо. Когда Патрикий это увидел, он стал подбодрять ромеев, говоря: «О мужи ромейские, не посрамям наш народ и наше ремесло, убегая от врага, но обратимся против него и может быть мы сможем одолеть их. Если же они будут сильнее нас, лучше умереть от меча с добрым именем, доблестно, а не погибнуть как трусы от потопления». Ромеи послушались его совета, и принуждаемые² [препятствовавшей им] рекой они повернули на персов с гневом и уничтожили их, а их пачальников (𐭪𐭫𐭮𐭩) взяли живыми. После этого они вернулись и расположились у Амиды. Патрикий послал собрать к себе ремесленников из других городов, и много деревенских, и приказал им копать землю и сделать яму под стеной, чтобы она пошатнулась и упала.

·§ 67. В месяце Адар [март], когда собрались остальные ромеи, чтобы отправиться с магистром, им было дано знамение от бога, чтобы ободрить их и убедить их в победе. Нам это стало известно из писания церковных людей Зейгмы.³ Чтобы не думалось, что я говорю что-нибудь от себя или что я послушался и поверил ложным слухам, я приведу из их письма, которое пришло к нам, самые слова. Они следующие:

§ 68. «Послушайте об этом чуде и славном знаке,⁴ подобно которому не было и который относится к нам, к вам и ко всем ромеям. Это удивительное явление трудно для понимания и веры плотских людей. Мы же видели его глазами, трогали его и губами читали. Вы можете этому верить без всякого сомнения. Девятнадцатого Адар,⁵ [март] в пятницу, день убий-

¹ Ἀπόθετον, государственное хранилище, кладовая.

² Ἀνάγκη.

³ Зейгма на Евфрате

⁴ Я читаю так же как и Райт — 𐭪𐭫𐭮𐭩.

⁵ Буквально «как тело яйца».

ства нашего спасителя, гусыня снесла яйцо в Агаре, селении в области Зейгмы. На нем были написаны греческие буквы, прекрасные и ясно читаемые. Они были частью яйца и выступали на вид и наощупь, подобные тем буквам, которые пишут монахи на чашах благословения,¹ и их выпуклость могут ощутить и слепые. Они были таковы. На [одной] стороне яйца был нарисован крест, от него и до возвращения к нему обратно, вокруг яйца было написано «ромен», и еще другой крест был нарисован и от него до возвращения к нему обратно было написано «победят». Кресты были нарисованы один над другим, а слова были написаны одно над другим. И не было христианина и иудея, который, видя это чудо, не переставал воздавать славу. Но подобия букв, которые написала десница божия во внутренностях [гусыни], мы не можем дать, потому что они слишком хороши. Всякий кто услышит об этом, пусть верит этому без сомнения».

Таковы слова письма жителей Зейгмы; что касается яйца, то те, в селении которых оно было снесено, отдали его Ареобинду.

§ 69. Ромеи собрали большое войско, спустились и расположились у города Решайна. От Кавада было послано около 10 000, чтобы идти против Патрикия. Они вошли и расположились в Низибии и отдыхали там, а свой скот послали на гору Шигар. Когда об этом услышал магистр, он послал Тимострата дукса Каллиника с 6000 всадников. Они отправились, напали на тех, которые пасли лошадей, уничтожили их и захватили оттуда коней, овец и много добычи. Вернувшись к ромейскому войску к Решайне, они снялись все вместе, отправились и расположились у города Амида около Патрикия.

§ 70. В месяце Аяр [май] Каллиопа Алеппский стал епархом [ἐπαρχος]; он отправился и поселился в Эдессе. Он дал пшеницы эдесситам, чтобы они делали солдатский хлеб [βουκελλάτον] за свой счет. В это время они выпекли [хлеб из] 850 000 модиев пшеницы. Апион отправился в Александрию, чтобы и там изготовлять и посылать солдатский хлеб.

§ 71. Патрикий проник через подкоп, который прокопал под стену Амида. Он пабил его деревом и развел огонь, так что внешняя часть стены ослабела и упала, а внутренняя осталась. Он полагал сделать также в ней подкоп и войти во внутрь города. Когда они прорыли отверстие и ромен стали подыматься, увидела их одна женщина, амидянка, и от радости внезапно закричала: «Вот ромеи входят в город». Персы услышали ее, набегали на первого, который подымался, и проткнули его. После него подымался гот по имени Альд,² который был трибуном (τρίβουνος) в Харране, он проткнул троих из этих персов. Но другие ромеи не подымались за ним, потому что персы были им страшны. Когда Альд увидел, что никто не подымается, он испугался и повернул обратно. Он решил спустить с собою труп того ромея, который пал, чтобы его не ограбили персы. Когда он уносил этот труп, и спускался в пасть ямы, поразили и его персы, и пора-

¹ Сосуды для евхаристии.

² Hellad[ios]. — N ö l d e k e. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, t. 36; 1882, p. 688.

нили. Они направили туда воды большого источника, который был поблизости, и поразили там четырех из одетых [в доспехи] ромеев, которые готовились подниматься. Остальные бежали и вышли оттуда. Персы собрали камни внутри города и закрыли подкоп, а сверху насыпали много земли. Они тщательно оберегали все кругом, чтобы [стена] не была пробита с другой стороны. Вдоль всей стены, с внутренней стороны были выкопаны канавы [φόσσαι] и их наполнили водой, чтобы, если ромеи сделают другое отверстие, вода потекла бы туда и они об этом узнали. Когда Патрикий узнал об этом от перебежчика, который пришел к нему, он пренебрег подкопами.

§ 72. Однажды, когда все войско ромеев было тихо и покойно, поводом для битвы послужило следующее. Один мальчик пас верблюдов и ослов. Пасущийся осел, бродя, отошел к стене, а мальчик побоялся подойти и увести его. Один из персов, увидав осла, спустился по веревке со стены, чтобы зарезать его и поднять, чтобы употребить его в пищу, потому что в городе совершенно не было мяса. Один из ромейских воинов, который был родом галилеянин, извлек меч, взял щит в левую руку и побежал к персу, чтобы убить его. Когда он достиг стены, те, что стояли наверху стены, бросили один большой камень и раздавили этого галилеянина, а перс стал подниматься на свое место по веревке. Когда он достиг середины стены, приблизился один из полководцев ромейских, перед которым шли два щитоносца, и метнул стрелу между ними; он поразил этого перса и свалил его к галилеянину. Крик был с обеих сторон, из-за чего все пришли в движение и встали, чтобы биться. Ромейские войска тесно окружили город, из них пало 40 человек и ранено было 150. Из персов, которые паходились на стене, мертвых было видно только 9 человек и немногие были ранены. С ними было трудно биться, так как они были на высоте стены и потому, что они построили себе маленькие будки¹ вдоль всей стены. Они стояли в них и сражались, а спаружи они не были видны.

§ 73. Магистр и военачальники полагали, что им не следует с ними воевать, потому что не путем их убийства может быть [достигнута] победа ромеев, так как в этой борьбе они противостояли всем персам; если же победит Кавад, они сами умрут или погибнут в его темнице. Поэтому [магистр] приказал, чтобы ни один не бился с ними, дабы никто из ромеев не умер или не был ранен. Большая часть войска была испугана.

§ 74. В месяце Хазирап [июнь] Константин, который перешел к персам, когда увидал, что дела их не процветают, бежал от них вместе с двумя известными женщинами из Амида, которых ему дал персидский царь. Четырнадцать дней он бродил по безлюдной пустыне, с немногими, которые были с ним. Когда он достиг возделанной земли, он открыл себя ромейским арабам, которые взяли его и доставили в крепость [castra], называемую Шура,² а оттуда его послали в Эдессу. Когда император услышал о его возвращении, он послал за ним, по прибытии приказал привести его к себе,

¹ Домики.

² Syreych y ar — Rakkah.

а одному из епископов возложить на него руки для священства. [Император приказал], чтобы он отправился и поселился в городе Никее, никогда не показывался ему и не принимал участия в делах.

§ 75. Когда Кавад захватил Амид, он побывал в его банях [δημόσιον] и испытал пользу омовения. Тотчас по возвращении в свою землю, он приказал построить бани во всех городах Ирана.

Адид, араб, который был под персидским владычеством, со своим войском предался и подчинился ромеям. В месяце Таммуц [июль] вновь напали ромеи на персов в Амиде. Гайнас [Γαῖνᾱς], дукс Арабайи,¹ многих из них поражал стрелами. Когда день стал жарким, накалились на нем доспехи, и он развязал немного пояс своей кольчуги, из Амиды метнули в него стрелу из баллисты, она поразила его, и он умер. Когда магистр увидал, какой вред от его пребывания под Амидом, он взял свое войско и отправился в область персов, оставив Патрикия у Амиды. И Ареобинд взял свое войско и отправился в персидскую Армению, он истребил [мечом] из армян и персов 10 000 мужей, взял в плен 30 000 женщин и детей, ограбил и сжег много деревень. Когда они повернули, чтобы идти к Амиду, он взял 120 000 овец, быков и скота.

В то время как ромен проходили со стороны города Низибии, они сели в засаду, а захваченную добычу вели немногие, которым это было поручено. Когда увидал один марзбан, который там был, что их немного, он вооружил свое войско и вышел, чтобы отнять у них [добычу]. Эти сделали вид, что бегут, а персы осмелели и стали их преследовать, когда они отдалились от своих мест, вышли ромен из засады и уничтожили их. Ни один из них не спасся, а было их около 7000 человек. Мушлег² — армянин, который был под властью персов, предался со всем своим войском и подчинился ромеям.

§ 76. Год 816 [504/5 г. н. э.]. Оставшиеся и избежавшие меча, которые были оставлены в Амиде его жителям, были в нужде и больших мучениях из-за голода и персы стали бояться, чтобы они не предали города ромеям. Они связали всех мужчин, которые были там, и бросили их в амфитеатр [χολύγγιον], и там они погибали от голода и вечных цепей. А женщинам они давали часть своей пищи, потому что они сожительствовали с ними и также потому, что они были необходимы им, чтобы перемалывать и выпекать для них [хлеб]. Но когда пищи стало недостаточно, они пренебрегли ими и оставляли их без пищи, так как в этот год никто из них не получал ничего, кроме полной пригоршни ячменя в день. Мяса, вина или чего-нибудь другого из еды у них совершенно не было. Так как они очень боялись ромеев, они совершенно не покидали своих постов, но устроили себе малые печки на стене, подняли ручные мельницы и на своих местах размалывали пригоршню ячменя, пекли и ели. Они подняли также большие опарники, поставили их между бойницами, наполнили землей, посеяли в них овощи, и то, что вырастало в них, они съедали.

¹ Арабия, область около Дамаска.

² Мушег.

§ 77. Рассказать то, что делали там женщины [возможно], хотя этому не поверят те, что будут после нас. Теперь же нет человека, который попытался бы узнать об этих событиях и не слышал бы обо всем том, что случилось, хотя бы он и жил на далеком расстоянии от нас. Итак, собралось много женщин и они составили заговор между собою и выходили украдкой на улицы города вечером, или утром, и кого там находили — женщину, ребенка или старика ¹ — хватали силой, тащили в дом и съедали его вареным или жареным. Это открылось из-за запаха жареного. Дело стало известным марзбану, который там был, он замучил многих из них и убил их, а тем, что остались с гневом запретил [продолжать] делать это и убивать кого-либо. Он им разрешил есть умерших, и они это делали открыто. Одни ели мясо мертвых людей, другие подбирали на улицах и дворах обувь с ног, старые подошвы, нечистоты и ели. Ромейские [войска] ни в чем не имели недостатка, все давалось им во-время, и по приказу императора доставлялось с большим тщанием. И больше в лагерях находилось предметов, которые продавались, пицци, питья, обуви и одежды, чем в городах. Все города выпекали солдатский хлеб [βουκελλάτον] у своих булочников и посылали им, особенно эдесситы. И в этом году по приказу епарха Каллионы жители выпекали по дворам 630 000 модиев, кроме того, что выпекали деревенские по всей области [χώρα] и булочники пришлые [ξένοι] и местные.

§ 78. В этом году вновь отправился епископ мар Петр к императору просить его снять подати [συντέλεια]. Император ответил ему резко и упрекал его за то, что он оставил заботу о бедных в такое, как это, время и отправился к нему. Он говорил, что бог сам положит ему на сердце без чьих-либо уговоров сделать благодеяние благословенному городу [Эдессе]. И пока епископ еще был там, послал император снять [подать] всей Месопотамии через другого, так что тот этого не знал. И с жителей Маббога он снял одну треть подати.

§ 79. Ромейские полководцы [medabrane], которые расположились около Амида, сделали набег на персидскую землю — грабили, брали в плен, уничтожали, так что персы бежали от них, и перешли р. Деклат.² Там они нашли персидских всадников, которые собрались идти на ромеев. Они расхрабрились и остались на берегу Деклата, который вслед за ними перешли и ромеи. Они уничтожили всех персидских всадников, которых было около 10 000 человек и ограбили все имущество беглецов, подожгли многие деревни и убили всех мужчин, которые были в них, от двенадцати лет и выше, а женщин и детей взяли в плен. Так приказал всем полководцам магистр: если будет найден кто-нибудь из ромеев, спасший мужчину двенадцати лет и старше, то он будет убит вместо него и также [приказал] в каждом селении, в которое они входят, не оставлять ни одного дома стоящим. Поэтому из ромеев он выделил сильных людей, и многие деревенские присоединились к ним, когда они отправлялись; после того как сгорали

¹ Слово в рукописи неясно, saba — старый, старик.

² Тигр.

крыши и загасал огонь, они опрокидывали еще и стены. Они резали и портили даже виноградные лозы, оливковые и все другие деревья. Ромейские арабы также перешли Деклат; они грабили, брали в плен и уничтожали у персов все, что они могли. Я знаю, что всякое дело ты изучаешь тщательно, так что известно твоей святости и то, что для арабов эта война была поводом для обогащения с обеих сторон, и что они творили свою волю в обоих государствах.

§ 80. Когда Кавад увидал, что ромей наносят вред его земле, и никто не сопротивляется им, он пожелал пойти им навстречу, а потому послал аштабид к магистру для переговоров о мире, с войсками около 20 000 человек. Он послал всех известных людей, которых он взял в плен в Амиде, Петра, которого он взял в Ашпарине и Василия, который был захвачен как заложник из Эдессы. Также труп дукса Олимпия, который прибыл к нему с посольством и умер там, он послал в запечатанном ларе [γλσσσόχομον], чтобы показать, что смерть его не была насильственной, а что он умер естественно, и это свидетельствуют его слуги и те, кто прибыли с ним. Магистр принял их и послал в Эдессу, за исключением судьи Амиды и комита Петра. Он гневался и сердился на них и хотел их убить, так как говорил, что по небрежности предали крепости,¹ которые они оберегали, а что и персы свидетельствовали, что неприступна стена Амиды. Аштабид просил его и упрощал дать ему взамен тех, что он привез, персов, которые были в Амиде в осаде, потому что если они и не поддавались страху, то [во всяком случае] были в больших мучениях от голода. Магистр же сказал: «Об этих пленных ты мне не напоминай, потому что они пахотятся в плену в нашем городе и они [наши] рабы». Сказал ему аштабид: «Тогда разреши мне послать им съедобного, потому что не подобает тебе, чтобы гибли твои рабы от голода, а когда ты захочешь, тебе легко будет их убить». Сказал ему: «Пошли». Сказал аштабид: «Поклянись мне ты, и все полководцы и военачальники, которые с тобой, что никто не будет убит из тех, кого я пошлю». И поклялись ему все, кроме дукса Нониса, который не был с ними на этом совете. Потому-то магистр и оставил его, что если будет какая-нибудь клятва, чтобы он не был ею связан. Тогда аштабид послал 300 верблюдов, нагруженных мешками с хлебом, внутри которых были положены стрелы. Нонис напал на них, схватил их, и тех, что были с ними, убил. Когда аштабид был осведомлен об этом, он потребовал от магистра наказать того, кто это сделал. Сказал ему магистр: «Я не могу узнать кто это сделал, потому что у меня много войска, если же ты знаешь кто это, то у тебя есть сила отомстить, я не буду тебе в этом препятствовать». Аштабид этого испугался и стал просить о мире.

§ 81. Когда прошло много дней после того, как он просил, настал сильный холод со снегом и большими морозами, и ромей оставили свои стоянки одну за другой. Каждый уносил то, что ему пришлось из добычи, и отправлялся, чтобы идти в свою землю. Те, что оставались и не ушли в свои земли, вошли в Теллу, Решайну и Эдессу, чтобы защититься от холода. Когда ашта-

¹ В тексте «места».

бид увидал, что ромеи ослабели и не могут устоять перед холодом, он послал к магистру сказать: «Или заключи мир и дай персам выйти из Амида, или принимай войну». Магистр же приказал комиту Юстину, чтобы он собрал войско, но тот не смог [этого сделать]. Когда [магистр] увидел, что большая часть ромеев разошлась у него, он заключил мир и предоставил персам выйти из Амида при одном условии, если это будет угодно обоим царям и они подтвердят сделанное им, если нет — будет вновь между ними война. Когда император ромейский был осведомлен о том, что было, он приказал устроить зернохранилища [ἀποθήκων] в каждом городе, особенно в Амиде, чтобы уничтожить вражду и утвердить мир. Он послал Каваду дары и подарки через человека, по имени Леон, и столовую утварь всю из золота.

§ 82. Как мучились эдесситы, которые возили зерно в Амид, никто не знает, кроме тех, кто были поставлены на это дело, так как многие сами умерли в дороге и их скот.

§ 83. Достойный Иоханан епископ Амида упокоился еще до того, как город был осажден персами. Отправились из его клира [κλήρος] к святому и боголюбивому, украшенному всяческой славой божией, деятельному и известному мар Флавиану патриарху [πατριάρχης] Антиохии, чтобы он поставил им епископа. Все время, что они были там, он относился к ним с почтением. Затем бежал из плена достойный Нонн, священник и эконом Амидской церкви. Просили о нем клирики [κληρικοί] патриарха и он сделал его епископом. Когда достойный Нонн принял первосвященство, он послал Фому, своего хореепископа, в Константинополь привести амидян, которые там были, и просить какой-нибудь дар у императора. Он сговорился с теми, что были там, и они попросили императора, чтобы Фома был у них епископом. Император принял их просьбу и послал сказать патриарху, чтобы он не противился им. Также и судью дал им император, которого они просили. Император и патриарх дали подарки Амидской церкви и много золота, чтобы раздать бедным. Поэтому туда стеклись все те, кто бродили в других областях. Каждый день они выносили трупы мертвых из Амида, а затем получали то, что им следовало.

§ 84. Урбик — евнух императора,¹ который оказал много благодеяний в области Иерусалима и в других землях, прибыл [в Амид] и роздал там динарий за динарием. Оттуда он переехал в Эдессу и дал каждой женщине, которая желала принять, тримисион [τριμισσιον],² а каждому ребенку одному зузе.³ Получили [деньги] почти все женщины, которые нуждались и которые не нуждались.

§ 85. В том же году, после того, как затихла война, дикие звери нападали на нас, по той причине, что множество трупов пало в этой войне, и они привыкли поедать человеческие тела. Когда сгнили и исчезли трупы убитых, звери вошли в деревни, схватывали детей и ели. Они нападали также на одиноких мужчин на дорогах и заедали их. Так были все испуганы, что

¹ Οὐρβικος ὁ ἑκτομικός. — Zonara, 14.

² Τριμισσιον (латинское tremis, tremissis) равен 3-й части золотого.

³ Зуве — мелкая монета.

во время жатвы не было ни одного человека во всей области [χώρα], кто бы ночевал на гумне без шалаша от страха перед дикими зверями. Но с помощью господина нашего, который во всякое время заботится о нас и по своему милосердию от всяких испытаний избавляет нас, часть из них попала в руки деревенских, они зарезали их и послали мертвые тела в Эдессу. Часть была захвачена охотниками, которые связали их и водили живыми. Все, кто это видели, прославляли бога, который сказал: «Страх перед вами и трепет я наведу на всех зверей земли».¹ Ведь за наши грехи он послал на нас войну, голод, чуму, пленение, диких зверей и другие наказания, записанные и не записанные, и по милости своей спас нас от всех них.

§ 86. И меня слабого по своему милосердию, по твоим молитвам, — он укрепил, чтобы я описал по возможности нечто из того, что случилось для напоминания тем, которые это претерпели и для поучения тем, которые будут после нас. Если они захотят, то и тем немногим, что я написал, они смогут умудриться, потому что больше того, что я не сообщил, чем того, что я описал. Я и в начале говорил, что написать обо всем я не в состоянии, так как мучения, которые испытал каждый отдельный человек, таковы, что могли бы быть описаны в длинных историях, для которых и большая книга не была бы достаточной. Тебе известно из того, что писали другие, что и те, что пришли к нам под именем спасителей, чтобы помочь нам, когда приходили и уходили, грабили нас почти так же, как враги. Многих бедных они сгоняли с кроватей и сами спали на них, а хозяева ложились на земле, даже в холодные дни. Одних они прогоняли и заставляли уйти из своих домов, входили и располагались в них сами. Скотину других они насильно уводили как добычу. Они с тела снимали у них одежду и уносили ее. Иных они жестоко били из-за любого дела, с другими они ссорились на улицах и ругались по мелким причинам. Немногое съедобное у всякого и запасы, которые имелись у некоторых в деревнях и городах, они открыто грабили. На многих они нападали на распутье. Они селились с ремесленниками в их лавках, потому что им не было достаточно домов и гостиниц города. На глазах у всех на улицах и в домах они насиловали женщин. От старых женщин, вдов, бедных отбирали масло, дрова, соль и другие предметы для своего употребления и отрывали их от дела для того, чтобы прислуживать им. И вообще всех они притесняли, больших и малых, и не оставалось никого, кого бы не коснулась их злоба.

Местные правители, которые были поставлены упорядочить и распределить их, тянули руки к взяткам и так как они получали их от всех, то никто не был от них избавлен, но даже к тем, к которым направляли [солдат] сначала, они через несколько дней посылали еще других. Они селили их у священников и дьяконов, хотя у них и была грамота [σάχρα] от императора, чтобы к ним не селили. Но что я буду об этом много повествовать, когда даже и тем, кто больше меня, это не оказалось возможным.

§ 87. После того как магистр перешел за р. Евфрат на запад, он отправился к императору, Ареобинд в Антиохию, Патрикий в Мелитену, Фарз-

¹ Кн. Бытия, 9.

ман в Апамею, Федор в Дамаск, Каллиопа в Маббог. Эдесса вздохнула легко и радовались те немногие люди, которые в ней оставались. Эгмон Евлогий заботился о восстановлении [города], император [дал ему] 200 литр [золота] для расходов на постройки. Он отстроил и обновил [всю] стену, которая окружает город.¹ Он обновил и исправил два водопровода [ἀγωγοί], которые шли от селения Телль Зема и от Мудада. Он отстроил и окончил бани [δημόσιον], которые обрушились, также обновил свой преторий [πρατῶριον] и построил многое другое в городе. И епископу дал император 20 литр на расходы и на обновление стены, а Урбьяк — евиух 10 литр, чтобы он построил храм блаженной Марии. Масло, данное церквам и монастырям из маслохранилища, которого было 6800 кесте [ξέστης],² эгмон взял и приказал осветить им портики города. Очень просили его об [масле] старосты церковные [παράμονάριοι], но он не согласился, а чтобы не думали, что он презирает храмы, построенные богу, он дал от себя каждой церкви 200 кесте.

До этого года 4 модия пшеницы продавались за динарий, а ячменя 6 [модиев за динарий]; вино 2 меры [за динарий]. После новой жатвы продавалось 6 модиев пшеницы за динарий, а ячменя 10 модиев за динарий.

§ 88. Персидские арабы, которые никогда не бывают мирными и спокойными, перешли без персов в область ромеев и захватили в плен две деревни. Когда узнал об этом марзбан персидский, который был в Низибин, он схватил их шейхов (𐭠𐭣𐭥) и убил их.

Также и арабы ромейские перешли без приказа в персидскую область и взяли в плен одну деревушку. Когда магистр, который отправился в конце этого года в Апамею, услышал об этом деле, он послал к Тимострату дуксу Калиникуса. Этот взял пятерых из шейхов (𐭠𐭣𐭥), двоих из которых убил мечом, а троих пропал на дереве. Фарзман оставил Апамею, после того как пришел туда магистр, и отправился расположиться в Эдессе. Он был облечен от императора властью и стал главнокомандующим вместо Ипатия.

§ 89. Стена Батнапа, крепости в Серуге, которая обрушилась и развалилась, была вся отстроена и обновлена усердием Евлогия, эгмона Эдессы. Почтенный священник Эдезий обил медью двери мужской половины большой церкви Эдессы.

§ 90. Год 817 [505/6 г. н. э.]. Ромейские полководцы сообщили императору о том большом уроне, который терпят войска от того, что нет города, расположенного у границы. Всякий раз, как ромей выходили из Теллы или Амида, чтобы сделать набег на Ароб, где бы они ни расположились, они были в страхе перед хитростью врага. А если случалось, что [у персов] были более многочисленные войска, чем у них, и они думали возвращаться обратно, они испытывали большую тягость от того, что не было вблизи города, чтобы скрыться в нем. Поэтому император приказал построить стену вокруг селения Дара, которое находится на границе. Выбрали каменщиков

¹ В сирийской рукописи несколько нечитаемых мест; восстанавливаю их согласно тексту Райта.

² Мера жидких тел.

из всей Сирии, и они отправились туда строить. Персы же вышли из Низибии и препятствовали им. Поэтому Фарзман ушел из Эдессы, отправился и поселился в Амиде и оттуда выходил на помощь к тем, что строили. Он устроил также большие травли зверей, особенно кабанов, которых было множество после опустошения земли. В день он ловил их больше, чем сорок штук: чтобы показать результаты своей охоты и в Эдессе, он посылал туда часть из них, живыми и убитыми.

§ 91. Почтенный Саргис, епископ крепости Бирты,¹ которая расположена на берегу Евфрата, начал строить стену города. Император дал ему немало золота на расходы. Также и Евронус,² который расположен на запад от реки, в епархии Маббогской, магистр приказал обнести его стеной, и работали над ней местные жители [по мере] своих сил.

§ 92. После того, как Фарзман отправился в Амид, пришел вместо него дукс Роман и остановился в Эдессе со своим войском. Он оказал много благодеяний бедным. Император в этом году увеличил еще [больше] все свои милости и послал отменить подать [*συντέλεια*] по всей Месопотамии. Радовались все деревенские господа и прославляли императора.

§ 93. Простой же народ³ роптал, кричал и говорил: «Несправедливо, что у нас расположились готы, а не у деревенских господ, потому что им помогли этой отменой [подати]». Епарх приказал выполнить их просьбу, а когда начали приводить ее в исполнение, собрались все знатные города к Роману дуксу и упрашивали его, говоря ему: «Пусть прикажет твоя высота, что должен получать каждый из готов в месяц, чтобы они, войдя в дома богатых людей, не ограбили их так, как они ограбили простых». Он исполнил их просьбу и приказал [воинам], чтобы они получали эсподу⁴ масла в месяц, 200 литр дров, кровать и матрац на двоих.

§ 94. Готы, услышав этот приказ, бросились к Роману дуксу, на двор семьи Барса, чтобы убить его. Когда они поднимались по лестнице его помещения, он услышал шум грохота и смятения и понял, что они хотят сделать. Он быстро надел доспехи, взял оружие, обнажил меч и встал у входных дверей [дома], в котором жил. Он не убил ни одного гота, но только склонял меч и препятствовал первому, который поднялся, войти к нему. Те, которые были внизу, принуждали в своем гневе тех, что находились над ними, подняться и войти к нему.⁵ Лестницей дома овладело множество народа, как известно твоей святости. Когда первые, которые поднимались, не смогли войти, боясь меча, другие их теснили и много народа захватили лестницу, и от их тяжести она сломилась и упала. Умерли немногие из них, но у многих были изувечены члены, они стали калеками и не могли быть вылечены. Роману представился случай воспользоваться этим падением, и он перебежал через крышу этого дома в соседний и бежал. Больше он им ничего не говорил. По этой причине они оставались там, где

¹ Birta — kstra, новейший Bir, Birejik.

² Euronus — Ἐυρόνος.

³ Текстуально простые из народа.

⁴ Эспода — мера жидких тел, амфора.

⁵ Это предложение в сирийском тексте имеет несколько описок.

жили, и делали все по собственному желанию, потому что не было никого, кто бы их сдержал, воспрепятствовал или предостерег их.

§ 95. Епископ наш мар Петр болел тяжело и трудно весь этот год. В месяце Нисан [апрель] снова усилились несчастья в нашем городе, потому что магистр собрал все свое войско и поднялся, чтобы идти в персидскую область для установления и возобновления с ~~ними~~ мирного договора. Когда он вошел в Эдессу, к нему пришли персидские послы и сообщили ему, что аштабид, который шел навстречу чтобы заключить с ним договор, умер. Они просили его, говоря, что если он пришел ради мира, чтобы он не выходил из Эдессы, пока другой аштабид не будет прислан от персидского царя. Он исполнил их просьбу и оставался в Эдессе месяцев пять. Так как готам, которые были с ним, не было достаточно [места] в городе, они расположились в деревнях и в монастырях больших и малых, которые находятся вокруг этого города. Даже тех, что живут в уединении, они не оставили жить в тишине, которую они любят, потому что они поселились с ними, в их монастырях.

§ 96. Так как с первого дня, как они прибыли, они ели не свое, они стали жадны в пище и питье. Те из них, которые пировали на верху домов, выходили ночью, оглушенные множеством вина. Они шагали, бросались в пустоту и в злой кончине покидали жизнь. Иные сидели и напивались, впадали в сон, падали с высоты домов и умирали на месте. Другие умирали в своих постелях от объедения. Иные кипящую воду плескали в уши тех, которые им прислуживали, из-за малого проступка. Другие приходили в сад, чтобы собрать зелень, и если садовник вставал, чтобы запретить им брать, они поражали его насмерть стрелой, а кровь его оставалась безнаказанной. Когда возрастала их злоба и не было никого, кто бы их удержал, охваченные гневом, они убивали друг друга, так как те, у кого они жили, обращались с ними с большой осторожностью и делали все по их желанию, чтобы не дать им возможности причинять зло. Что среди них были такие, которые жили упорядоченно, не может быть скрыто от твоего ведения, потому что не могло быть, чтобы в столь большом, как это, войске не встретились бы и такие. Злые деяния возросли до того, что и среди эдесситов те, кто были дерзки, сделали нечто недолжное. Ропот против магистра они записали в хартиях [χάρτης] и в общественных местах города вывесили их тайком. Когда магистр об этом услышал, он не разгневался, хотя и мог, не разыскивал того, кто это сделал, и городу не захотел причинить никакого зла по своей мягкости, но приложил большое старание, чтобы скорее и короче покинуть Эдессу.

§ 97. Год 818 [506/7 г. н. э.]. Поэтому магистр взял все свое войско и отправился на границу. Пришел к нему персидский посол в город Дару, с ним были заложники [ὄμηροι], посланные от аштабида. Он снова просил его, если он желает заключить мир, послать заложников взамен тех, которых он получит. После этого обе стороны сблизятся дружественно и встретятся друг с другом лично, имея по 500 невооруженных всадников [с каждой стороны] и тогда сядут на совет и сделают что должно. Он принял их просьбу, послал заложников и безоружный вышел навстречу аштабиду в назначен-

ный день. Но так как он боялся, чтобы не было какой-нибудь хитрости со стороны персов, он поставил против себя все ромейское войско вооруженным, чтобы он мог подать знак и приказал им, если они увидят этот знак, быстро устремиться к нему. Когда и аштабид вышел навстречу, и сели на совет ромей и военачальники, которые были с ними, один из ромейских воинов обратил внимание и увидел, что снизу надето оружие на всех тех, что пришли с аштабидом. Он сообщил об этом Фарзману, военачальнику, и дуксу Тимострату, а эти подали знак войскам. Те тотчас испустили клич, устремились к ним, взяли в плен аштабида и тех, что были с ним. Остальное персидское войско, когда узнало, что взят в плен аштабид и те, что были с ним, бежали от страха и вошли в Низибию. Ромей хотели взять аштабида, а тех, что были с ним, убить, но магистр упросил их, чтобы не было повода к войне и помех для мира. Они с трудом согласились и, наконец, послушались его; аштабида отпустили, чтобы он и те, что были с ним, ушли от них, не повредив им, потому что при победе ромейские военачальники бывают мирны. Когда аштабид пришел к своему лагерю и увидел, что персы отправились в Низибию, он побоялся остаться один и сам отправился к ним. Он понуждал их выйти с ним из города, но из-за страха они не пожелали выйти. Чтобы их страх не открылся ромеям, аштабид послал привести свою дочь в Низибию и по персидскому обычаю взял ее себе в жены. Когда магистр послал сказать ему с клятвой — «Никто не тронет тебя, даже если ты выйдешь один», он ответил ему следующим словом: «Я не выхожу не из-за страха, но потому что не кончились дни моего праздника [свадебного]». И хотя магистр хорошо понимал в чем дело, но принял это, как будто бы он ничего не знал.

§ 98. Спустя несколько дней, когда аштабид вышел к нему, желая мира, он опустил все условия, которые были оговорены и о которых просили персы. Он установил с ними договор и заключил мир. Они написали грамоту и установили определенный срок, в течение которого не будут вести войны друг с другом. Все войска торжествовали и радовались этому миру.

§ 99. Пока они еще не были на границе, получили магистр Целерус и Каллиопус письмо от императора Анастасия, которое было полно заботы и милосердия ко всей земле Месопотамской. Он написал им следующее: если они полагают, что необходимо снять подать [συντέλεια], то они могут снять ее без промедления. Они решили снять с амидян всю подать, а с эдеситов — половину, и послали сообщить об этом в Эдессу. Спустя немного времени, они прислали другое письмо, сообщавшее относительно мира.

§ 100. В день двадцать восьмой месяца Типри второго [ноябрь 506 г.] он взял все свое войско и ушел с границы. Дойдя до Эдессы, магистр полагал не входить в нее из-за ропота на него. Блаженный Бархедад, епископ Теллы, убедил его не давать места гневу, который владеет им и не оставлять после себя ни у кого отвращения или раздражения. Он тотчас принял его просьбу, также и эдеситы все с большим проворством, неся восковые свечи [κηρίνες], от мала до велика вышли ему навстречу; с ними вышли также все клирики [κληρικοί], давшие обет и монашествующие и вошли с ним в город с большой радостью. Все войско он в тот же день отпустил в путь, а сам

оставался дня три и дал эгемону 200 динариев раздать в подарок. Жители города радовались миру, который настал и восторгались освобождением от бедствий, тяготевших над ними до этого времени, плясали в надежде на грядущее благо, которое они ожидали, и благословляли бога, который по своей благодати и милосердию установил мир между двумя государствами. С прославлениями, приличествующими магистру и тому, кто послал его, они присоединились к нему, когда он уходил.

§ 101. Если и показал себя иначе этот император в конце жизни, пикто не должен быть огорчен его похвалами, но пусть вспомнит о том, что случилось с Соломоном в конце его жизни.

Вот малое из многого, что я смог написать твоей любви. Я и не желал этого и желал. Не желал, чтобы не быть утомительным для мудрого моего знакомого, который лучше меня разбирается во всем этом, и желал, из послушания твоему приказанию. Теперь и я прошу тебя исполнить обещание твоего письма — постоянно возносить богу молитвы за меня грешного. Потому что с тех пор, как я узнал твое желание, стало моей заботой — записать и послать тебе, мой отец, если я останусь еще в живых и то, что случится в грядущее время, достойное памяти. Мы помолимся здесь, а ты, мой отец, там, и все люди во всяком месте, чтобы была рассказана история великого изменения, случившегося в мире. И как мы не в состоянии были рассказать о тяжелом времени, каким оно действительно было из-за множества несчастий, так и о грядущем не сможем повествовать из-за многих благ. Но наше слово будет недостаточно, чтобы сказать о благополучной жизни наших горожан, о мире, о великом довольстве, которое настало, о большом изобилии урожая по благословению бога, который сказал: «Забыты будут прежние скорби и будут скрыты от меня».¹ Ему слава во веки веков. Аминь.

¹ Исаия, 65₁₆.

УКАЗАТЕЛИ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ ХРОНИКИ

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- Абгар, царь Эдесский. Легенда о нем (P h i l i p p s. The doctrine of Addai.— G u t s c h m i d t Alfr. Geschichte des Königreiches Osroene) §§ 36, 60
- Аддай, стратилат Сирии в 395/6 г. § 9
- Адид, арабский шейх, бывший под персидским владычеством § 75
- Александр, эгемон Эдессы с 497 по 498 г. §§ 29, 32
- Альд, трибун г. Харрана, гот (Hellas по Nöldeke) § 71
- Анастасий, эгемон Эдессы до 496/7 г. § 29
- Анастасий, византийский император с 491 по 518 г. §§ 6, 19, 23, 31, 34, 39, 42, 46, 50, 54, 66, 78, 92, 99
- Аппион, епарх (Cambridge medieval history, t. I, 1911, p. 482) §§ 54, 70
- Ареобинд, стратилат, magister militum per Orientem (Cambridge medieval history, t. I, 1911, p. 482) §§ 54, 55, 58, 59, 61, 63, 68, 75, 87
- Аркадий, византийский император с 395 по 408 г. § 9
- Ахав, израильский царь, IX в. до н. э. § 46
- Бави, аштабид, главнокомандующий персов в 503/4 г. § 59
- Балаш, царь персидский с 484 г. (C h r i s t e n s e n. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936, p. 291) §§ 18, 19
- Барса, фамилия Эдесской семьи § 94
- Бархедад, епископ г. Теллы в 502/3, 506 гг. §§ 58, 100
- Василий, комит, заложник у персов из Эдессы §§ 61, 80
- Василиск, возглавил восстание против Зенона в 475—476 гг. (B u r y. History of the later Roman Empire, t. I, pp. 389—394) § 12
- Виталиан, сын византийского полководца Патрикиола, в 513 г. поднял восстание против Анастасия (B u r y. History of the later Roman Empire, I, pp. 447—452) § 60
- Гайнас, дукс Арабии § 75
- Гонорий, брат Аркадия, император западной части империи с 393 по 423 г. § 9
- Давид, израильский царь, начало X в. до н. э. §§ 2, 44
- Демосфен, эгемон Эдессы в 498 г. §§ 32, 40, 42, 43
- Евгений, дукс Мелитены в 502/3 г. §§ 51, 52
- Евлогий, эгемон Эдессы в 504/5 г. §§ 87, 89
- Евсевий, замещал эгемона Эдессы в 499/500 г. § 40
- Евтихиан, муж Ирины, эдесский гражданин § 28
- Замашп, персидский царь, в 496 г. (T a b a r i. Geschichte der Perser und Araber. Ed. Nöldeke, Leyden, 1879, pp. 133—135) § 24
- Зенон, император византийский с 474 по 491 г. §§ 7, 12, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 23
- Иаков Батнский или Серугский, сирийский писатель § 54
- Илия, библейский пророк, IX в. до н. э. § 46
- Иллус, стратилат Антиохии при императоре Зеноне (482—484 гг.), восстал против Зенона, умер в 488 г. (B u r y. History of the later Roman Empire, t. I, pp. 394—398) §§ 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18
- Иоанн скиф, стратилат, посланный Зеноном против Иллуса §§ 15, 17
- Иоанн, Иоханан, епископ г. Амида в 504/5 г. § 83
- Иовиниан, Иовиан, византийский император, умер в феврале 364 г. § 7
- Ионафан, друг Давида, царя Израильского § 2
- Ипатий, племянник императора Анастасия, византийский военачальник (P r o s o p i u s. De bello persico, l. I, cap. 8. Ed. Haury, Lipsiae, 1905. — Cambridge medieval History, p. 482. — B u r y. History of the later Roman Empire, t. I, pp. 448—449. t. II, p. 13) §§ 54, 55, 56, 88

- Ирина, эдесская горожанка, жена Евтихиана § 28
- Кавад, персидский царь с 488 по 534 г. с перерывом, в течение которого царствовал Замашп (Tabari, ed. Nöldeke, pp. 135—147) §§ 10, 19, 21, 22, 23, 24, 48, 50, 51, 53, 54, 55, 58, 59, 60, 73, 80
- Каллиопа Аленский, епарх §§ 55, 56, 70, 87, 99
- Кир мар, епископ Эдессы, умер в июне 498 г. §§ 28, 32
- Кона или Конон, епископ Эдессы в 312—313 гг. § 43
- Константин, ставленник Византии в Армении, перешедший на сторону персов, 502 г. §§ 48, 55, 74
- Константин, император, его статуя в Эдессе § 27
- Ксенайа-Филоксен, Маббогский, ученый монофизит, переводчик с греческого на сирийский, его пребывание в Эдессе в 497/8 г. § 30
- Леон, посланный с дарами к Каваду от Анастасия в 504/5 г. § 81
- Леонтий, комит, стоял во главе византийских войск в г. Телле в 502/3 г. § 58
- Леонтий, стратилат, перешедший на сторону Иллуса §§ 14, 15, 16, 18
- Матрониан, полководец, сторонник Иллуса § 16
- Мушлег, или Мусег, армянин, находился под персидским владычеством § 75
- Нааман III, в арабской традиции Нуман, арабский царь Хиры с 498 по 503 §§ 51, 52, 57, 58, 59
- Нонн, клирик и эконом Амидской церкви § 83
- Нонн мар, ксенодох Эдессы § 42
- Ноннис, Ноннозус, дукс, упоминается под 504/5 г. § 80
- Олимпий, дукс Теллы, упоминается под 502/3 и 504/5 гг. §§ 51, 80
- Павел, апостол §§ 4, 49
- Пампрепиус, маг (Παμπρέπιος). Изучал в Афинах философию под руководством Прокла, язычник, пользовался влиянием на Иллуса (Lebea u, t. VII, p. 132. — Bury. History of the later Roman Empire, t. I, p. 399) § 15
- Патрикий, византийский военачальник, *magister militum in praesenti* (Cambridge medieval history, t. I, p. 482) §§ 54, 55, 57, 66, 69, 71, 75, 87
- Патрикиол, византийский полководец, отец Виталиана, начал участвовать в персидской войне с 504 г. § 60
- Пероз, персидский царь с 457 по 484 г. (Tabari, ed. Nöldeke, pp. 117—130) §§ 9, 10, 11, 12, 17, 48
- Петр, византийский полководец, комит, захвачен персами в крепости Ашпарин в 503 г. §§ 57, 58, 80
- Петр мар, епископ Эдессы с 498 по 506 г. §§ 32, 36, 39, 78, 95
- Рифит, византийский полководец в Харране в 502/3 г. (Cambridge medieval history, t. I, p. 481) § 59
- Роман, дукс, в 505/6 г. находился в Эдессе с византийским войском §§ 92, 93, 94
- Руфин, епарх Сирии в 395/6 г.; был послан к персам Анастасием, упоминается в 502/3 г. (Cambridge medieval history, t. I, p. 481) §§ 50, 54.
- Саргис, архимандрит, к которому обращена хроника Иешу Стилита § 1
- Саргис, епископ Бирты, упоминается под 505/6 г. § 91
- Соломон, царь израильский, X в. до н. э. § 101
- Стратоник мар, эконом большого Эдесского храма § 42
- Теватил мар, эконом большого Эдесского храма § 42
- Тимострат, дукс Калиникуса §§ 57, 64, 69, 88, 97
- Тримериус, плясун § 27
- Урбик, евнух, посланный Анастасием в Палестину, Сирию и Месопотамию, упоминается под 504/5 г. §§ 84, 87
- Фарзман (Φαρσεμάνος ὁ Κόλχος), византийский полководец, упоминается под 502—506/7 гг. (Prosopius. De bello persico, l. I, cap. 8, t. I, p. 37) §§ 56, 87, 88, 90, 92, 97
- Федор, византийский полководец, упоминается под 502/3 и 504/5 гг. §§ 56, 87
- Феодосий, император византийский с 379 по 395 г. § 9
- Филоксен, см. Ксенайа Маббогский
- Флавиан, патриарх Антиохийский, с 498 по 512 гг. § 83
- Фома, хорепископ Амидский в 504/5 г. § 83
- Хормизд, перс, посланный Кавадом в Эдессу для переговоров в 504 г. § 61
- Цедекия, иудейский царь, начало VI в. до н. э. § 10

Целлер, или Целериус, *magister militum*, иногда называемый просто магистром (*Bury. History of the later Roman Empire*, t. II, p. 13) §§ 64, 65, 69, 73, 75, 79, 80, 81, 87, 88, 91, 95, 96, 97, 99, 100

Шила, или Сила, пометка на полях рукописи о его смерти, по другим источникам неизвестен § 97, примечание
Эдезий, клирик Эдесский § 89
Юлиан, император с 361 по 363 § 7
Юстин, комит, византийский император с 518 по 527 г. § 81

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абарна, ее горячие источники находятся между Тигром и Евфратом § 34

Агар, селение в области Зейгмы § 68

Агел, город на р. Тигре, севернее Амида § 50

Акка, или Акра, см. Птоломаис, город § 47

Александрия, город § 70

Амид, Диарбекир, город §§ 1, 50, 53, 54, 56, 58, 66, 69, 71, 74, 75, 76, 79, 80, 81, 82, 90, 92

Амудин, пограничный византийский город, несколько южнее Дары § 54

Антиохия, город §§ 12, 14, 15, 16, 19, 44, 87

Апамя, в Осроене (*Hönigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches*, p. 14) § 57

Апамя, город на левом берегу Евфрата, на запад от Эдессы, против Зейгмы (*Dussaud. Topographie*, p. 449) §§ 87, 88

Арабэя, Арабия, § 75

Арабы §§ 22, 51, 57, 59, 60, 62, 79, 88, 90

Армения §§ 48, 50, 75

Армяне §§ 21, 24, 57

Ароб, область, принадлежавшая Византии, на запад от Нинивии §§ 38, 50, 90

Аршемшат, Арсамосата § 35

Ашпарин, или Сифрисы, крепость §§ 57, 80

Батнан, крепость, главный город Серугской области, на запад от Эдессы, на перекрестке дорог, ведущих на запад из Эдессы и Харрана §§ 63, 89

Бейрут, Беритус, город § 47

Бекин, селение близ Эдессы § 60

Бет-Арамаие, персидская провинция в Месопотамии § 64

Бирта, Биреджиг, крепость на берегу Евфрата, южнее Зейгмы (*Dussaud. Topographie*, p. 449) § 91

Блемии, племена в Египте, с которыми Анастасий вел войну в 491 г. (*Cambridge medieval history*, t. I, p. 480. — *Procopius. De bello persico*, l. I, cap. 19, t. I, pp. 104—106) § 20

Ворота арок или гротов в Эдессе §§ 27, 29

Ворота театра в Эдессе § 27

Ворота большие, главные в Эдессе § 36

Галилеянин § 72

Галлаб, или Гуллаб, река, называемая также рекой Мидян, в которую впадает Дайсан § 58

Германцы § 20

Готы в византийском войске §§ 86, 93, 94, 95, 96

Гунны, кионайе (*Wesendonk. Kušan, Chioniten und Hephthaliten. Kilo*, 1933, t. 26, pp. 336—346) §§ 9, 10, 23, 57, 59, 62

Дайсан, или Кара Кайюн (ὁ Σμυρτός) без имени собственного упоминается, как река в Эдессе § 27

Дамаск, Дармесук, город § 87

Дара, город на границе Византии с Ираном §§ 54, 90, 97

Дахбан, селение близ Эдессы § 61

Деклат, см. Тигр

Евреи §§ 40, 58

Европос - Дура, крепость на Евфрате. (*Dussaud. Topographie*, pp. 456—457) § 91

Евфрат §§ 16, 34, 54, 57, 60, 63

Зейгма, Балкиа, город на правом берегу Евфрата на запад от Эдессы (*Dussaud. Topographie*, pp. 449) §§ 67, 68

Иерусалим §§ 49, 84

Иран §§ 15, 75

Исавры § 23

Калат, река (Νυμφίος, Νυμφαῖος ποταμός) (*Procopius. De bello persico*, l. I, cap. 9, t. I, p. 40) § 66

- Каллиникус, Каллинокос, ar Rakkah, Ракка, город (Sarre und Herzfeld. Archäologische Reise im Euphrat- u. Tigris-Gebiet, B. I, 1911, p. 159) §§ 57, 64, 69, 88
- Кесария Каппадокийская, город § 50
- Кефар-Селем, или Негбат, селение близ Эдессы §§ 59, 62
- Кионайе, белые гунны, см. гунны § 9
- Константина, см. Телла
- Крепость (τὸ Περὶ τοῦ καστέλλου), упоминаемая у Феофана (Theophanis Chronographia, t. I. Ed. Classen, pp. 196, 201, 203, 204) §§ 12, 16, 17
- Куббе, селение под Эдессой § 60
- Кудишайе, горное племя §§ 22, 24, 57
- Маббог, или Иераполис, Мембидж (Dussaud. Topographie, pl. XIII, B 2) §§ 65, 78, 87, 91
- Мелитена, город (Pросорius. De bello persico, l. I, cap. 17, t. I, p. 85) §§ 51, 66, 87
- Месопотамия §§ 1, 49, 50, 66, 78, 92, 99
- Мидяне, река Мидян, Галлаб или Гуллаб § 58
- Мудад, селение под Эдессой, из которого в город был проведен водопровод § 87
- Негбат, Кефар-Селем § 62
- Низибия, или Нисибис, город (Dussaud. Topographie, pl. XV) §§ 7, 18, 20, 22, 44, 54, 69, 75, 88, 97
- Никея, город § 74
- Никомедия, город § 47
- Никополис, город § 34
- Ортайе, жители области Анзитены § 38
- Орхай, Урха, см. Эдесса
- Персы §§ 1, 5, 8
- Птоломанс, Птоломанда или Акка, Акра, город § 47
- Решайна, город в верхнем течении р. Кабура (Dussaud. Topographie, pl. XV, p. 490) §§ 38, 69, 81
- Самосата, Шамишат §§ 57, 60
- Серрин, горная крутизна недалеко от Эдессы § 60
- Серуг, область, главный город ее Батнан §§ 59, 60, 89
- Сидон, город (Dussaud. Topographie, pl. III) § 47
- Сирия § 90
- Суф, Софена, или Софанена, область тяготевавшая к Майферкату § 50
- Таллабиты, византийские арабы (Dussaud. Topographie, p. 489; название Thallaba см. Cambridge medieval history, t. I, p. 481) § 57
- Тел Бешмай, селение на запад от Мардина около Дейрика § 51
- Телла или Константина §§ 38, 51, 58, 81, 90, 100
- Телль-Зема, селение под Эдессой, из которого шел водопровод в город § 87
- Тигр, Деклат, река §§ 53, 79
- Тимурайе, или тамурайе, горное племя §§ 22, 24
- Тир, город (Dussaud. Topographie, pl. XV) § 47
- Фебдосиополь или Эрзерум, город в Армении §§ 48, 52
- Хабора, город. Dussaud полагает, что это Heseke, на р. Кабуре, где она делает колено (Dussaud. Topographie, pl. XV, p. 487) § 57
- Харран, город на 25 миль южнее Эдессы §§ 51, 52, 59, 71
- Хира, или Хирта, город персидских арабов (Dussaud. Topographie, pl. XV) §§ 57, 58
- Храм апостола Аддая и Иоанна Крестителя § 29
- Храм апостолов в Эдессе § 43
- Храм блаженной Марии § 87
- Храм большой, апостола Фомы (Wright, transl. p. 22) §§ 31, 42, 43, 89
- Храм исповедников, близ Эдессы §§ 60, 62
- Храм мар Козьмы и мар Дамиана, близ Эдессы § 60
- Храм мар Кона в Эдессе § 43
- Храм мар Саргиса и мар Шемона §§ 31, 59, 62
- Шамишат, Самосата, город на Евфрате, севернее Эдессы §§ 57, 60
- Шигар, или Сиджар, гора, пустынная область (Dussaud. Topographie, p. 485). Город Сиджар находится в Междуречье, южнее Низибии (Dussaud. Topographie, pl. XV) §§ 53, 69
- Шура, крепость castra (Σούρα) Sureyeh близ ar Rakkah, на правом берегу Евфрата (Dussaud. Topographie, pl. XIV, 2C) § 74
- Эдесса §§ 1, 16, 26, 30, 31, 38, 52, 54, 58, 59, 63, 70, 74, 80, 81, 84, 87, 89, 92, 95, 99, 100
- Эммаус, см. Никополис

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ ХРОНИКИ

- Бани общественные §§ 29, 43, 75
 Баня летняя § 30
 Бедные §§ 36, 42
 Бобы § 39
 Богатые §§ 28, 36, 44, 61
 Бои зверей §§ 34
 Верблюды § 72
 Вино §§ 41, 45, 76
 Виноград §§ 41, 45, 52, 79
 Водопровод § 87
 Голод §§ 38, 39, 40, 41, 49, 76, 80
 Горох § 39
 Гостиница § 42
 Грамота, расклеенная на улицах § 96
 Денежная подать §§ 39, 66, 78, 99
 Деревенские господа § 39
 Динарий §§ 26, 28, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 84, 87
 Епарх §§ 54, 70, 93
 Заготовка воды § 39
 Зарадуштакан, название, данное движению маздакитов § 20
 Затмение § 36
 Звери, дикие §§ 89, 90
 Землетрясение §§ 34, 35, 47
 Зерно § 82
 Зернохранилище §§ 40, 66, 81
 Знатные § 93
 Золото §§ 83, 91
 Кабаны § 90
 Капуста § 40
 Купцы § 66
 Курятина § 43
 Литра, мера веса §§ 42, 43, 59, 61, 63
 Малые § 28
 Мальва § 40
 Масло §§ 66, 87
 Модий, мера сыпучих тел §§ 26, 38, 39, 44, 45, 54, 70, 87
 Мясо §§ 43, 76, 77
 Надбавка § 39
 Нарывы §§ 26, 28
 Номий, мелкая монета §§ 41, 43
 Осел § 72
 Подать §§ 39, 66, 78, 92, 99
 Похороны §§ 43, 83
 Праздник языческий §§ 27, 30, 33, 46
 Преторий §§ 29, 87
 Просо § 38
 Простой народ § 93
 Пшеница §§ 26, 38, 39, 43, 44, 45, 70, 87
 Работающие §§ 30, 90
 Ремесленники §§ 29 31, 66, 86
 Репа § 40
 Саранча §§ 33, 38, 54
 Свинцовые печати, сипиллы § 42
 Скот §§ 82, 86
 Театр § 30
 Трава § 45
 Тримисий, третья часть золотого § 84
 Управители § 46
 Хлеб §§ 39, 40, 42
 Хлеб солдатский §§ 54, 70, 77
 Хрисарий § 31
 Цены на продукты §§ 26, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 87
 Чечевница § 39
 Чума §§ 38, 42, 44, 49
 Эгемон, судья §§ 29, 32, 39, 42, 43
 Яйца § 43
 Ячмень §§ 26, 39, 43, 45, 76, 87

УКАЗАТЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ

- ἀγωγοί § 87
 ἀγρός § 38
 αἵρεσις § 20
 ἀνδρίαντα § 27
 ἀντίφορος § 27
 ἀπόθετον §§ 40, 66, 81
 βαλανεῖα, βαλανεῖον §§ 9, 43
 βασιλικαί §§ 30, 43
 βουκελλάτον §§ 54, 70, 77
 γλοσσόκομον § 80
 γωνία § 37
 δενάριον §§ 26, 38, 39, 41, 43, 45, 87
 δημόσιον §§ 29, 43, 75
 δούξ, dux §§ 57, 64, 75, 80
 ἐπαρχία § 91
 ἐπιβολαί § 39
 ἐπίσκοπος §§ 30, 58
 ἡγεμών §§ 29, 32, 42
 ἰδιωτεῖα § 3
 ἰδιῶται § 30
 κανδήλαι §§ 27, 30
 κάστρα, κάστρον § 74
 καταρράκται § 52
 κηρίονες §§ 31, 100
 κιβωτός § 29
 κληρικοί §§ 83, 100
 κληῆρος §§ 36, 83
 κόγχη § 34
 κόμης § 58
 κράμβη § 40
 κυνηγιον §§ 34, 76
 λεγεῶνες § 62
 λεκτικίον § 28
 λίτρα §§ 42, 43, 61, 93
 μάγιστρος, magister militum §§ 59, 64, 65, 73
 μόδιος §§ 26, 38, 39, 44, 45, 54, 87
 μολόχιον § 40
 μοχλοί § 52
 νουμίον §§ 41, 43
 ξένιοι §§ 34, 44, 77

ξενοδοχεῖον §§ 42, 43
 ξενοδόχος § 42
 ξέστης § 87
 ὄμηρος §§ 10, 61, 97
 ὀρχηστής §§ 27, 46
 παλάτιον § 12
 παραμονάριοι § 87
 πατριάρχης § 83
 περιόδευτης § 54
 περίπατος § 29
 πραιτώριον §§ 29, 87

προδεσμία § 61
 πύρωμα § 31
 σάκρα § 86
 σιτικός § 29
 στοαί §§ 27, 31, 32
 στολή § 1
 στατήρ § 8
 στρατηλάτης § 12
 στρῆνος § 30
 σχολαί § 34
 συντέλεια §§ 39, 66, 78, 99

τιμή § 39
 τριβοῦνος, χιλίαρχος § 71
 τριμήσιον, τριμίσιον § 84
 ὑπαρχος §§ 54, 70, 93
 φανοί § 29
 φόσσαι § 71
 χάρτης § 96
 χελώνη § 51
 χώρα §§ 46, 77, 85
 χωρεπίσκοπος § 83

Цена 11 руб. 50 коп.

К — 812

618 2